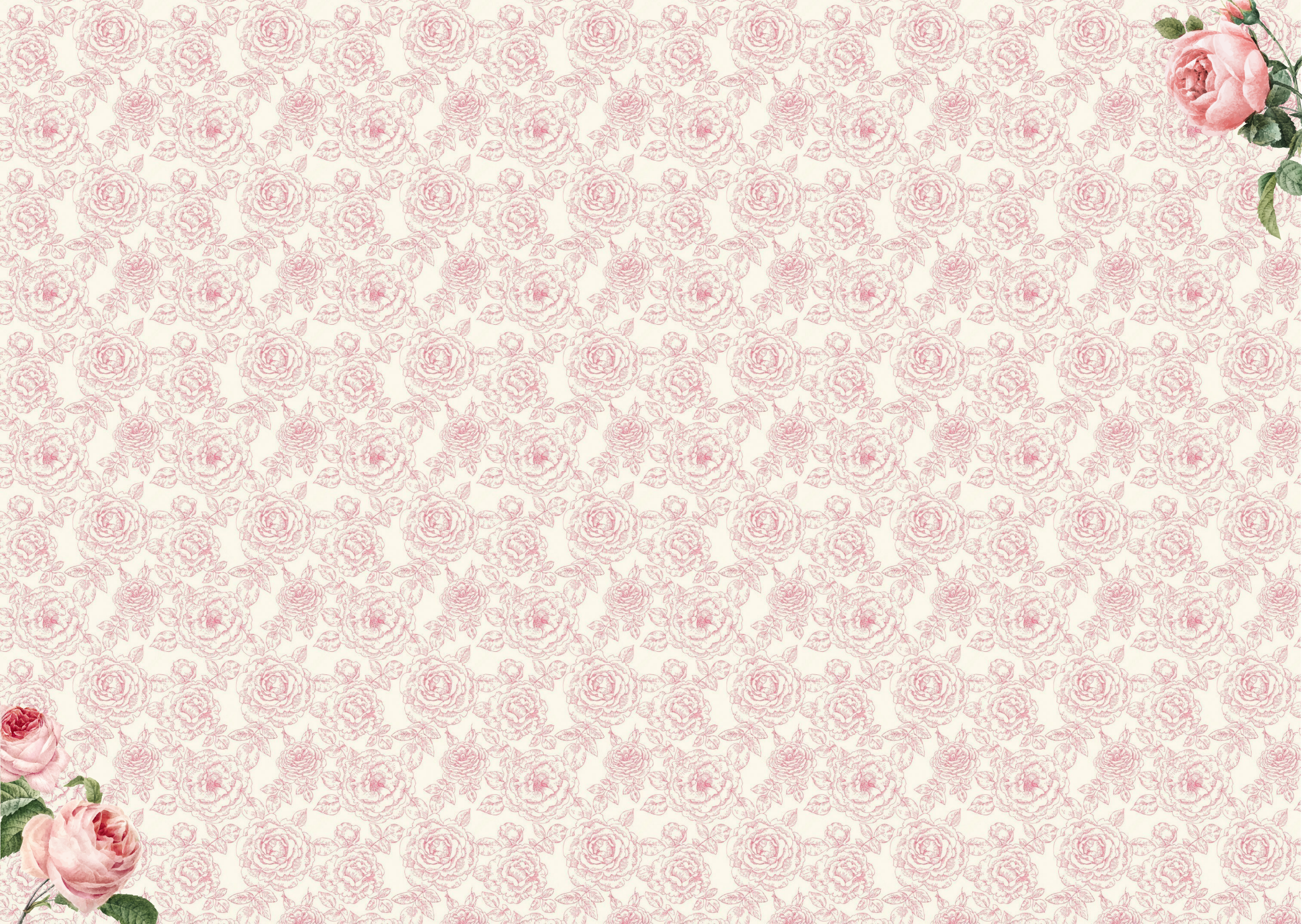
Джеймс Гудвин

Специфика Смерти

Специфика Смерти

Джеймс Гудвин

Джеймс Гудвин

СПЕЦИФИКА СМЕРТИ

Фантастическая повесть

www.goodwinland.info

Продолжение повести «Сердце Дурака»

В «Специфике Смерти» Джеймс Гудвин описывает приключения главного героя «Сердца Дурака» во вселенных Рая и Ада вместе с настоящими друзьями – любимыми персонажами фильмов и книг.

Девушке, на книжной полке которой стоит «Сердце Дурака».
Маргарите – Королеве и жене Мастера.
Миле – ведьме, сумевшей спасти наш мир.
Гелле и Золушке – жрицам вечной любви.

«Смерти нет, есть Земляничное Варенье».
Красная Шапочка

«Смерти нет».
Смерть

СОДЕРЖАНИЕ

**Предисловие автора*

**Только ты*

**Через Вселенную*

**Евангелие от Сатаны*

**Подарок Волшебника*

**Первый*

**Прозрение*

**Храм*

**Нагорная Проповедь*

**Заповеди*

**Отче наш*

**Преступление и сострадание*

**Бесконечная история*

**Париж*

**Царство Божие*

**Путь Спасения*

**Врата Рая*

**Единственный*

**Вечный вопрос*

*Смысл Жизни
*Золушка
*Эволюция и зло
*Власть и любовь
*Формула любви
*Бриллианты навсегда
*Смерть и Рождество
*Земляничное Варенье
*Великий бал фей
*Мастер и Маргарита
*Пламя веры
*Моя жена меня приворожила
*Полярный экспресс
*Список Ланъя
*Генералы песчаных карьеров
*Алое сердце
*Дон И
*Звуки музыки
*Касабланка
*Специфика Смерти

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта история о милосердии и зле.
О Сердце, которое никогда не стареет.
О вечной молодости и бессмертии наших чувств.
О свете и тьме, дающих нам мир и покой.
О Смерти, без которой не было бы жизни и любви, движения и начала.

Эта история – бесконечная дорога в сказочный мир веры и благородства, рыцарства и добра, музыки, фильмов и книг.
Это – сон, где нет страха и лжи, одиночества и тоски, подлости и потерь.
Это – страна, где все живут вечно.
Это – фантазия о тебе и только для тебя.

На экране традиционная заставка:
«Творческое объединение «Иллюзион».
Появляются титры – чёрные на белом фоне:

ТОЛЬКО ТЫ

Вечер бархатным покрывалом опустился на город. Тишина и покой вокруг Ведьминой горы. Я сижу в окружении бездомных кошек и собак и скармливаю им деликатесы, специально купленные для этого случая в центральном продмаге города. Раньше, когда они не знали кто я, у нас были мелкие недоразумения. В начале знакомства, по-видимому, от страха стая собак пыталась съесть меня вместе с моим угощением. А кошки боялись и меня и собак. Теперь никто никого не боится и все довольны друг другом. Взаимовыручка и взаимопонимание. Я их кормлю, а они слушают мой бред и рассуждения, которые ещё хуже бреда. Как, например, моё предположение, что нравственное состояние любого государства определяется не только построенными на ворованные деньги церквями, но и огромным количеством беспризорных детей, стариков без лекарств и крова, собак и кошек, выброшенных на улицу. Все государства в мире не делятся на феодальные, капиталистические, социалистические и другие придуманные фантазёрами — философами и экономистами «измы». Это, как люди, которые не делятся на блондинов и брюнетов, чёрных и белых с точки зрения моральных законов бытия, созданного Творцом. Государства делятся только на народные и антинародные, люди – на добрых и

злых, всё остальное – желание заболтать истину, лукавство и ложь… На Ведьминой горе я расслабляюсь, становлюсь самим собой, веду себя как избалованный Маугли: прыгаю с дерева на дерево, понарошку дерусь с кошками, играю в прятки с собаками, болтаю и кричу обо всём, что взбредёт в голову. Охранка точно упекла бы меня за это минимум на пятнадцать суток. Мельчают людишки: раньше при вожде-кровососе без суда и затей просто бы расстреляли. Когда же наступает ночь, летаю над городом, над любимой горой и иногда лечу к другим сказочным вселенным.

Хорошо, когда вокруг друзья и прекрасная погода. Правда, сегодня она вознамерилась испортить наш дружеский пикник. Мне не хочется лишаться такой интересной компании и весёлого костра с шашлыками. И поэтому, подумав как всегда о чём-то прекрасном, разумеется, о девушках, я решил, что погода сегодня до глубокой ночи останется прежней: тёплой и без дождя. И она со мной согласилась. Зря говорят: «Изменчива, как погода». Нет ничего вернее и надёжнее погоды и милых девушек, но только в том случае, если ты ими управляешь. Хотя, честно говоря, среди настоящих друзей у меня были в большинстве своём девушки, которые умели управлять мной. С парнями у меня как-то не клеится. Почему-то они не верят, что я могу всего лишь дружить с их подружками. Родник под гигантской сосной мерцает и поёт, шашлыки смущают запахом всех, язы-

ки пламени манят и зовут, а я, несмотря ни на что, читаю вслух стих Гудвина, посвящённый мне:

«Снег и холод в осеннем окне,
Чёрный ветер смеётся и плачет,
Смерть – зима на рогатом коне,
Улыбаясь задумчиво, скачет…»

Ну, и так далее. Все мои друзья восхищённо молчат: аплодисменты здесь не уместны. Я согласен с ними: великое нельзя испортить лестью. Поэтому нет смысла подлизываться ко мне и к стихоплёту Гудвину, тем более что все уже сыты. И всё же иногда мне так хочется, чтобы очередная возлюбленная сказала мне: «Да ты – вообще! Да ты – супер!» Но им, бедняжкам, сложно составить даже такое короткое предложение. Что делать, я предпочитаю красивых, а не умных. А как было бы здорово получить большой кусок лести и требовать, требовать: «Ещё, ещё, не останавливайся!» Знаю, что грубая, мерзкая, наглая лесть, а всё равно приятно. Да, вот такой я сложный, а не «эгоистичный подонок», как почему-то обозвала меня одна красавица, в виде исключения оказавшаяся умной. Но на то и исключения, чтобы никогда не менялись выстраданные правила, которые гласят: «Всё в жизни – обман». Хотя есть своё блаженство в неведении…

Мы странствуем во тьме жестокого и безумного мира через вселенную одиночества и зла, поэтому не следует ожидать от нас правды и откровений. Вся жизнь – это ложь и заблуждения. Да и врать намного интереснее. Жизнь становится многокрасочной и непредсказуемой. Тем более, когда начинаешь верить в собственное враньё и по привычке твердишь беспрестанно: «Да, да, все души бессмертны». Хотя, на самом деле, бессмертна только Смерть.

Но, как бы то ни было, одно я знаю наверняка: не скакал я ни на каком единороге зимней порой и ни над чем не смеялся. Бывало, выпивал по последней – для моих подопечных, но никогда не крался с ножом и не страдал от похмелья. И, разумеется, никогда не был ни старостью, ни, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, женщиной-зимой. Ох уж этот Гудвин. Ай да сукин сын.

«Господа, все существа на Земле, кроме собак и кошек, конечно же, – обращаюсь я к своим хвостатым друзьям, – примитивные животные с низменными инстинктами, направленными только на себя любимого.

«Только ты, только ты», – твердит их извращённый мозг, иногда, из прихоти, позволяющий делать им нечто, не являющееся чистым злом. И всегда, любуясь собой, они называют это с большой буквы – Добром. Что, без всякого сомнения, – грязное враньё. Смена белья не делает человека чистым и святым. И, тем более, альтруистичным добрячком-самаритянином».

Ух-ты, какие длинные слова я знаю. Удивительно, чем короче слово, тем оно более доходчиво. Как сказал наш великий Прокуратор: «Народ любит приказы». И он тысячу раз прав. Вот, например, натворил ты что-нибудь непристойное: мирные дома взрывал под лозунгом демократии, у пенсионеров, детей и инвалидов деньги украл, оружейным и табачным ворам отдал страну на разграбление, людей в скот превратил, уничтожил культуру, образование, медицину. Не беда. Главное, тверди: «Я честно исполнял уголовный кодекс и конституцию. Я законопослушный гражданин, верующий в Бизнес и в Бога. Вот даже креститься научился и корчить постную рожу, особенно когда в очередной раз что-либо сгорит, взорвётся, или затонет в нашей самой демократичной Империи мира. И живу я, поэтому, с холодной и ни разу не тронутой совестью, ибо выполняю приказы вождей и Его.»

Много раз я слышал подобные рассуждения: до Пьяного Отстрела – о приказах начальства, теперь же, во времена Нерушимого Единства – о приказах от самого Всевышнего.

Классный ход: заменить больную идеологию потребительства на веру в высшие, а потому не подвластные пониманию силы. Особенно, если эта сила принадлежит Творцу. А раз так, то чего бы Ему немного ни поделиться Божественным иммунитетом с комментаторами Святого Писания и

управленцами «самых свободных людей» на Земле? Ведь страна уже давно поделена и распродана, народ уже давно обворован и разделён, религия уже давно заменила официальный патриотизм. Но, на всякий случай, если всё это не прокатит, есть волшебное слово: «Смирно!»

Вождь приказал делиться, Церковь приказала молиться, Бог приказал умереть.

ЧЕРЕЗ ВСЕЛЕННУЮ

1

– Умереть? Можно, для разнообразия.

Представь себе: нет стран, религий, голода, войн и вокруг братство людей. Нужен ли тогда будешь ты – нужна ли будет Смерть? Уверен, да. Как бы Вселенная ни была бесконечна, она не может быть бессмертной. Смерть – это единственная возможность продолжения вечности бытия. Мир освобождается от ошибок и экспериментов, человек – от грехов и самого себя. Но, что остаётся взамен? Очередная попытка упасть и разбиться? Ведь вместе с освобождением и очищением теряется самое главное – опыт покаяния и личностная оценка своих поступков. А значит, всё начнётся заново по замкнутому кругу. Ведь милосердие и вечное наказание несовместимы, а значит,

чтобы стать небесным жителем нужно снова родиться и грешить.

2

Много раз в своих путешествиях я проходил мимо этого места. Иногда, в кратких перерывах, чувствуя усталость и пустоту, я останавливался возле любимого дома с мягким светом в окнах и вечным дымком над крышей. Не переходя мшистого мостка, я трепетно прислушивался к светлому и нежному голосу Маргариты, к голосам гостей, которым завидовал, к стихам Мастера и к любви, заполняющей всё пространство покоя и вечности последнего пристанища любимцев Мессира и его свиты. Мне казалось, что я не только не достоин, но и испугаю своей работой хрупкую Королеву и заставлю нахмуриться её друга и мужа Мастера. Но я ошибался: приглашение лежало в моём левом кармане и грело мне сердце. Я снова стоял возле их тихого дома, освещённого полной луной, не спешил и наслаждался вечерними минутами предстоящей встречи.

3

– «Солнечный король», «Дурак на холме», «Полярный экспресс» – наверное, это наши самые любимые сказки.

Маргарите особенно нравятся его стихи, – сказал Мастер, открыл книгу и вслух начал читать:

«Что тебе снится, любимый малыш?
Ночью волшебной ты вновь улетишь
Феей эфира, искристой звездой,
Пением лиры в строке золотой

К ангелу детства, к подруге своей
С именем Сказка, что сердцу милей.
Мне же оставишь в подлунной тиши
Нежную память влюблённой души –

Жемчуг прекрасный, судьбы пересчёт;
Там, где фантазии лёгкий полёт,
Там, где иллюзий тончайший обман,
Там, где жираф мой на улице Сван...

В холод январский, в бесчувственный лёд
Ангел любви мою грусть унесёт.
Ангел мой светлый уходит в туман,
Девочка Сказка рисует обман...»

4

– Я очень хотел бы стать вашим другом, но всегда этого боялся. Боялся, что вы откажете мне.

– Друзей у нас много.

– А у меня нет. И это не удивительно. Мало кто захочет дружить со Смертью. Я не злой дух. Я не соблазняю и не совращаю. И не желаю зла. Я выполняю свою работу. Я обязан выполнять свой долг. И на этом поприще я незаменим. Но мне порою бывает горько, что именно мне приходится жить во всех мирах. И ни одному из них я не принадлежу. И никто, зная, чем я занимаюсь, не хочет со мной общаться. Там меня боятся, здесь – ненавидят. Ведь я не только души очищаю, но и лишаю их близких и друзей.

– Я рада, что ты рядом с нами.

– Спасибо, Маргарита.

5

Мастер и Маргарита, держась за руки, проводили меня до лесного ручья. Маргарита, встав на цыпочки, поцеловала меня в щёку – запах лаванды и молока. Память прекрасного прошлого... Мастер крепко пожал мне руку: «Заходи. Без приглашений. Ведь ты – наш друг».

6

Мессир вздохнул и сказал:

– Хорошо, пусть будет так – священная книга, написанная святыми людьми. Но разве святые не ошибаются? Разве у них в жилах не течёт человеческая кровь? Дело ведь не в количестве ошибок, а в желании признать их и значит стать грешником, честно сказав: «Всё мною написанное – выдумка, и если она случайно совпала с действительностью, то это либо везение, либо Божий промысел». Хотя, по правде говоря, как пишут литературные критики, общая атмосфера и истина не искажены. И это главное. Что же в деталях было на самом деле, имеют право говорить и писать только очевидцы. А их уж нет, да и писать в то золотое время могли, мягко говоря, не все.

Знаю я одного свидетеля, но никто его не любит, и слушать не будет: боятся и бегают от него всю жизнь. Смерть – одноразовый собеседник на единственную тему: «Быть или не быть». Есть ещё один – это я. Но кто же поверит поверженному ангелу, мстительно искажающему правду? Разве что близкие друзья. Для них моя книга называлась бы так: «Специфика Смерти – Евангелие от Сатаны». И имя моё, придуманное людьми, и название это мне нравятся. А тебе? Вижу, что нравятся.

Поэтому подарок Мастера – именно та книга, которую ты должен прочесть перед тем, как я верну тебе память из прошлой жизни, Смерть.

7

Я вышел с другой стороны ручья на Ведьмину гору, сел возле любимой сосны и в лучах утреннего солнца начал читать подаренную Мастером рукопись.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ САТАНЫ

1

Левий Матвей – наследственный сборщик податей, сидел, поджав ноги, на краю Иерихонской дороги, пустынной и раскалённой послеобеденным солнцем жаркого месяца Нисана. Чахлые ветви почти засохшей акации не спасали от жары и режущей боли внизу живота. Он медленно валился на бок, прижимая к себе изо всех оставшихся сил суму с собранными за день деньгами. Красное марево застилало его глаза, запах гнили и смертельной болезни, признаки которой он заметил два месяца тому назад, выворачивали все внутренности и душили последние попытки встать.

Язвенными губами, почти в бреду, он хрипло бормотал: «Сука, сука, убью суку». Но убивать было уже некого. Весёлая вдова, подарившая ему срамную болезнь, исчезла вместе с караваном заморских купцов, увёзших её на север. Левий стонал и вместе с блевотиной изрыгал проклятья в адрес вдовы и всех богов, в которых давно не верил. Смерть, он чуял её и знал, она его последняя вера – вера в избавление и блаженное небытие, где не было ни одной человеческой твари, людей, которых он ненавидел.

«Приди, приди», – застонал он, и тут же чья-то прохладная рука коснулась лица, и боль, жестоко мучившая его, мгновенно ушла. Левий, не доверяя собственным чувствам, медленно открыл глаза и поразился человеку, склонившемуся над ним. Он улыбался, как могла улыбаться в детстве только мать, и как не улыбался никто, с тех пор как Левий Матвей стал сборщиком податей. На юном лице незнакомца сияли лучезарным светом глаза – глаза мудрого старика, повидавшего мир.

– Ты кто? – осторожно спросил Левий и на всякий случай нащупал руками казённую суму. Не верил он никому – ни людям, ни богам, ни юным мудрецам, подкравшимся к умирающему с деньгами. Но боль прошла, и не так, как прежде, оставшись до следующего раза внутри под сердцем: боль исчезла и исчезла навсегда. Левий испугался, провёл языком по губам и не почувствовал привычных за

последнее время язв, и испугался ещё больше: «Пришла смерть, это смерть, этот юноша – смерть».

– Нет, – по-прежнему светло улыбаясь, сказал незнакомец, – я не смерть. Смерти нет. И меня зовут Иешуа, Иешуа Га-Ноцри. Поешь, тебе надо подкрепиться, – продолжил он, протягивая Левию сладкие бататы.

– Постой, не уходи, – попросил Левий и, сделав над собой усилие, тихо спросил: «Ты – Бог?»

– Я – человек. Такой же, как и ты. По образу и подобию Господа нашего.

– Хочешь денег? – хрипло спросил сборщик податей и протянул Иешуа суму. У меня дома ещё есть.

– Левий Матвей, ты ищешь дружбы со мной?

– Да.

– А разве дружба похожа на вдову, которую ты купил вместе с болезнью? У дружбы нет цены в золоте и серебре.

– Возьми деньги просто так, купишь себе много еды и красивое платье.

– Взгляни на птиц: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Отец наш Небесный питает их. Мы не гораздо ли лучше птиц? И об одежде что заботишься? Посмотри на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут, но и царь Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. Не заботься о пище и одежде. Творец знает, что мы имеем нужду во всём этом. Не заботься о

завтрашнем дне, потому что завтрашний сам будет заботиться о себе. Ищи же, прежде всего, Царство Божие и правду Его, а всё остальное – приложится.

2

Каифа – Верховный судья и священник Храма Ирода Великого, облачённый в белые одежды, ехал в шарабане на вечернюю службу и затем – на заседание Синедриона, посвящённого предстоящему празднику Святой Пасхи.

Тяжёлые мысли одолевали его: непонятные события происходили в земле Иудейской, ото всех городов приходили слухи и противоречивые сведения о неком целителе, враче и философе, который слепым возвращал зрение, больным – здоровье, мёртвым – жизнь. Обещал бедным Рай, нищим духом – Царствие Небесное, страждущим – милосердие. Называет весь мир Храмом Божьим, отрицает субботу и обрезание. Волнуется народ, и всё чаще слышится: «Мессия, Мессия пришёл». Уж сколько раз толпы мошенников и всяких сектантов смущали умы и настроение простых и наивных граждан Иудеи: то ангелы смерти, то белые братья, то очищающие водой. И пророки, и предсказатели, и колдуны, и свидетели конца Света – все они жаждали только золота, власти и поклонения толпы. И этот разбой совращал и плавил слабые умы к выгоде

римским властям, только и ждущим мятежей и беспорядков. Священный Синедрион не допустит этого, чего бы это ни стоило, покой и порядок важнее всего. И, прости меня, Господи, даже если это был бы Мессия, не ко времени, нет, не ко времени. Да, и нет и не будет никакого Мессии, знал об этом мудрый Каифа. Давно прозрел и знал, что Бог, силу имеющий, высокомерный и властолюбивый, равнодушно взирающий на муравьиную суету людишек, никогда и никому не даст хотя бы крупицы своей власти и возможности управлять.

Презрению и равнодушию – вот чему научился у своего бога Каифа, на мгновение, иногда, в страхе думая: «А есть ли Он?»

Не правы ли язычники, поклоняющиеся природе и случайным знамениям судьбы, где главное правило – «Око за око, зуб за зуб»?

Шарабан остановился и прервал духовные размышления первосвященника. Немой возница, низко поклонившись, подошёл к нему и, мыча, показывал пальцем в сторону стоящей в одиночестве акации. Под ней лежала кожаная сума с гербовым знаком сборщика податей.

– Принеси, – приказал Каифа.

Раб тут же исполнил приказ, и Каифа в изумлении узрел содержимое сумы – чеканный профиль Кесаря множился и смущал благочестивого священника. Как могло случиться, чтобы сборщик податей оставил казённые день-

ги? Убит или умер? Но где тогда тело, и что это за разбойники, взявшие жизнь, а не деньги? Но что бы там ни было, вот они – деньги, не волшебство и не чудо, а настоящее золото. Принадлежащее кому? Ответ пришёл сам собой – Церкви, ибо из самой малости строится фундамент веры, и любая вина во благо её оправдывается высокой целью…

«Человек праведнее ли Бога? И муж чище ли Творца своего?»

ПОДАРОК ВОЛШЕБНИКА

1

Мессир встал, подошёл к камину, протянул руки к огню и сказал: – Цель оправдывает средства? Не согласен. Низкие средства убивают высокую цель. И тогда средства становятся целью. Мы – ангелы будущего. Ведь всё, что мы делаем, – это изменение настоящего ради светлого будущего. И не только для человечества, но и для нас самих. В конце концов, у нас тоже свои уроки и испытания… Будущее зависит от многих факторов, которые можно подсчитать, учесть, взвесить и потом сложить в нужном порядке. Но даже сам процесс учёта влияет на него, как полёт бабочки на появление динозавров. Короче, мы предполагаем, а Бог располагает. Поэтому в меру наших слабых сил,

будем надеяться на неточный, но положительный результат. А он нам важен, ведь генеральная линия завтрашнего дня у нас неизменна и проста: как можно больше страданий и боли в нашем цветущем Аду. А для этого и низкие, и высокие средства вполне сгодятся.

Завтра выкупишь некого Гая Блоссия, христианина, у хозяина центральной школы гладиаторов. Его жизнь важна, Смерть. В будущем его потомки должны возглавить христианскую церковь и быть во главе многих полезных начинаний: крестовых походов, инквизиции и многолетних войн во имя сына Господня.

2

«Любовь – это всё, что мы возьмём с собой к Богу нашему Иисусу Христу. Не бойтесь, братья, скоро мы получим жизнь вечную, – сказал Гай Блоссий и поцеловал страницу из священной книги – единственное, что им удалось спасти после ареста и приговора суда. Помните – последний станет первым, а первый – последним».

Мимо клетки с христианами двое гладиаторов за ноги протащили убитого товарища. Гай посмотрел на юного Луция и тихо попросил его: «Прочти ещё раз свой стих, брат».

Луций встал и медленно, с трудом разжимая разбитые губы, стал читать:

«Вера – смысл.
Дела – дорога.
Жизнь – любовь и вера в Бога,
Право выбора,
Борьба
Милосердия и зла.
Вера – нравственный закон.
Царь царей воздвиг свой трон
В сердце каждого из нас.
Только слепы мы подчас,
И считаем без конца
Тьмы звериной номера.
Вера – жизнь, бессмертный дар.
Этот вечный талисман
Нам звездой во тьме горит
И в пути земном хранит.
Вера – свет.
Придёт пора:
Все прозреют,
И Творца
Сможем мы душой принять,
И с молитвою сказать:
«Вера – смысл.
Дела – дорога.
Жизнь – любовь и вера в Бога».

3

О цене мы быстро договорились, больной и худосочный Гай Блоссий не был важен для предстоящего представления со львами. Рабов было двадцать пять, вполне достаточно для полноценного зрелища. Я повернулся спиной к клетке с христианами и собирался уходить, как вдруг тихий девичий голос позвал меня: «Смерть». Я резко обернулся и увидел огромные карие глаза, смотрящие с мольбой на меня. Девочка лет пятнадцати снова повторила: «Смерть, пусть придёт смерть. Иисус, Бог наш, подари нам смерть. Прямо сейчас...»

Я внимательно вгляделся в неё и увидел то, что должен был заметить намного раньше: её жизнь влияла на главные события всего будущего, на историю всего человечества. Без неё даже планы Мессира не могли осуществиться. Она была той редкой бабочкой, без взмаха крыла которой исчезают целые миры. Я сделал осторожный шаг вперёд, глубоко вздохнул и севшим голосом спросил её на греческом:

– Как тебя зовут?

– Ангел, меня зовут Ангел. Смерть, приди скорей, – ответила она, продолжая смотреть на меня.

До неё никто не мог выдержать мой взгляд – ни люди, ни звери, ни даже помощники Князя тьмы. Я с трудом отвёл от девочки глаза и спросил хозяина:

– Сколько? Сколько за всех?

– Благородный господин шутит. Им же сегодня на арену. Категорически невозможно, – ответил он и в фальшивом недоумении развёл руки.

Бывший центурион, герой девятого легиона, бесстрашный Квинтус Диас имел только одну слабость – драгоценные камни.

С их помощью хозяин школы гладиаторов надеялся откупиться от Харона, когда придёт смертный час, и стать бессмертным. Он давно с вожделением смотрел на моё кольцо с огромным бриллиантом, которое я создал специально к этому визиту.

– Весь этот кошель с золотом твой. Плюс кольцо. Но с одним условием: кольцо не цена, а подарок взамен твоей дружбы, когда она мне понадобится. И ты ответишь мне взаимностью на мою, поверь, очень скромную просьбу. Согласен?

– Согласен, – мгновенно ответил Диас. – Но где мне взять рабов вместо христиан?

– Возьмёшь моих. Этого старика и девчонку я беру сейчас. Остальных пришлёшь вечером, помой их и накорми.

И, не прощаясь, я пошёл к ожидающим меня рабам – созданным мной миражам, которым сегодня предстоит веселить утончённую римскую публику картинными мольбами, фонтанами крови, криками боли и смерти. С тем же успехом они могли бы весело гоняться за испуган-

ными львами и крутить им хвосты. Но не сегодня. Никаких шуток в стиле моего доброго друга Бегемота.

4

– Христиан не трогать, их купил сенатор Гратон. Накормить, умыть и дать новую одежду. Сегодня вечером передашь рабов начальнику безопасности сенатора, – сказал хозяин школы гладиаторов Квинтус Диас, обращаясь к старшине, и снова с удовольствием сжал ладонь, в которой держал кольцо с огромным бриллиантом. Подарок Смерти.

5

– Это твой урок. Ты опирался на мой авторитет и даже не стал проверять остальных христиан. Это ошибка. Твоя работа требует постоянного внимания и ответственности. Но меня больше интересует другой вопрос. Когда ты покупал девочку, что ты чувствовал – долг Смерти или жалость? И купил бы ты её, если она была бы бесполезна нам и будущему?

– Долг и жалость… Да, купил бы.

– Хорошо. Безжалостная Смерть опасна, и мне не нужна. Впрочем, и так было понятно, что ты по-прежнему добр и логичен. Ведь именно поэтому ты купил всех, а не только

Блоссия и Ангела. Без них влияние обоих наших подопечных на мир было бы значительно меньше. Знал ли я об этом? Да. Это то самое предвидение будущего, о котором я тебе говорил. Но всё же, оно всегда приблизительно, и если бы ты не купил всех, мне пришлось бы самому освободить их. Твоё сердце и интуиция помогли нам. Вот только не всегда это полезно. Как, например, то, что из любви и жалости ты захочешь стать смертным и всё забудешь. И я потеряю тебя. Пока не найду и не научу ремеслу Смерти снова, спустя много лет.

6

– Творец создал жизнь и сбалансировал её смертью, как сбалансировал зло и добро. Поэтому каждый из нас проходит в отведённое ему время ряд ролей и изменений, в результате стремясь к одной стабильной цели, уравнивающей всех – к смерти. Смерть – главный и единственный режиссёр, оттачивающий нашу основную сцену – сцену перехода в мир иной. И этот миг – закономерный итог выбранной судьбы и исполненных желаний в амплитуде предыдущих случайностей, истины и ошибок. И у каждого он свой, как подарок волшебника ни доброго и ни злого, а лишь равнодушного зрителя, принимающего холодным сердцем спектакль под названием «Жизнь». И не имеет

никакого значения, был ты первым или последним, Гай Блоссий. Смерть уравнивает всех.

– И всё же у каждого она своя, Мессир. Поэтому я хочу умереть во сне. И если удастся проснуться после этого, после смерти, я хотел бы проснуться с любимой. Она умерла раньше меня. В этом случае я согласен быть и первым, и последним...

ПЕРВЫЙ

– Мы странники. Простите, если потревожили вас с супругой в этот поздний час. Позвольте дождаться утра и разделить наши скромные припасы с вами. С первым лучом солнца мы уйдём.

– Конечно же, это вы простите меня. Не пригласил вас сразу к костру. Я и радостен, и растерян, моя жена только что родила. Это наш первенец. Нет, нет, не беспокойтесь, она молодец, чувствует себя прекрасно, родила легко и без боли. Просто чудо и молодец.

– Чудо, да, настоящее чудо. В одной из старинных книг написано: «И будут женщины отныне рожать в муках за грех познания и любопытства». Правда, сгорела книга эта вместе с другими в Александрийской библиотеке, но кто же остановит мысль Божью. Рано, даже очень рано, появятся другие книги с такими же мудростями, и все женщины

поймут, что рожать не счастье, а наказание за грех, который лично они не совершали. А значит, и любовь во всех своих проявлениях грешна и предосудительна. И нужно просто выполнять приказ: «Живите и размножайтесь». Думаю, что в вашей семье всё иначе и сын ваш – ангел. Плод любви и веры в продолжение жизни и бессмертия.

– Ангел, действительно, ангел: не плачет, не требует и не кричит. Жена слышала, как он сказал: «Мама». Но думаю, что это ей показалось. Я вижу, что вы учёные и набожные люди. Могу ли я попросить вас, чтобы вы помолились за моего сына и ангелов, которые хранили бы его?

– С удовольствием и признательностью. Ведь эту молитву я прочёл в глазах у него. Как вы назвали своего сына?

– Ещё не назвали. Может, Первый?

– Первый? Почему бы и нет. Ведь и в самом деле будут и ещё дети. Что же, помолимся, братья, за душу ангела и ребёнка в этот ночной час мечты и фантазий Бога нашего справедливого и милосердного: «Господи, не смею Тебя просить, Ты и так дал Первому всё: и любовь свою, и защиту, и здоровье, и красоту. И власть над вещами и людьми. Дай ему только одно – уйти без боли и страданий в мир иной в старости и в окружении близких и любящих его людей. И пусть свобода его и право выбора станут достоянием всех живущих на земле, а не только ангелов на небесах. И пусть спасение его будет

не только духовным, но и реальным, потому что живой пророк важнее многих мёртвых книг. Аминь». Ждать утра мы не будем. Ведь мы здесь, брат Иосиф, только из-за твоего сына. Береги его и жену свою, они – главное и в твоей жизни и в жизни всех Божьих созданий. Не обижайся на мои слова и прими эти дары в знак дружбы и преклонения перед твоим Духом Святым, который всегда будет рядом с Богом…

Три старца, опираясь на древние, как и они сами, посохи, спускались в долину. Изумрудная звезда освещала им дорогу, затмевая ярким светом полную луну. Одинокая туча на мгновение притушила сверкающий звёздный огонь. И когда она исчезла в темноте спящей горы, облик путников стал иным. Впереди шёл, слегка прихрамывая, высокий средних лет человек в невиданном в этих краях плаще. Он грустно улыбался, перебирая чётки из драгоценных камней – радужные всполохи сверкали в неподвижном воздухе. И тихо повторял:

– Отец, Ты так решил. Ты так решил...

Он резко обернулся и обратился к своим двум товарищам, принявшим облик молодых гигантов, в таких же с красным подбоем плащах:

– Смерть и Азазелло, веселье начинается. С Рождеством нас. И всё остальное наивное человечество... Как ни странно, а это сработает. Когда многие погибнут за то,

чтобы спаслись все. И только тогда наступит прозрение, но только у тех, кто погибнет.

Он сделал паузу и искренне, с глубокой любовью сказал:

– С Днём Рождения, Иисус. С Днём Рождения, брат мой.

ПРОЗРЕНИЕ

«Если вы хотите знать, что делали в прошлой жизни, – посмотрите на своё нынешнее состояние.

Если вы хотите узнать своё будущее, посмотрите на свои сегодняшние дела».

Будда

1

Поводыря слепых ещё долго мучили, узнавая маршрут, правила и места паломничества «страждущих и больных Священной Империи». В грамоте было указано пять душ, именно столько, сколько и было беглых рабов. Количество слепых решило их участь. Смерть убогих не тронула сердца гладиаторов, прошедших ад римской арены. Разрубив на мелкие куски трупы, и переодевшись в рубища, они на рассвете тронулись в долгий путь: через Иудею в западные провинции вечной Империи, откуда они надеялись попасть в родные места. До Иерусалима, где их ожидала

смерть в честь дня рождения Прокуратора Копония, оставалось два дня пути. Их побег перечеркнул планы Прокуратора, и смерть пока настигла только конвой и девиц из лучшего дома удовольствий Рима.

Они шли друг за другом. Впереди гигант Красс, свободно говоривший на трёх языках. Затем – безумный Марк, обладающий феноменальным чутьём на опасность и пьющий человеческую кровь. Дионис, получивший свободу за убитого льва и тут же потерявший её, когда изнасиловал жену консула. Бессмертный Юхан, ни разу не получивший серьёзной раны за два года сражений на арене Рима. И немой Берн, одним ударом кулака убивавший человека. Как только вдали показывалось облачко пыли или предупреждал Марк, все тут же становились слепцами, опираясь на посохи, и положив левую руку на плечо впереди идущему товарищу. Только одноглазый Красс не опускал голову и бормотал псалмы хриплым голосом при приближении всадников или каравана, униженно протягивая руку и прося подаяния. Люди в Иудеи жили богатые и добрые – бросали мелкие монеты, просили благословения у святых паломников, подсказывали, где найти в Иерусалиме бесплатный ночлег. И тогда утром у стен города окончательно сложился план: напроситься на ночлег в богатый, гостеприимный дом, ограбить хозяев и, наняв корабль, в виде купцов пересечь море.

2

Такой дом нашёлся быстро, сразу возле главного рынка, дорога к которому легко виделась с Храмовой горы. Солнце было в зените, и жара стояла невыносимая. «Слепцы», обливаясь потом, наконец-то достигли спасительной тени во дворе намеченного дома и, следуя указаниям сторожа, прошли в специальное жилище для святых странников и паломников Империи. Там было только двое: один без руки и с бельмом на глазу, другой – хилого вида юноша без ног. Оба о чём-то тихо беседовали, и только временами безногий немного повышал голос, о чём-то споря и махая руками. Красс подошёл к ним поближе и услышал, что они говорят на греческом. С бельмом на глазу спокойно и рассудительно отвечал юноше: «Но как же милосердие и вера? Разве исправление только через смерть? Даже бессердечные убийцы несут в себе зёрна добра и любви. Я попробую их изменить. Ведь, как сказал наш Учитель: «Две вещи на свете наполняют мою душу Божественным светом – звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Красс поклонился и сказал: «Извините, что перебиваю ваш учёный спор, но вы, наверное, знаете, будет ли пища и как долго можно оставаться здесь?» Однорукий, странно улыбнувшись, ответил: «Еда будет скоро, повариха в доме отменная, кроме неё ещё пятнадцать слуг, в основ-

ном слабые женщины, мужчин, включая хозяина, только трое – старые люди. Ну, а мы – калеки из Галилеи, прибывшие в святое место, чтобы помочь себе и людям. Людям, конечно же, больше». Красс ухмыльнулся, не поблагодарил и отошёл к своим: «Жрать скоро дадут, в доме одни бабы и старики. Ночи ждать нет смысла, если будет шум, днём не так слышно, да и времени у нас в обрез, нужно по-быстрому смываться». «Не нравятся мне эти двое, – сказал Марк, – их надо убить первыми». «Убьём всех, свидетелей не будет. Но сначала пожрать, затем Берн убивает калек, и все вместе – остальных, кроме хозяина: он нам расскажет, где золото закопал. Баб не насиловать, шума никакого, трупы сбросим в колодец».

3

В конце обеда вошёл мальчик лет восьми и подошёл к калекам. И Красс понял, что пора начинать. Лишние свидетели – лишние хлопоты. Он толкнул Берна, тот сразу всё понял, встал и притворно захромал в сторону первых жертв. Но всё пошло не так. Безногий и мальчик будто растворились в воздухе, а безрукий встал и с улыбкой ждал Берна. Гигант Красс не боялся ничего и никого, но здесь в тени ленивого, жирного, богатого дома, готового отдать свои сокровища любому сильному человеку, он

почувствовал себя слабой мышью в ловушке, построенной кровожадным и свирепым котом. И этим котом был безрукий калека с глазами безжалостной смерти, которые, как два факела, излучали неземной свет. Красс испугался и понял, что это последние минуты его жизни. Безумный Марк стал на колени и закрыл голову руками. Юхан побледнел и выронил меч из рук. Дионис, захлебываясь, скороговоркой забормотал: «Харон, Харон, это Харон...» Только немой Берн шёл навстречу смерти и попытался ударить безрукого. Также страшно улыбаясь, калека подставил под удар свою ладонь, и Берн отлетел к противоположной стене, ударившись всем телом, медленно сполз и остался лежать на полу. Безрукий подошёл к нему, легко поднял и сказал: «Говори». Берн открыл рот, шумно вдохнул воздух и повторил: «Говори». И глупо заулыбался: «Я тебя слышу. Спасибо».

4

– У вас право выбора. Я не буду вам мешать. Вы убьёте всех, возьмёте золото и уплывёте из страны. Ваши потомки в скором будущем станут королями, великими учёными и просто очень богатыми людьми. Но ни они, ни вы никогда не будете счастливы ни в этом мире, ни в царстве мёртвых – единственном месте для вас. Где, я обещаю, вы

будете в полной власти всех убитых вами. И даже разрезанные на мелкие части, вы будете чувствовать невыносимую боль. А на следующий день ваше тело, став единым куском, снова отправится слугами Аида на более жестокую казнь. Ваши страдания и боль будут бесконечны. Это первый путь. Второй – вы уходите, не взяв ни одной жизни, ваше будущее неизвестно. Кроме одного: вы будете прощены, и вас ожидает Рай. Для краткости так назовём место, где вас ждёт бессмертие, счастье и любовь. Итак, ваш выбор?

Безрукий, у которого появилась вторая рука и исчезло бельмо на глазу, замолчал и скрестил руки на груди.

Берн, всё также глупо улыбаясь, сказал:

– Мне не надо золота. Я слышу, я говорю. Спасибо.

– Только не Аид. Я выбираю Рай, Харон, – дал ответ Дионис.

– Золото мне нужно только для того, чтобы стать свободным и счастливым. Быть богатым рабом бессмысленно. Рай, – сказал Красс.

– Я не пойду против Бога. Рай, – ответил Марк.

– Рай, – повторил Юхан.

– Что ж, выбор сделан. Теперь о будущем. Всё, что сказано мной, остаётся в силе. Вы прощены. И в качестве небольшого подарка за правильный ответ – этот вместительный сундук с золотом. И корабль, который принадлежит вам – сирийским купцам, отплывающим в скором,

очень скором времени в дальние страны. И личный подарок каждому из вас. Красс, ты прозрел, и можешь видеть мир двумя глазами. Марк, твоя болезнь ушла и теперь тебе не надо пить кровь. Дионис, твоя жена жива и ждёт тебя, а убийцы и насильники её давно мертвы. Юхан, на родине с тебя сняты все обвинения, и настоящий убийца сегодня предстанет перед судом. Берн, твой подарок уже с тобой и ты можешь петь вслух все баллады, которые выучил в детстве и пел только в душе. Но... Знаменитое «но». Если вы лишите жизни человека, вы тут же окажетесь в Аиде. И на этот раз сразу же и без лишней суеты.

5

– Открой глаза. Мы с тобой сейчас в саду роз. Нравится?

– Ты – волшебник?

– Мой друг так иногда называет меня. Но, наверное, я и в самом деле волшебник. Вот смотри. Я срываю розу, и она летит и становится бабочкой...

– Здорово. А я иногда читаю мысли людей. Там в доме остались плохие люди. Они думали, как убить всех и забрать деньги.

– Они никого не убьют и станут хорошими, или совсем хорошими. Не волнуйся, я обещаю тебе. Хочешь стать волшебником?

– Да!

– Но с одним условием. Ты должен быть добрым волшебником, иначе волшебство закончится навсегда. Обещаешь?

– Обещаю.

– Молодец. Тебя зовут...

– Иешуа.

– Иешуа, видишь под деревом лежит мёртвая птичка. Возьми её в руки. Закрой ладони и подумай о смерти. Может ли смерть быть продолжением жизни? А теперь открой...

6

– И в том и в другом случае они бы добрались до намеченных мест. Прощённые или нет. Но после вашей убедительной демонстрации, особенно доводов Азазелло, их души открылись. И зёрна добра и любви, как поэтично высказался ты, дали всходы. Теперь многие монархи – их потомки, будут добры и милосердны. Хотя именно поэтому их будут убивать намного чаще других, менее сентиментальных тиранов, преданные подданные и благодарный народ. Что нам и требуется. Ведь бунты, восстания и революции случаются чаще всего при мудром и справедливом короле. А революции эти по масштабам

страшнее будут всякого рабства и барского зла. А больше зла – больше испытаний для грешных душ в моём Царстве свободы и справедливости. Свободы страданий и боли, и справедливости подзатыльников и пинков.

Мессир снова подошёл к огромному, от пола до потолка открытому окну. Свет полной луны серебром обрисовывал сад и силуэт Князя тьмы. Он сделал глоток из чёрной чаши и продолжил:

– И всё же главное во всём этом – пробуждение Божественной силы у Иешуа и, разумеется, его безопасность. Он не против волшебства. И избегает зла: ребёнок всё-таки, поэтому страх в его сердце. Но будет ли так всегда, когда он станет бесстрашным воином света и сможет выбирать? Не знаю, но надеюсь, что он послушает старшего брата. Иешуа – единственное существо на Земле, будущее которого я не вижу. Но могу предположить, что милосердие и добро, которые он будет защищать, многими будут восприняты, как его личная слабость, чудеса – как проделки фокусника, проповеди же его – как бред сумасшедшего, которого на всякий случай надо убить.

7

– Я помощник начальника службы безопасности Прокуратора Иудеи. Но для тебя – Волшебник.

– Я помню. Добрый волшебник.

– Разумеется, добрый. У меня к тебе предложение. Чтобы научиться настоящему волшебству, нужно пройти курс в специальной школе, где тебе обязательно понравится.

Согласен?

– Конечно же, согласен! А где это? И долго ли надо учиться?

– Долго ли? Столько, сколько ты сам решишь. Ведь волшебство, так же, как и Вселенная, бесконечно. Где? Очень далеко. В месте, которое называется Тибет, высоко в горах.

– Но, как же я смогу видеть своих родителей и своих друзей?

– Родителей – в любой момент, ведь для волшебника нет преград и расстояний. А друзьям, я считаю, не надо знать, где ты учишься и кем хочешь стать. А теперь мы должны получить согласие у твоих родителей, Иешуа.

8

– Меня зовут Сиддхартха, но можно и Будда, так меня назвал Учитель. Я уже умею летать, но не так хорошо, как Мухаммед. Он может путешествовать в любые страны, и даже на другие планеты. Он очень способный. Но скоро и я научусь путешествовать в пространстве и времени. И ты тоже. Мы здесь учимся всему, что знают наши Учите-

ля. Ведь нас не зря собрали в школе из разных времён, стран и планет. Я хотел сказать: «Мы – избранные». Но это не так, любое живое существо – избранное. Наверное, будет лучше сказать: «Посвящённые». А ты, как считаешь, Иешуа?

ХРАМ

1

– Иешуа, если меня ударили, то, что мне делать – уходить или сражаться?

– Подставь другую щёку, никогда не убегай, встречай врагов и опасности лицом, а не спиной.

– Позволь, учитель, добавить от себя. Иуда, на твой вопрос ты получил ответ? Моё мнение – не уходи, поставь на место своего неприятеля сначала силой слова и, если слово не доходит, то и силой кулака. В твёрдом кулаке всегда самый мощный аргумент, особенно против тех, кто не хочет думать, а только грабить и убивать.

– И это только в случае посягательств на твою жизнь или жизнь близких, Иуда. Если бы я считал насилие универсальным средством, то, уверен, Бог никогда не дал бы мне ни малейшей возможности быть здесь.

2

– Отец, разреши мне всё же поговорить с ними, и если они уверуют и исправят свои ошибки, то дай им прощение и шанс стать ангелами после смерти.

– Давным-давно я уже слышал подобные речи перед очищающим потопом от брата твоего. Ты уверен, что они услышат тебя и изменятся?

– Да, уверен, мне достаточно убедить десяток из них. И пусть даже через столетия моя вера станет верой большинства. Это спасёт их и потушит Твой гнев.

– Хорошо. Но на Земле ты появишься, как и все смертные, через рождение и будешь чувствовать всю боль и страдания простого человека, соблазны и грехи каждый день будут испытывать тебя. Разочарование в людях, их ложь и предательство сломают твою веру в них.

– Не сломают, у меня есть Ты.

– Там на меня не рассчитывай. Ты будешь полностью во власти людей, их страха и зависти.

– Я попробую.

– Этого мало. Ты должен знать, что справишься. Иначе назад дороги нет. Любой твой грех уничтожит не только Землю, но и тебя.

– Тогда я обещаю не сдаться, выдержать и выполнить свой обет до конца.

– Хорошо. Да будет так.

3

– Храм требует ремонта. Мы, гильдия торговцев Иерусалима предлагаем уважаемому Синедриону нашу бескорыстную помощь. Гильдия за свои средства полностью отремонтирует Храм. Кроме того, мы заплатим дополнительный налог с торговли, ссуд и обмена денег – со всего, что будет совершено всеми предпринимателями в Храме за время его восстановления. Ведь в этот длительный период никто из граждан не сможет помолиться, а священники не смогут вести службу. Нам же это позволит разгрузить от торговли рынок на горе и ускорить ремонт за счёт отчислений от прибыли в кассу гильдии.

– Это разумное предложение. Ответ мы дадим вам завтра.

4

Я с тремя помощниками обхожу торговые ряды, которых было множество под сводами огромного Храма. Это была простая и непыльная формальность, потому что на безопасность жителей и торгашей оккупированной Империей территории не только в этом здании, но и во всём

Иерусалиме, римским властям было наплевать. Каждый торговец раболепно нам кланялся и желал здоровья Императору и особенно нашему Прокуратору – луне и солнцу Иудеи. Обряд уважения был обязателен – единственно, что интересовало нас.

В Храме, скорее уже, на базаре, торговали всем, в том числе людьми, любовью и информацией. Контрабандисты слетались сюда, чтобы заключить сделки и получить сведения о выгодном на сегодняшний день товаре. Шпионы покупали у наших агентов схемы обороны, защитных сооружений и сведения о составе войск. Путаны честно исполняли любые прихоти озабоченных граждан, чаще не выходя за стены религиозного здания. Жизнь кипела, кроме обещанного торговцами ремонта – он уж точно умер на ближайшие годы. Ведь торговля оказалась намного выгоднее, чем предполагалось: многие спекулянты оставались даже ночевать под сводами Храма, меняя друг друга и работая все двадцать четыре часа. И торгаши, и покупатели были довольны отсутствием палящего солнца, зноя и наглого воровства, которое процветало на Храмовой горе, где всё было открыто и незащищено, в отличие от имеющего один вход и один выход «святого» рынка.

Я подошёл к месту продажной любви, все девчонки низко поклонились мне и пожелали здравия и долгих лет

жизни Прокуратору. Кроме одной – самой красивой и самой дорогой. Она нагло сидела на бархатном стуле и, не опуская глаз, смотрела на меня.

– Встать, – тихо приказал я. Аспазия, помедлив и презрительно скривив губы, встала, одетая в прозрачную хламиду, не скрывающую ничего. Это было сногсшибательное зрелище: такого тела даже я не видел с египетских времён.

– Прокуратор, – снова тихо сказал я.

– Славлю Прокуратора, – ответила чертовка. Я взял её за руку и потребовал:

– Ещё раз.

– Наслаждений и долгих лет любви тебе, солдатам, Прокуратору и Императору, который меня не видел.

Я отвернулся от неё и пошёл к выходу, зажав в руке записку от моего соглядатая на рынке и прекрасного друга – вечно молодой и соблазнительной Геллы – Аспазии.

5

«На рынке появился странный тип, похожий на шпиона или провокатора. Сегодня ранним утром он призывал покинуть Храм продающим и покупающим и говорил им: «Написано: «Дом мой домом молитвы наречётся»; а вы сделали его вертепом разбойников». Обещал снова вернуться и выгнать всех».

6

– Ещё один сумасшедший, – прочтя записку, сказал Афраний – Мессир, – но всё равно надо проверить. Не нравится мне атмосфера в городе, какие-то сплетни, слухи, страшилки о новом кесаре любви и милосердия, который покарает богатых и даст утешение бедным. Прошерстили мы всю Иудею – нет никого, кто бы всерьёз восстал против Императора, кроме парочки психбольных, называющих себя богами и детьми Зевса. В то же время то, что происходит в элите Империи: оголтелый разврат, обжорство, пьянство и набирающие оборот людоедские интриги в своём количестве перерастают в самоубийственное качество. Как бы Отец наш не стёр всё человечество, как сделал много лет назад; грех и зло сейчас владеют Землёй. В общем, на всякий случай посмотри, кто такой, откуда и как он незаметно проник в город. Думаю, такие речи он ведёт давно. Но пока его никто не слушал, и даже не убили на всякий случай. И это надо исправить. Азазелло, займись.

7

В полдень я расставил солдат по всей территории храмового рынка и заказал Аспазию, которая вскоре пришла в де-

журку охраны. Как хозяйка дома любви, она открыла филиал здесь и получала приличный доход и всю свежую информацию о жизни города. Лично у неё было только два клиента – Афраний и я. Покровительство начальника тайной службы Прокуратора отпугивало слишком рьяных поклонников из преступного дна и золотых вершин Иерусалима. А моё увлечение было прикрытием для нас с Геллой – ангелов, работающих в двух направлениях: спасение и наказание.

Гелла наливает мне контрабандного кофе из другой вселенной, и я наслаждаюсь терпким, бодрящим напитком с запахом сандала и вкусом горького миндаля и шоколада. Но недолго: очередной сын Зевса наконец-то пришёл и сразу же начал призывать всех закрыть торговлю и покинуть Божий Храм. Его низкий голос каким-то образом покрывал весь шум огромного рынка и доносился к нам.

– Какой интересный и приятный голос. Это не сумасшедший, – говорит Гелла, наливая мне ещё одну чашку неземного прекрасного кофе. Я делаю большой глоток, печально вздыхаю и выхожу из дежурки.

На перевёрнутом старом ведре стоит юноша около двадцати лет в порванной и грязной одежде путешественника, который прибыл, скорее всего, пешком из дальних стран и ещё не привёл себя в порядок. Рядом с ним прямо на земле сидели пятеро и преданно смотрели на проповедника.

– Приближается Пасха, а вы в Храме Божьем продаёте волов, псов и овец. И занимаетесь ростовщичеством и меняете деньги на римские монеты. И продаёте себя, называя это любовью. Заберите всё это, и не делайте дом Отца моего домом торговли…

Никто на рынке не обращает внимания на юношу, здесь не в диковинку призывы и проповеди. Мораль и торговля несовместимы. Я подхожу к оратору поближе и вдруг замечаю рядом с ним Азазелло. Он говорит голосом ещё более низким и громким, чем у говорящего:

– Правильные и своевременные слова. Можно с Вами приватно пообщаться?

Молодой человек замолчал, улыбнулся и странно посмотрел на Азазелло, как будто увидел долгожданного друга:

– Да, конечно же, наш разговор обоюдно полезен.

8

– Ты – ангел, откуда я знаю это – неважно. Господь сохранил тебе крылья?

– Нет. Я так же уязвим, как и любой человек на Земле. И это правильно: мне должны поверить не потому, что я ангел или волшебник. Правда, кое-что я всё-таки могу: лечить людей, накормить их, успокоить душевные муки

и страдания. Но это может любой человек, в котором есть хоть малая крупица веры в Бога. Завтра я буду проповедовать на Храмовой горе, хотелось бы, чтобы эти люди услышали меня.

– За безопасность не волнуйся, я, как помощник начальника тайной службы Прокуратора, буду защищать тебя. Врагов, могущественных врагов у тебя в Иудеи появится много. Я ухожу, не прощаясь. Руку жать не буду, пусть видят, что я строг с тобой.

9

Я стоял недалеко от беседующих, готовый в любой момент остановить больного проповедника, если он вздумает проклинать власти и Прокуратора. Азазелло, не обратив внимания на протянутую юношей руку, подошёл ко мне:

– Мы закрываем рынок на карантин. Здесь обнаружена чума. Честный и ответственный гражданин только что указал мне на нищего, покрытого чумными язвами и умирающего возле северных стен Храма. Объяви всем, отправь заразного за пределы города, соблюдая все меры предосторожности, проследи, чтобы всё помещение было обработано купоросом и ослиной мочой.

– Будет исполнено, – говорю я и иду прямиком к глашатаю рынка, спящему на куче соломы возле дежурки охраны.

– Подъём, труба зовёт! – бужу я спящего толстяка, пиная его в бок.

– Объяви, что благородный и щедрый Прокуратор даёт каждому по тысяче римских монет и любую бабу бесплатно.

– Что!? – изумлённо кричит и мгновенно вскакивает на ноги глашатай.

– Шучу, шучу. Ничего серьёзного. Пусть все перемещаются на Храмовую гору. Объяви, что рынок закрывается на карантин. Навсегда.

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Иешуа Га-Нацри вместе с учениками и многими страждущими и любопытствующими ранним утром перед рассветом поднялся на Храмовую гору.

– Вот здесь мы встретим солнце, которое создал для жизни на Земле Отец наш. Мы поклонимся солнцу, затем небу, цветам и зелени кругом, земле и людям, потому что во всём этом великолепии созидающая рука Отца нашего.

Блаженны мы – видящие, слышащие и прославляющие Творца этой вселенной…

Блаженны благодарящие в молитве Бога за прожитый и сегодняшний день, а не просящие сокровищ и наказания врагов.

Блаженны идущие к Богу любой дорогой веры и добра.

Блаженны не боящиеся смерти, ибо смерть берёт только тело, а не душу.

Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят любовь Бога на Страшном суде.

Блаженны дающие в тайне милостыню, ибо будут в Раю, а не как хвастливые лицемеры – в Аду.

Блаженны не собирающие богатства на земле, а имеющие сокровища из созидания и творчества, подобно Отцу нашему.

Блаженны любящие ближнего своего и знающие, что чужого должны любить чужие, ибо тогда на земле никогда не будет войн.

Блаженны не спорящие, не дающие клятвы, не заключающие пари, ибо они не потеряют себя и душу свою.

Блаженны не убивающие живое ради обрядов и удовольствия, а только для пропитания себя и своих близких.

Блаженны не пьющие вино без меры и не берущие опиум для забытья, ибо не станут больны телом и духом.

Блаженны не играющие на деньги, ибо не разорят семью и не потеряют душу свою.

Блаженны дающие пропитание себе и близким любым честным трудом, а не обманом и насилием, ибо мошенники и насильники исчезнут в гиене огненной.

Блаженны скромные, ибо сильны духом, а не глупой болтовнёй.

Блаженны творящие добро, они получают добро, ибо творящие зло получают зло.

Блаженны любящие семью, жену, детей своих, а не каждую встречную, гулящую или разведёнку с чужими детьми, ибо не разобьют они сердца близких своих и не окажутся в Аду.

Блаженны, кто любит и потому наказывает своих детей, ибо воспитание – это любовь.

Блаженны любящие Родину, а не весь мир, как делают предатели и демагоги.

Блаженны воины, защищающие Родину и своих близких.

Блаженны подставляющие врагу другую щёку, ибо не отступают и не бегут от опасности.

Блаженны прощающие поверженных врагов, ибо враги уже на Страшном Суде.

Блаженны милосердные, ибо их грехи прощены, и они помилованы будут.

Блаженны поруганные за правду и веру, ибо их ждёт Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо их слёзы подсчитаны.

Блаженны, кто говорит с Богом так: «Господи, дай мне силы благодарить тебя, суету и ложь удали от меня, избавь от богатства и нищеты».

ЗАПОВЕДИ

«…гордыня – мой самый любимый грех ».

Евангелие от Сатаны, Заповеди

1

– Суету и ложь я даю любой алчной душе в неограниченном количестве, особенно в безумных гонках за богатством. Творец создал жизнь и сбалансировал её смертью, как сбалансировал зло и добро. Но это не мешает больным на голову людям бегать по кругу безо всякого смысла. Хотя есть своя прелесть в повторении ошибок и разочарований, в нарушении заповедей и законов в надежде схватить золотую морковку. Я не против нарушений, я против лицемеров и эгоистов, ведь ложь бывает и святой. Нарушай, на здоровье, если твоим близким, а не лично тебе любимому, это принесёт добро. Зло – это то, против чего мы боремся вместе со всеми ангелами, иногда разными методами и по разную сторону баррикад. В основном нравственные законы, как мои, так и Иешуа работают, и их не стоит нарушать по любому мелкому поводу…

Заповеди мои те же, что и у Христа. Братья мы всё же. Поэтому, прежде всего, о главных, об остальных, включая шестьсот запретов, позже:

Не убей, если это не враг, покусившийся на жизнь твою и твоих близких – смерть ревнива и ей не нужны эгоистичные помощники с комплексом Бога.

Не торгуй людьми и страной, где ты родился или стал гражданином.

Не кради у ближнего и дальнего, хоть краденое яблоко, конечно же, слаще. Но потом обязательно будет клизма.

Не пей без меры до потери человеческого облика и души.

Не кури, не употребляй наркотики и не торгуй ими.

Не играй на деньги и любые материальные блага.

Не занимайся сексом со всеми встречными – болезни сожрут тебя, даже если ты предохраняешься, ведь всё в жизни кончается и рвётся.

И, разумеется, старозаветное, лагерное – «Не верь, не бойся, не проси». И не забывай, что гордыня – мой самый любимый грех.

Был у меня в знакомых барон Майгель – из Рюриков, как он говорил, хотя врал, конечно. Кубок из его черепа по-прежнему мой любимый и то только потому, что Маргарита из него пила. Так вот, любил он в компании девушек прелестных, поэтичных грамотками своими трясти, как будто он не человек, а собака на случке или конь породистый и родовитый. Предками своими нужно гордиться не по званию, а по делам их. Хотя, помнится мне, что родовитые эти с сотоварищами ввели право позорное, крепостное

и были крупными рабовладельцами в то время. И именно поэтому до сих пор, начатая много лет назад, гражданская мясорубка никак не остановится. Ведь у рабов нет гордости, только одна на всех с гнутьём пальцев воровская гордыня с убогой идеологией светлого будущего. Хотя, единственно, что их ждёт в будущем – это Смерть и Ад. Забавно, но один из основных постулатов Библии тоже опирается на лучшее не в настоящем времени, а в загробном мире…

2

– Ждёт ли нас лучший мир? Да, но мы можем уже сегодня, уже сейчас жить в Раю – это наш внутренний мир, наша душа без зла и преступлений. Иешуа сел рядом с Павлом в тени старого кипариса и продолжил, – помолимся Отцу нашему: «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё; да приидет Царствие Твоё; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твоё есть Царство и сила и слава во веки. Аминь».

ОТЧЕ НАШ

Перед ужином Маргарита спросила разрешения у Мессира: вместо обычной благодарности Господу за еду и друзей прочесть стихотворение – молитву, на что получила благосклонное согласие:

«Отче наш, Творец вселенной,
Ты есть един на небесах.
Твоё святится имя денно
Молитвой в любящих сердцах:
«Да придет Царствие Твоё,
Твоя свершится воля с нами
В просторах неба и земли.
Своими щедрыми руками
Насущный хлеб нам подари.
Прости грехи, как мы прощаем
Зло должникам, и не введи
Нас в искушенье, пресыщая.
И от лукавых защити.
Твои есть Царство, сила, воля,
Весь мир, земля и неба синь,
И всех живых судьба и доля,
Где смерти нет.
Любовь.
Аминь».

– Прекрасно, сказал Мессир. А почему бы нам не пригласить на литературный вечер самого поэта, написавшего этот стих. Я думаю, это будет интересно и полезно всем. Азазелло, пригласи.

– Как что-то свеженькое и новенькое, так Азазелло. А как с феями готовить до седьмого пота бал, так Бегемот. Нет на свете мармелада и конфет для нищего духом архимандрита. Пойду оседлаю коня с яком, – неожиданно заключил пройдоха Кот и исчез за барной стойкой. Там раздались бульканье и театрально-громкий стаканный звон. Через секунду вывинтился Бегемот с серебряным подносом в одной руке и с бутылкой столетнего коньяка в другой.

– Всем по справедливости и по чину, – сказал он и за долю секунды раздал бокалы с тёмно-янтарным напитком. Разлито было филигранно: каждому точно по сто пятьдесят грамм.

– Мне, как фронтовику бального Армагеддона, который вот-вот опустится на мои хрупкие плечи, и красавице Королеве полагается дважды по сто пятьдесят, иначе мой молодой организм высохнет от недостатка любви и благодарности навсегда, – продолжал ёрничать Бегемот, подливая из бутылки себе и Маргарите.
– За прекрасных дам! Ведь мужчины ради них готовы на подвиги и героизм. Но герои даже пальцем не по-

шевелят, да что там пальцем, всеми важными частями тела, если это «не дам».

– Пошляк! – высказала общую точку зрения Гелла. Хотя только что прибывшие Азазелло, Гудвин и присоединившийся к ним Коровьев, улыбались и одобрительно поглядывали на Бегемота. Не буду скрывать: и я тоже. Но вполне возможно, по другой причине: Кот снова налил каждому волшебного коньяка до упора. Один Мессир был как всегда холоден и спокоен.

– Я!? – возмутился демагог и паяц Бегемот. – Я!? Нет и нет! Я – лесбиян и феминист. За равноправие сексбольшинств! Но писсуар! Проститутыы всех стран, соединяйтесь! Догоним и перегоним американскую порнушку и Голливуд!

– Тише, – потребовал Мессир, – рад, что Вы приняли наше приглашение, Джеймс. Думаю, что Вы уже догадались, кто мы. Тем более, поэт и писатель Гудвин много раз упоминал о нас в своих книгах.

– Для меня это исполнение недостижимой мечты, наверное, нет – не наверное, точно – лучшая оценка моего творчества. Выше даже оценки Елизаветы Второй, письмом которой я дорожу. Спасибо, Мессир. Спасибо всем вам.

– Отлично. Тогда прочтите какой-либо из сонетов Шекспира, за переводы на русский язык которых Вас благодарила покойная Королева. Кстати, я с Вами полностью согласен: Елизавета Вторая не только лучший за последние столетия монарх, но и уникальный человек, сумевший из зла сделать добро.

– Пожалуй, мой самый любимый – это сто шестнадцатый сонет. Я переводил его дольше всех, потому что в переводе Маршака он идеален. А я поставил себе сложную и трудную задачу: перевести на литературный язык сонеты Шекспира лучше, чем все предыдущие переводчики, среди которых Маршак – Эверест. Теперь я знаю, мне это удалось:

«Не признаю препятствий я к слиянью
Двух чистых душ. Ведь это не любовь,
Что всем изменам ищет оправданье,
В обмане умирая вновь и вновь.
Любовь – маяк, немеркнущий во мраке,
Над бурей путеводная звезда,
Во мгле пути неугасимый факел
И верный компас, что спасёт всегда.
Любовь – не раб, хоть время срежет розы
Цветущих лиц безжалостной косой;
Любовь сильней кладбищенской угрозы
И не подвластна смерти роковой.
А если я солгал в своём сонете,
То нет любви и нет стихов на свете».

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И СОСТРАДАНИЕ

1

– Иуда, если ты солгал, то больше не получишь денег для своих развлечений и любви. Позови сегодня на мытную площадь к городским воротам учителя своего. Посмотрим, как он выкрутится, когда спросим его о наказании для прелюбодейки, а наказание это только одно: забить преступницу до смерти камнями. Если согласится, то спросим его: «Где твоё милосердие?» И он потеряет свою славу, как друг униженных и грешников. И мы опозорим его. Кроме того, он нарушит римский закон, не позволяющий казнить преступника гражданам Иудеи. А если не согласится и скажет, что развратницу надо помиловать, то мы его обвиним в нарушение закона Моисея, и что он прощает прелюбодеяние и даже поощряет это страшное преступление.

– Да, я ему скажу и приведу сюда.

2

Иешуа вместе со своими учениками сидел за обеденным столом в доме Петра. Изобилие яств было данью уважения хозяина и его жены. За стенами дома под

палящим солнцем стояли страждущие выздоровления и тихо ждали появления пророка. Иешуа посмотрел в окно и сказал Петру:

– Вынеси людям, стоящим перед домом твоим, молока и хлеба и попроси их подождать меня в твоём амбаре для зерна: там прохладнее.

– Конечно, Учитель. Но у меня нет столько для всех.

– Не беда. Положи в корзину один хлеб и кувшин козьего молока и давай каждому. Верь мне: хватит всем.

Пётр так и сделал. Ученики, вышедшие за ним, чтобы помочь, были потрясены, когда увидели, что корзина не пустеет и Пётр всё даёт и даёт.

Первым вернулся в дом Павел и спросил Иешуа:

– Учитель, как Вы сумели наделить всех едой, ведь в корзине был только один хлеб и кувшин молока?

– Также как и лечить всех больных и убогих – это не я, а Отец наш Небесный, в которого я верую всем сердцем. Любой сможет творить чудеса, если в его сердце будет малая доля веры в Бога, пусть даже величиной не больше горчичного зёрнышка.

Дверь распахнулась, и в зал вбежал Иуда, скороговоркой сообщая о предстоящем суде у городских ворот. Иешуа выслушал его, внимательно посмотрел в глаза и сказал:

– Идём все. Пётр, скажи людям в амбаре: пусть ждут. Иуда, в твоём кармане дырка, не потеряй кошель.

3

На площади собрался жаждущий жестоких развлечений народ. Иешуа, не медля, подошёл к главному раввину и спросил:

– Как я могу помочь вам и этой женщине?

– Тебе, называющему себя учёным, оказана великая честь: быть судьёй этой преступнице. Вынеси справедливый приговор, и мы поверим, что ты не мошенник и бандит, собирающий обманом деньги и замышляющий заговор против Иудеи и римских властей.

– Хорошо. Закон Иудеи гласит, что каждый должен умереть, если совершит идолопоклонство, убийство и прелюбодеяние. Дайте мне несколько минут, я приму решение.

Иешуа сел на корточки и стал веткой писать на песке. Вскоре все увидели, что он написал имена всех раввинов, присутствующих здесь. Встревоженные фарисеи встали вокруг так, чтобы никто не смог прочесть написанное. Их коварные и жестокие лица вытянулись. Главный из них потребовал:

– Говори. Где твоё мудрое решение?

– Вот оно: да, можете побить её камнями, но только в

том случае, если вы сами безгрешны, и у вас самих никогда не возникало желания совершить тот же грех. Или мне продолжить писать на песке? Или лучше произнести все ваши грехи вслух?

Фарисеи, переменившись в лице, молча, один за другим покинули площадь. Иешуа подошёл к освобождённой девушке, поднял её и сказал:

– Иди, и больше не греши.

– Спасибо. Спасибо. Я просто люблю его.

– А разве любовь соизмерима с той болью, которую ты принесла в его семью, пытаясь украсть его. Твой грех не прелюбодеяние, а твой эгоизм и отсутствие сострадания к его детям, жене и семье, к его близким. Любовь – это не только обладание телом и сердцем любимого, это ещё и ответственность за его душу. Счастье не живёт на горе других. Кроме того, радуйся: сегодня ты спасла и свою душу, когда молилась Отцу нашему. Не вздумай Его обмануть. Прощай.

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

– Сегодня такая ночь, когда сводятся все счёты. Вы свободны, ваш долг закрыт. Прощайте, мои друзья. Но долой грусть и печаль расставания. Я пью за вас, – Воланд встал – чёрный силуэт на фоне полной луны, и осушил серебряный кубок. Его друзья и свита, стоя на глыбе мрака под звёздами Млечного Пути, выпили вместе с ним: юный демон – принц и лучший в мире шут Кот Бегемот, суровый и мрачный демон холодной пустыни чёрных душ – палач Азазелло, благородный рыцарь – опора истины, мрака и света, мудрый советник Коровьев, красавица и умница Гелла – бесстрашная дочь ведьмы и короля Солнце. И я – вечный помощник Мессира.

– Счёт закрыт, – тихо и задумчиво сказал принц. И тут же превратившись в Кота, продолжил, – И что же мне теперь делать со всем этим баблом?

Наглый фигляр и котяра Бегемот вытащил из-за спины огромный мешок с надписью «Нацбанк», откуда посыпались старые советские сторублёвки, и радостно ухмыльнулся, глядя Воланду в глаза:

– Не, я с вами останусь, Мессир, мне без счёта никак нельзя.

Бегемот браво закрутил усы и распустил хвост в звёздном дыму. Благородный рыцарь, молча, вытащил из но-

жен шпагу и, протянув рукояткой вперёд Воланду, сказал:

– Это шпага, Мессир, как и мой выбор принадлежат Вам.

В лунном свете блеснуло знаменитое пенсне, разводила Коровьев, он же Фагот, стал рядом с Котом. Демон-убийца Азазелло, сверкнув золотым клыком, стал по другую сторону Бегемота, пробурчав в ночной тишине:

– Подхалимы фиговы.

Бегемот тут же ответил:

– Присоединяюсь к мнению вышеизложенного товарища.

Все, кроме Воланда, засмеялись.

– Что ж, Смерть я не спрашиваю. Он не отделим от меня. Гелла – само сияние молодости и красоты, подошла к Мессиру и взяла его под руку:

– Помогите, месье, одинокой даме, ведь на улицах Парижа ночью так опасно.

ПАРИЖ

1

«Смерть, только после Вас», – церемонно поклонился мне Кот Бегемот, пропуская к креслу. «Литературный вечер объявляю открытым», – продолжил он и ударил по столу большим судейским молотком, который тут

же превратился в бенгальскую свечу и ярко осветил уютный полумрак гостиной дома Мастера и Маргариты. «Я не Волшебник, я только учусь, но позвольте мне прочесть стихотворение вечного друга всего цивилизованного и нецивилизованного человечества и нашего соратника – Смерти. Поаплодируем, поаплодируем, господа». Бегемот ткнул лапой в мою сторону и стал бурно хлопать, улыбаясь и подмигивая мне. «А таперича сам стих. Э, склероз, где-то здеся черновик. Айн момент», – сказал Кот и исчез под столом. Преобразившись в юного пажа из фильма «Золушка», через секунду он появился снова и стал читать тихим приятным голосом мой стих «Париж»:

«Апрель в Париже,
Ранняя весна,
Сирень и ландыш,
Тихий дождь с утра...
Улыбка юной девушки в окне
И поцелуй воздушный на руке...

Париж, Париж, ты – юности шедевр,
Ты – музыка и чувственный Лефевр,
Ажурной башни смелый силуэт,
Джоконды неразгаданный портрет.

Ты – время, мода, стиль, театр, кино,
Любимец публики и женщин Бельмондо,
Застенчивый и робкий мэтр Ришар,
Мишель Мерсье и знаменитый шарм.

Ты – волшебство, и сказка, и роман,
Три мушкетера, друг их д'Артаньян,
Любовь и честь, и Золушки мечты,
И Нотр-Дам, и Сена, и цветы...

Сирень и ландыш,
Тихий дождь с утра,
Апрель в Париже,
Нежная весна...
Улыбка девушки в распахнутом окне
И поцелуй воздушный на руке.

Я благодарно поцелуй ловлю
И, прижимая к сердцу, вновь иду
Туда, где Елисейские поля,
Пигаль, фиалки и мои друзья...»

2

– «Королева в окружении придворных дам...»

– Словно драгоценная роза среди камелий, – театрально растягивая слова, сказал Бегемот.

– Господин Кот…

– Он же Бегемот, он же Матроскин, Кот в сапогах, Том и Джерри.

– Ну, Джерри, пожалуй, мышь. И всё же, не перебивай, будь добр, автора, – сухо сказал Коровьев, поправляя пенсне.

– Уши оборву, – добавила Гелла.

– Гелла, минх херц, ей-богу, просто маленькое добавление, так, для реальности и красоты. Особенно красоты: ведь ты умопомрачительно выглядишь в этом чёрном платье «а-ля Госпожа Помпадур оплакивает свою любовь». Гелла благосклонно посмотрела на Кота и тихо сказала:

– Всё равно, заткнись.

– Месье Александр, продолжайте, – сказал Мессир, – и больше никому ни слова. Кот в притворном ужасе обеими лапами закрыл себе рот. Маргарита подлила вина в бокал великого создателя трилогии о друзьях-мушкетёрах. Александр Дюма стал читать дальше:

«Королева выделялась не только природной красотой, но и благородным превосходством цельной натуры и вы-

сокой души, которая даже патологически подозрительного короля заставляла преклоняться и верить ей.

Лучи солнца, уходящего на запад, дробились в ветвях старого вяза и изумрудной тенью ложились на стены малой гостиной королевы. Несмотря на тёплый весенний вечер, в камине мерцал мягкий огонь. Анна Австрийская зачарованно следила за светом и движением лёгкого пламени, тихо улыбалась, слушая музыку и отдаваясь воспоминаниям прошедшей ночи от первого поцелуя до его слов при расставании: «Я Вас люблю. Навсегда». Это была самая главная драгоценность – её единственный и главный грех, поражение и победа. Долгих два года она сопротивлялась ему, но больше – самой себе, своей любви, своему долгу перед Богом и короной, которая предала её и предавала не раз. Бог – младенец, любящий и прекрасный, сегодня утром в часовне улыбнулся ей с рук Девы Марии в ответ на горячую молитву. И она поняла: Бог рядом с ней, с её любовью. Он за любовь к нему, к единственному повелителю сердца Анны – благородному рыцарю Бекингэму. После этой улыбки она перестала бояться греха, потому что греха не было, а была только любовь, безумная ночь, покой и тихое «Благодарю» Богу и ему – любовнику и любимому навсегда. Глядя в золотой огонь, королева снова произнесла: «Благодарю» и нежно поцеловала подаренный герцогом прошлой ночью бриллиантовый

крестик: «Благодарю». В это мгновение дверь в гостиную открылась, и дворецкий объявил: «Его Величество король и его Высокопреосвященство кардинал». Фрейлины немедленно встали, королева осталась сидеть. Она грациозно подняла руку для поцелуя, удивляясь собственному спокойствию и отсутствию малейших угрызений совести. Король приложился мокрым носом, хмыкнул: «А Вы всё веселитесь» и уселся в соседнее кресло. Кардинал остался стоять, из-за припущенных век внимательно наблюдая за королевой и королём.

– А у нас, знаете ли, чудесные новости, – сказал король.

– Извините, что я Вас перебиваю, – вмешался кардинал, – но, позвольте мне.

– Ах да, конечно, конечно, – ответил беспечно король, – как мы договаривались.

Кардинал чуть вздохнул и резко спросил королеву:

– Надеюсь, Вы помните герцога Бекингэма, – и после двусмысленной паузы добавил, – Ваше Высочество?

Она смело посмотрела в глаза кардиналу и вдруг неожиданно почувствовала жалость к нему: всесильный и властолюбивый он обладал всем, кроме одного – способностью быть любимым и давать любовь. Анна Австрийская тихо улыбнулась и мягко ответила ему:

– Мы все знаем герцога Бекингэма. Это снова допрос?

– О нет, Ваше Высочество, о нет.

Кардинал отвёл глаза, подошёл к камину, протянул тонкие руки к огню и тихо добавил:

– Его убили.

Мир зашатался, поплыл, королева смертельно побледнела. Кардинал, удовлетворенно улыбаясь, продолжил:

– Убит три дня назад у себя во дворце. Что с Вами? Вам плохо?

– Три дня назад, в Англии? – спросила королева мёртвым голосом, не отвечая кардиналу.

– Да, три дня назад, – ответил он. «Но этого не может быть, – думала королева, – я помню его руки, губы, слова, его крестик у меня на груди. Нет, это ложь, кардинал лжёт, это его очередная низкая провокация». Королева улыбнулась, румянец вернулся на её нежное лицо:

– Вы ошибаетесь, кардинал, мне может быть плохо только от известия о Вашей смерти, но не от смерти врага Франции. И прав король – это чудесная новость.

Кардинал недоуменно посмотрел на королеву и продолжил:

– Убил какой-то фанатик или мститель. Кто знает? Вы же помните, скольких женщин он погубил.

– И мужчин, особенно тех, кто не уважает женщин. Но, извините меня, мне это уже не интересно, тем более, когда новостям больше трёх дней. Королева встала, кардинал холодно поклонился, король подошёл к ней и сказал:

– Но, Анна, нельзя же быть такой чёрствой, всё же герцог Бекингэм наш родственник.

Королева озорно улыбнулась, победно посмотрела на хмурого и озадаченного кардинала и вместе со свитой вышла из гостиной, направляясь в цветущий сад. Ранняя луна светила в небе, пахло розами и свежестью, королева вошла в миртовую беседку и, присев на скамейку, задумалась: «Зачем кардинал устроил эту дешёвую провокацию, не дающую ничего, ведь ложь легко откроется? Это совершенно не в стиле мастера интриг и ловушек. Что это? Предупреждение? Угроза? Но только не правда. Правда – это вчерашняя ночь». Анна Австрийская снова достала крестик и поцеловала его: «Благодарю»...

На следующее утро Мэри, помогая одеваться королеве, как всегда делилась с ней последними сплетнями и новостями:

– Бедный герцог Бекингэм. Ваше Высочество, это ужасно – его зарезал кинжалом какой-то безумный шотландец в чёрной маске.

– Мэри, ты же умница, как тебе не стыдно повторять глупости и выдумки кардинала.

– Вот, Ваше Высочество, весь город только об этом и говорит.

Да и граф де Ла Фер это подтверждает, он только вчера прибыл из Англии.

– Граф де Ла Фер? Он в Париже?.

– Да, Ваше Высочество. Как всегда мрачен и красив.

– Мэри, найдите графа и пришлите его ко мне. Я хочу сама его обо всём расспросить.

– Хорошо, Ваше Высочество.

В назначенное время граф де Ла Фер в скромном дорожном костюме, но со звездой Ордена Подвязки на груди, явился в гостиную королевы. Его строгое лицо было холодно и спокойно. Он поцеловал руку королеве и сел в предложенное ему кресло напротив её. Они были одни.

– Я извиняюсь за мой вид, но, к сожалению, я немедленно после встречи с Вами обязан покинуть Париж.

– Куда Вы направляетесь, граф? Конечно же, если это не секрет.

– Я снова еду в Лондон, – просто ответил граф де Ла Фер и, предваряя вопрос королевы, добавил, – от его Величества короля Франции я везу письмо его Величеству королю Англии с соболезнованиями о кончине герцога Бекингэма и с предложениями о дальнейших переговорах и о взаимных уступках.

– Граф, Вы человек чести и благородный дворянин. Скажите, Вы точно знаете, что герцог Бекингэм убит?

– Ваше Высочество, я лично видел умирающего герцога и, к сожалению, его смерть. Это случилось четыре дня назад.

Кстати, он просил Вам передать, – граф расстегнул верхние пуговицы камзола и достал конверт, – это Вам.

– Мне? – растерянно спросила королева, – почему Вы не отдали письмо королю?

– Потому что я, как правильно отметили Ваше Высочество, – дворянин.

– Но этого не может быть, – жалобно сказала Анна Австрийская, – не может быть.

– Сожалею, – тихо сказал граф. Его суровое лицо на миг потеплело, нарушая этикет, он взял королеву за руку, – крепитесь, мы все, к счастью, смертны. И это последняя надежда встретиться с любимым человеком, – он тяжело вздохнул и добавил, – на небесах. Граф де Ла Фер встал, низко поклонился и ушёл. Королева осталась сидеть, слёзы лились из её прекрасных глаз, она беспомощно повторяла: «Не может быть, не может быть». Её взгляд упал на конверт, лежащий на столике. Дрожащей рукой она взяла его, вскрыла и достала кружевной платок с её инициалами, весь в бурых пятнах крови. Из конверта на колени королевы выпал листок бумаги с гербом Бекингэма, на нём было написано:

«Я Вас люблю. Навсегда»...

Через девять месяцев Анна Австрийская вдали от Парижа, в родовом поместье графа де Ла Фер – Гранд Мотт, родила девочку, рождение которой было неизвестно ни-

кому, только верной Мэри и графу де Ла Фер – агелу-хранителю королевы и её любви к герцогу Бекингэму.

Дочь королева Франции назвала Маргаритой».

3

– Я благодарен Вам, всё, что мне нужно, я беру с собой.

– Лишь перед смертью понимаешь, что с собой хочется взять только лучшее. И оказывается, что самое лучшее – это любовь.

Интересно, что же лучшее для Смерти?

– Я готов: берите мою душу.

– Да, всегда одно и то же. Что ж, поиграем в логику. Как я могу взять то, что никогда не давал? Только хитростью и воровством. А это всё же оскорбительно. И как Вы можете дать мне то, что Вам не принадлежит?

– Чего же Вы хотите?

– А возьму-ка я Вашу любовь.

– Но разве Вы можете взять то, что Вам не принадлежит? Да и моя любовь – это я сам и есть. Берите меня.

– Хороший ответ. Ответ рыцаря. Но хватит. Смерть никогда ничего не забирает, потому что жизнь бесконечна и принадлежит только её Создателю. Добро и зло – это результат выбора каждого человека, а не манипуляций и провокаций солдат Ада. Вы ничего не должны, мне было

просто интересно, на что Вы пойдёте ради любви. Полученное Вами время – подарок от Мессира. После Вас ждёт Царство Божие – Рай. Кстати, поздравляю: Вы тоже стали создателем новой жизни на Земле. Ваша любимая назовет её Маргаритой.

ЦАРСТВО БОЖИЕ

«…в моей книге будет только одно слово – «Любовь».
Евангелие от Сатаны, Путь спасения

– Как зовут тебя, добрый человек?

– Добрый? Человек? А, пожалуй, и добрый. И человек, конечно же. Живее всех живых. Все мы по образу и подобию Его. Свита моя называет меня Мессир. Можешь так меня называть.

– А меня зовут Иешуа. Ты единственный из людей, которых я видел, совершенно здоровый. Это возможно лишь в безгрешной жизни и в праведных делах. Ты – пророк?

– Ну вот, дождался на старости лет, и особенно интересно, что именно ты признал меня праведником и святым. Жаль, что никто не напишет об этом в Священных книгах и будут только пугать мною друг друга и маленьких детей. И приучать их к мысли, что все грехи от лукавого, а значит, ты, пострел, ни в чём не виноват: согрешил – покайся, снова греши. Ибо найденная овца – дороже всех других, блудный сын – дороже послушного.

– Прости, Мессир, что перебиваю тебя. Это я говорил в главном Храме Галилеи, но не совсем так. Добрые люди не всегда всё помнят правильно. Я говорил им: «Найденная овца радует сердце пастуха, блудный сын, вернувшийся домой, радует сердце отца. Но не заблудшая овца, ни блудный сын не будут дороже праведника, потому что дорога в Царство Божие – это только добрые дела».

– Добрые дела от доброго сердца. Согласен. И для этого не надо быть святым и гением. Добро – основа души каждого. И ангела, и человека. Хотя многим овцам и сыновьям приходится вдалбливать это через седалище. И для этого не нужно быть пророком. Но я, разумеется, пророк. И потому могу предсказать, что убьют тебя добрые люди в день их праздника, чтобы повеселить себя и порадоваться, что кому-то плохо, а им – хорошо. Правда, ты можешь избежать этой позорной смерти, если покинешь сейчас стены этого грязного места, где тебе, Сыну Божьему, сидеть не пристало.

– Я рад, что ты согласен со мной. Многие добрые люди и грамотные и начитанные, и даже богословы, редко соглашались со мной, – Иешуа смутился и продолжил, – прогоняли меня…

– Камнями били, собак натравливали, – мрачно добавил Мессир.

– Нет, нет, собаки меня никогда не трогали, они ведь добрые и несчастные, жизнь их короткая и серая. Ведь и они Божьи дети, как всё живое на Земле. Да и мне ли жаловаться на эти стены, ведь то, что я здесь – это не грех.

– Иешуа, ты единственное безгрешное существо в этом мире, которым я повелеваю. И ты единственный, который мне не подвластен. Но я могу предложить тебе свободу – стража спит, двери открыты. Ты юн, зачем тебе умирать. Иди и проповедуй Царство Божие и Правду Его.

– Спасибо, Мессир. Но смогу ли я проповедовать Закон Божий, нарушив сам закон человеческий? И будут ли слушать люди беглого преступника, которого скоро поймают и без суда повесят?

– Я спрячу тебя. Я не предлагаю тебе стать моим слугой, я предлагаю тебе быть моим другом и советчиком. Смотри, все царства и сокровища мира принадлежат мне, а значит, и тебе – сокровища знаний, царство мудрости, тайны человеческих сердец. Всё будет в твоём распоряжении. Ты напишешь книгу правдивую и честную, она станет путеводной звездой для всего человечества. Мир станет лучше, добро победит и люди вернутся к своему Отцу – Создателю, намного быстрее, чем получая от меня ежедневные испытания и подзатыльники. Помоги мне, ведь у нас с тобой одна цель и задача.

– Книга – это чудесно, но, боюсь, в моей книге будет только одно слово – «Любовь». Мудрость и знание? Они в моей вере в Творца. Я думаю, что моя жизнь для Него важнее моих книг. А дружбу твою я с удовольствием принимаю, не скрою, мне приятно беседовать с мудрецом, который подтверждает мои размышления. Но прятать меня не надо, не для этого Отец наш Небесный дал мне жизнь, чтобы меня никто не нашёл. Тебе, Мессир, как пророку, я уверен, это известно.

– Известно... Известно, что не будут тебя слушать на суде и из низкого расчёта отдадут лучшего за многих худших. Известно, что только слуга кесарев Понтий Пилат, жестокий и равнодушный, поверит тебе и из страха тут же предаст лютой смерти. Известно, что под именем твоим из алчности и злобы огнём и мечом люди будут уничтожать друг друга. Известно, что в Библии, людьми написанной, власть имеющий Бог будет приказывать любить Его единого и неделимого, и правителей, которые от него, и рабство, которое от них, и веру, которая из страха потерять душу грешную. И даже учение твоё извратят и растащат по религиозным углам. Из большой любви – из любви к деньгам, которая вырастает из того же вечного страха потерять власть. Ты стремишься к этому, сын добра и милосердия?

– Нет, я не стремлюсь к этому. И если это так, а я уверен, что ты говоришь правду – значит, нет другого пути спа-

сения и, значит, это единственный выбор людей. И никто не заставит их стать ангелами и святыми, и никто не изменит их без них самих – ни Бог, ни книги, ни пророки, и, тем более, страх без любви.

ПУТЬ СПАСЕНИЯ

1

Начальник тайной службы Прокуратора Иудеи, опустив голову, слушал доклад командующего легионом о казни преступников. Никаких беспорядков, волнений и мятежей не случилось, несмотря на предсказания и запугивания премудрого Синедриона. Жара сделала своё дело, и толпа возбуждённых смертью и чужими страданиями любопытствующих рассеялась, оставив редкие группки родственников и подельников казнённых. В стороне от всех стоял помощник первосвященника Каифы и, не таясь, презрительно наблюдал за беседующим легатом и Афранием. Начальник тайной службы поднял голову, не щурясь, посмотрел на солнце, затем коротко что-то сказал легату, развернулся и, широко улыбаясь, пошёл в сторону наблюдателя. Тот не стал дожидаться Афрания и быстрым шагом удалился в разбитый на случай зноя шатёр. Афраний на секунду задержался возле шатра, ещё

раз посмотрел на солнце и, хрипло рассмеявшись, прошёл мимо. В это время легат направился к первому ряду оцепления из себастийских солдат, подошёл к самому высокому из них и сказал: «Возьми копьё и прекрати мучения преступников. Это приказ Прокуратора и мой». Легат сделал паузу и добавил: «Большая честь для новичка. Славь Прокуратора». Легионер ударил себя в грудь кулаком, в котором был зажат значок когорты, взял копьё и пошёл на вершину Лысой горы, где, облепленные мухами, мучились на трёх крестах распятые Дисмас, Гестас и Га-Ноцри. Небо на востоке резко потемнело, раздался далёкий гром, приближался долгожданный дождь и конец мучительного жаркого дня. Солдат намочил губку в ведре с водой, нацепил её на копьё и дал попить каждому из них, затем легко, казалось, чуть прикоснувшись копьём к груди преступников, умертвил Дисмаса и Гестаса. Последним был Га-Ноцри. Чёрная туча в мгновение ока заполнила всё небо, гроза и ливень обрушились на место казни и людей. Легионер, подходя к осуждённому, поскользнулся и упал на колени. Молнии одна за другой били по Лысой горе, освещая в кромешной тьме кресты и стоящего на коленях с копьём в руке, опустившего голову, солдата. Он тихо повторял: «Зачем, зачем?». В грохоте грозы слова пропадали, но Иешуа Га-Ноцри услышал их и также тихо сказал солдату: «Спасибо, Смерть».

Когда всё было кончено, Смерть, широко шагая, спустился с горы и снова стал в строй. По его лицу текли слёзы, которые смешивались с благодатным дождём, спасшим многих в этот страшный день.

2

На балконе между двумя крыльями дворца Ирода Великого при свете звёзд и полной луны беседовали начальник тайной службы Прокуратора Иудеи Афраний и молодой человек в чёрном с красным подбоем плаще. В руке Афрания сверкал отражённым светом серебряный кубок с финикийским вином. Молодой человек почтительно слушал своего собеседника.

– Смерть, эти же вопросы я задавал и Отцу нашему, и ответы на них, скажем так, успокоили меня. Ты спрашиваешь, зачем Иисус не явился перед людьми в царских одеждах, с сиянием вокруг и громогласным пением ангелов вверху? Ответ прост: Сын Божий пришёл на землю для большинства, а не для купающегося в золоте меньшинства. Очередному царю подчинятся, но поверят ли ему? Вряд ли. И каждое новое поколение придётся убеждать заново, и, чаще всего, силой – в том числе силой фокусов, фейерверков и оружия. Настоящее учение остаётся в душах только с верой, которая всегда часть главного Божь-

его принципа – права выбора, искреннего и добровольного. Что, кстати, затем не помешает вбивать насильно в головы иноверцев и еретиков заповеди самой гуманной и доброй религии на земле.

Мессир – Афраний сделал глоток из кубка и продолжил:

– А многочисленные легенды о происхождении Христа вообще нелепы. Ну, согласись, разве у Сына Божьего есть национальность? Да ещё рождённого от Духа Святого. А национальность Матери Иисуса вообще не имеет никакого значения для главной цели Бога в отношении людей. Хотя могу утверждать, что по крови она не еврейка. Иначе задушили бы фарисеи Христа по-тихому, по-семейному, как опасного юродивого, а не устроили бы публичную казнь покусившегося на основы веры не иудея, чтоб другим неповадно было, и чтобы забыли преступника поскорей. Но выйдет, как всегда, наоборот: повадно станет всему миру. И что самое неприятное: нищего философа будут помнить всегда. Да и послал Бог Сына Своего в многонациональную Иудею именно для того, чтобы Ему поверили все, а не только евреи. Смешно представить, что Христос предварительно интересовался национальностью своего собеседника, чтобы потом проповедовать исключительно по этому признаку. Ведь национальность придумали люди, а не Бог…

Почему именно в Иудее, а не в другом месте появился Мессия? Именно потому, что Иерусалим и сейчас, и в будущем – центр духовной жизни многих людей на земле. Потому что сыны Иудеи больше, чем кто-либо, влияли и влияют на жизнь всей планеты. В лучшую или в худшую сторону – это другой вопрос. Но, во всяком случае, без них многие революции и войны не состоялись бы никогда.

Ну, и главное: почему мы не могли спасти Иисуса Христа от страданий и казни? Потому что мы не имеем никакого права менять решения Сына Божия, как, впрочем, и любого смертного. Мы можем только убеждать Его. Убеждал, много раз беседовал, но Он неизменен в своих аргументах, с которыми я полностью согласен: никто и никогда не примет учение беглого преступника и, тем более, нравственность Его. Согласен умом, но не сердцем. Ведь Он – брат мне и лучший среди всех нас и ангелов, и людей.

3

Вар-равван сидел вместе с другими членами своей шайки в окружении многочисленных поклонников в кабаке «Смоковница». Каждый хотел посмотреть на человека, вырвавшегося из рук Смерти, выпить с ним и поговорить. Вар-равван пил, не пьянея, и смущённо повторял: «Вот, повезло». Его хлопали по спине, жали руку, поздравляли

и просили рассказать снова и снова – как это ощущать себя живым, обманувшим саму пройдоху – Смерть. Он монотонно отвечал: «Вот, повезло», и пил, пил и пил. Но спасительное опьянение не приходило, только перед глазами всё время, словно он был рядом, стоял юный Га-Ноцри, распятый вместо него…

Когда Вар-равван услышал голос Пилата, дарующему ему жизнь, он чуть не сошёл с ума от радости и с торжеством посмотрел на проигравших и ставших добычей Смерти осуждённых товарищей. Дисмас и Гестас тряслись от ненависти и страха. Будь Вар-равван в их руках, они, не задумываясь, предали бы его мучительной смерти. Лишь только Га-Ноцри радовался и светло улыбался ему. И это было непонятно и почему-то страшнее, чем проклятия бывших друзей из его шайки. А потом стало мучительно больно, будто его сын или брат гибнет у него на глазах, а он ничего не может сделать. Как будто свершилась самая жуткая несправедливость в его жизни, в жизни всех людей. Когда исправить уже ничего нельзя, когда рушится всё и наступает царство смерти и лжи. И убийца Вар-равван, не верующий ни в Бога, ни в дьявола, грабивший всех, в том числе, вдов и сирот, заплакал и понял: «Спасения нет, ему спасения нет»…

Кабацкая шлюха с ярко-накрашенными губами и нарисованным румянцем на дряблых щеках села ему на

колени, обняла полной рукой, а другой полезла ему в штаны. «Счастливчик» бережно посадил её на свое место, сказал всем: «Сейчас приду», и вышел во двор. Дождь закончился, город спал, только где-то выла безнадёжно и тоскливо бездомная собака. Вар-равван, не раздумывая, побежал в сторону Лысой горы. Он знал, что опоздал, что казнь свершилась и его судьба решена. Но надежда, слабая и тонкая, как свет одинокой звезды из-за уходящих туч, оставалась в сердце и заставляла спешить. Когда он поднялся на вершину Лысой горы, показалась полная луна и осветила серым светом три креста и мёртвых на них. Вар-равван содрогнулся, на негнущихся ногах подошёл к кресту Га-Ноцри и сел прямо на мокрую землю. «Прости, прости», – прошептал он и снова заплакал...

Когда он проснулся, была всё ещё тёмная ночь. Вар-равван встал и почувствовал свет и покой в душе. Страх и безнадёжность ушли, только в памяти остался прекрасный сон, где Иешуа обещал ему спасение и свою вечную дружбу и в этом мире, и в том, где для него всегда открыты врата Рая. «Спасибо», – сказал он и пошёл в сторону города, ранее ненавистного и жестокого, теперь же спасённого и прощённого Им. Дорога перестала петлять, и вновь показавшаяся луна осветила ярким серебряным светом всё вокруг. На обочине, недалеко от базара, в куче мусора лежа-

ла бездомная сука со щенятами. Она приподняла голову и жалобно завыла, чувствуя свою смерть и смерть своих детей. Вар-равван остановился и посмотрел на неё. Псина перестала выть, встала и тут же обессилено упала на мусор. Вар-равван, «Счастливчик» и прощёный убийца снял с себя рубашку, расстелил на земле, осторожно перенёс на неё собаку со щенятами и с этим драгоценным свёртком в руках продолжил свой путь. Путь веры, спасения и вечной дружбы с бессмертным мудрецом и философом, с Сыном Божьим – Иисусом Христом.

ВРАТА РАЯ

1

– В твоей прошлой жизни я обращался за советом к тебе, к Смерти. И ответ был всегда точен и безошибочен. Вот и сейчас, раз ты рядом со мной, я спрошу тебя, Смерть. Что мне делать? Я люблю её так, как мог бы любить только бессмертную. Через какие-то жалкие пятьдесят лет она умрёт. И не вспомнит меня, когда я найду её в новой жизни. Я не хочу её терять.

– Мой ответ, друг мой, Азазелло, точен, но, вполне возможно, ошибочен. Наша жизнь – именно это мгновение, а не будущее, которое неизвестно, и не прошлое, которое

не вернёшь. Ты счастлив сейчас? Отлично. Так не смешивай свою любовь со страхами и заботами завтрашнего дня. Не беспокойся о будущем, пусть будущее само о себе побеспокоится. Хотя ответ может быть и таким: ты можешь либо стать смертным, либо сделать бессмертной её. Первое возможно, второе – почти невозможно. Ведь ты знаешь, что даже Мессир может вернуть смертному молодость только один раз. Улыбнись, ещё пятьдесят лет любви – большой срок. А дальше обратишься к Творцу, ведь ты ни разу ни о чём Его не просил.

– Спасибо, Волшебник, – говорит Азазелло и чокается со мной. Звон хрустальных бокалов отражается от каменных стен старого замка и эхом исчезает в горящем камине. Я пью свой любимый арманьяк и вспоминаю первый визит в замок Мессира, где познакомился с его свитой – моими будущими друзьями и коллегами. И узнал всё о смысле жизни. И стал Смертью. И Волшебником, как назвал меня Азазелло: «Ведь Смерть – это волшебство».

2

Волшебство… Я вспоминаю, как Мессир предложил мне работу смерти, которую я и так выполнял до своего очередного рождения и о которой ничего не помнил:

«Я сидел в кабинете главного администратора психушки после ночной смены, и он, помешивая ложечкой дешёвый растворимый кофе, спросил меня:

– Так как по поводу смерти, мой юный друг?

– Я согласен. Ведь в смерти всегда есть смысл жизни. Но, главное – я стану Вашим учеником и, надеюсь, другом.

– Смысл жизни? Для начала решим другой вопрос: «Где ты живёшь?» Ты уверен, что всё вокруг – единственная реальность? И планета Земля – дом родной для человечества? Ты живёшь и видишь только небольшой фрагмент. Я покажу тебе все стороны бытия.

Мессир встал, достал из кармана золотой портсигар – алмазный фейерверк осветил стены и потолок замка. Князь тьмы зажёг сигару и закурил. Аромат утреннего леса наполнил пространство, свет стал меркнуть, хрустальная люстра превратилась в мерцающее звёздное небо над головой, горящий камин – в далёкий костёр на другом берегу реки. Изумрудный глобус драгоценным камнем сверкал и пульсировал, лёгким белым туманом заполняя всё вокруг. В полной тишине раздался глубокий и мрачный голос Мессира: «Самоубийство». Туман стал огромным экраном, панорамой окружая нас, расширив пределы комнаты в пространство без границ. И всюду тысячи людей вешались, вскрывали вены, выпрыгивали из окон, стрелялись, травились, бросались под колёса ма-

шин. В беззвучном кошмаре, дергая ногами, повешенные показывали языки, кровавыми шарами лопались головы, реки крови текли из тысяч рук и шей, изломанные, искалеченные тела извивались на земле. Медленно нарастал звук – хрипы, стоны, треск поломанных костей, какофония смерти и страшных страданий обрушились на меня. Я вцепился в ручки кресла, страх и ужас овладели мной, лишь чья-то молитва тонким лучом робко пробивалась ко мне. Она стояла на коленях на верхней площадке Эйфелевой башни – голубое платье, бант, тонкий силуэт на фоне ночного Парижа: «Спаси мою маму, и если нужна моя жизнь, возьми её».

– Мессир, я не поменяю своего решения.

– Что ж, тогда первое задание для Смерти – спаси девочку и её маму. Они важны нам.

3

– Я выполнил задание. Я понимаю, что жизнь этого ребёнка важна для будущего Земли. Но ведь дети – ангелы, их души чисты. Почему же им сразу же не родиться в Раю?

– Где они вскоре наелись бы хозяйских яблок и вся история повторилась. Сначала нужно сознательно выбрать – Рай или карусель Ада. Свобода выбора. А нашептать я могу всё, что угодно. Право человека – выбирать.

4

– Продолжаем? Войны, катастрофы, пожары, наводнения, землетрясения, ураганы и смерть. Ну и на что это похоже? Чья это реальность? Мир, где тысячи болезней, голод, холод, жара, страдания и боль. И всё создано для разрушения, страха и безумия. Где самый совершенный механизм – человеческое тело рассчитано не на неограниченное количество наслаждений, а на беспредельный диапазон боли. И не только физической, но и душевной, что намного важнее. И самое страшное здесь не смерть. Чаще всего – это короткое мгновение. Страшнее выжить после этого и стать калекой. Так что это? Рай, чистилище, материальный мир? Нет, это моё Царство, мой мир, моя вселенная. То, что люди называют Ад. Это настоящая реальность. Реальность каждого мгновения на так называемой Земле и в мирах, подконтрольных мне. Конечно, есть и другая сторона: осколки Рая, которые остались после эксперимента Творца – любовь, счастье, радость, дружба, удовольствие... Я оставил всё это. Почему? Очень просто – боль намного чувствительнее, когда она неожиданна, когда к ней нет привычки. Ведь если каждый день, да одни и те же вилы и огонь, человек – извращённое создание, привыкнет и даже начнёт получать удовольствие. В Аду страдают все, от королей до бом-

жей; разумеется, мера страдания разная. Написано же в моей книге: «Господи, избавь меня от богатства и нищеты». Почему разная? Всё взаимосвязано: как прожил предыдущую жизнь, так ответишь в следующей. И это не только наказание, но и ещё один шанс исправиться и, наконец-то, перейти в другой мир. Моя зона – единственная дорога к Свету для грешных и слабых от пороков душ. Короче: «На свободу с чистой совестью». Поэтому тюрьма или с Библейским апломбом – «Темница плача и скрежета зубов», с чарующим именем Ад создана только для этого. Ведь совесть – единственный путь, и смысл жизни – в совершенствовании души и исправлении ошибок. Я не злой и не добрый учитель, просто в моей школе каждый ученик каждый день решает одну и ту же простую задачу, но в разных вариациях и под разным углом: зло или добро. И, разумеется, в моём Царстве зло выбрать намного легче и комфортнее, так как мне без подданных ну никак нельзя.

5

– Всё в мире состоит из плюса и минуса, добра и зла, и нет промежуточного специального отстойника для грядущих решений Страшного суда, есть только мир планеты Земля, где грешники тянут свой срок и варятся в котле

страданий и боли, унижений и страха, болезней и старости. Милосердная Смерть списывает все грехи и даёт возможность попробовать ещё раз в том же Аду, но в другом обличье и с другой судьбой. Жизнь можно победить, Смерть – никогда.

6

– Предупреждал я Отца нашего: «Не давайте им ничего, пусть сами выкарабкиваются и доходят своим умом ущербным, а то они из Веры Вашей настрогают крестов всяких, и пойдут лупить друг друга. Особенно Сыновей Ваших не пожалеют. Послушать-то послушают из любопытства, а потом съедят». Так оно и вышло. Правда, после инквизиции, крестовых походов и разделения церкви в клеточку и по диагонали, наконец, стали редко, втихомолку, иногда группками, иногда чаще, чем раз в год на Пасху, соблюдать законы Божьи. Ну, думаю, неужто прозрели? Ан, нет. Читаю я черновик «Капитализма» и вижу – есть контакт. Тут же и побеседовал с автором. Полезная, говорю, книжка получится, понятная и занимательная. С юмором и с огоньком. Только, что это Вы, господин хороший, всё труд да труд? Из дерьма, простите, и за сто лет пулю не вылепишь. Главное ведь идея, а исполнить любой может. И подбросил я ему мыслишку. Просто

набросал небольшой эскиз Рая. «Вот, – говорю, – как жить надо, а не зарабатывать в тяжком труде хлеб свой насущный». И загорелся мой хороший, целый манифест состряпал, где особенно подчеркнул, с детства мечтал пострел, что женщины при оптимизме общие будут. А в остальном, как всегда: вейся, развейся, братство, равенство, свобода секса и алкоголизма. Короче, на моей зоне свои порядки решил установить, которые на поверку моими оказались. А уж дальше вождь материализма совершенно правильный логический вывод сделал: «Раз Рай на Земле мы построим, то и Бога не надо». Говорю я «вечно живому»: «Ну что, господин-товарищ, светлое будущее ты построил всем на зависть? Вот отлежишь своё в мавзолее, чёртом снова сделаю, как братца твоего старшего». А он мне одно и то же зудит и зудит: «Отпусти, да отпусти». «Э, нет, батенька, – отвечаю, – непременно надо помучаться, непременно помучаться».

– Непременно, непременно, непременно! Да-с, да-с, сударь, – закричал Кот Бегемот, вскакивая на обитый железом сундук.

– Мы рождены, чтоб сказку сделать болью, орлята учатся стрелять. И расстреливать! Товагищи, епалюция, о которой так часто и много предупреждали… Цинандали… О, моя Сулико! – неожиданно запел Бегемот, и так ловко отплясал Лезгинку, что все ему зааплодировали. Кот от-

весил низкий поклон, расшаркался и сказал похоронным голосом: «Свершилась», и при этом громко зарыдал: «Нет, не могу. Это же страшно представить: лежишь ты в стеклянном гробу, словно дохлый карась в гастрономе, и все на тебя пялятся. Одни радуются, другие ненавидят, третьи обзывают нехорошими словами. Ни встать, ни пукнуть. Ни выпить грузинского вина с разлюбезным другом, ни поцеловать французских дев, ни накрапать очередную книженцию в шалаше, ни расстрелять царских детей, ни отдать врагам за просто так часть Родины, ни насладиться пролетарским соединением. Всё чувствовать, всё понимать, и болтаться между двумя мирами гнилой кочерыжкой в аквариуме. Кошмар. Уж лучше снова родиться червяком или жуком навозным. Да, что там жуком, хотя бы вирусом СПИДа – и то наслаждений побольше будет».

7

– Смерть, ворота в Ад открываешь ты. Я расскажу тебе одну старую притчу:

«Умер человек и попал на небо вместе со своей собакой, которая так его любила, что последовала за ним. Идёт он по дороге и видит большие красивые ворота в золоте и в драгоценных камнях. Стучится, ему открывает ангел и говорит:

– Добро пожаловать.

– Что это за место? – спрашивает человек.

– Это – Рай, – отвечает ангел.

– А можно к вам зайти с собакой?

– Нет, нельзя.

Задумался человек и решил, что без собаки, которая ради любви к нему даже жизнь свою отдала, он в Рай не войдёт. Тяжело вздохнул и пошёл дальше. Вскоре видит он снова красивые, в золоте и в драгоценных камнях ворота. Стучится, ворота открывает другой ангел. Человек спрашивает:

– А можно к вам зайти с собакой?

– Можно, – отвечает ангел.

– А что это за место?

– Рай, – говорит ему ангел. – Странно. Тогда, что там, за другими воротами, где меня не пустили с моей собакой?

– Ад. Место для тех, кто предаёт своих друзей».

8

– Поговорим снова о смысле бытия. В Мультивселенной, созданной Творцом, есть только Рай и Ад. Это ведь от лукавого, то есть якобы от меня, переходные стадии, перестройки, подтексты и неопределенности. В мире только два цвета – белый и чёрный, два полюса – минус и

плюс, два нравственных закона – добро и зло. Всё остальное – оттенки, тени и отражения, принадлежащие либо одному, либо другому. Утверждать, что в мире нет ничего определённого и конкретного, удобно, прежде всего, злу – греши, завтра покаешься; убей или он убьёт тебя; умри сегодня, а я завтра; каждому – своё.

– Живём только один раз.

– А вот это как раз и не так, юноша. С точки зрения логики, действительно – один раз. Потому что душа – бессмертна. А вот сколько раз родиться, мучиться и умирать в материальном мире, как интеллигентно люди называют мой Ад, вот это вопрос, и вопрос персональный.

ЕДИНСТВЕННЫЙ

1

– Многим я даю после смерти и нового рождения возможность исправиться в лучшей форме, в лучшей физической оболочке. Но вместо благодарности они проклинают меня: «Враг рода человеческого, лукавый, искуситель, отец лжи». Ни один царь не позволит в своём царстве так отзываться о нём. В этом мы похожи с братом моим, которого также оскорбляли, унижали и распяли за любовь. Я люблю людей, и моя любовь непоколебима. Но

именно поэтому я всегда, постоянно, каждый день буду испытывать и учить их. Для них это единственный путь возвращения в Рай и к нашему Отцу.

Мессир встал, снял с полки книгу и сказал: «Прочтите Вашу новую главу, Мастер. Ведь всё, что Вы пишите, становится золотом бессмертного творчества».

В янтарном свете расставленных по всей комнате свечей наша компания выглядела загадочно и фантастично. Бегемот, развалившись на диване, пил из огромного бокала подаренный мной арманьяк. Азазелло и Гелла расположились на тигриной шкуре возле камина. Коровьев, как всегда, тщательно протирал пенсне и близоруко щурился в открытое окно, где в бархате ночной темноты вырисовывались контуры цветущей яблони и мерцал Млечный Путь. Мастер открыл выбранную Мессиром книгу, с улыбкой посмотрел на Маргариту и начал читать…

2

– Отец, ведь Ты их любил не меньше, чем нас. Они тоже ангелы, хоть Ты лишил их и крыльев, и Рая. Почему Твоя любовь больше не милосердна? Почему Ты не даёшь им ни единого шанса? Среди них ведь есть люди с прекрасной душой и верой в Тебя. Даже если их несколько человек, даже если он один... Разве нельзя помиловать всех?

– Решение принято. И ты знаешь, что, поступив иначе, ты утратишь крылья. Это твой выбор.

– Отец, право выбора – Твой драгоценный подарок. Я воспользуюсь им.

3

– Ты хочешь помочь мне вопреки воле Бога. Почему?

– Я не поверил в справедливость Его решения: истребить всех людей. Он утратил веру в человечество, я – нет.

– Но как жить в темноте? Без солнца, луны и звёзд? Без твёрдой суши под ногами и без единой живой души вокруг? Лучше умереть со всеми, это меньшая мука, чем жизнь в одиночестве без надежды и будущего для всех.

– Твоя жизнь, Ной – это будущее для всего человечества. Темнота – путь очищения и созидания нового мира. Не бойся темноты. Я и есть темнота… Одиночество? Ты не будешь один.

Корабль, который ты построишь вместе со мной, станет прибежищем многих живых существ. И разве путешествие с любимой женой можно назвать одиночеством?

– Но почему я?

– Почему? Вспомни, Ной, не ты ли единственный среди всех горожан, кормил и поил больного проказой блаженного, бормочущего о городе Солнца и справедливой жиз-

ни для милосердных людей? А когда пришли убивать его, спрятал и не отдал. Не ты ли, единственный, призывал остановить разврат и распущенность, поклонение золотому тельцу и идолам воровства? За что сидел в яме и был бит прилюдно по срамным местам под хохот совокупляющейся толпы. Не ты ли сохранил остатки сожжённой библиотеки и вручную переписывал святые книги, которые никто кроме тебя не желал читать? Не ты ли, единственный, сохранил чистую душу и благородное сердце, полученные от Бога нашего и любящего Отца? Я не буду тебе напоминать о позорной для этих мест верности жене, о стойкости солдата, не предавшего своей страны, о трудолюбивом учёном, подарившем Родине водяную мельницу и водопровод. Ты знаешь об этом не хуже меня. Поэтому, друг мой, ты – Единственный.

4

– Когда я избрал человечество объектом своей любви, ты первый на небесах принял это и полюбил их всех безраздельно и навсегда. Твоя любовь, твоя надежда были не меньше моей. Когда я принял решение наслать потоп, ты единственный, кто возразил мне, несмотря на то, что все ангелы утратили веру в человечество и в мой дар Земле. Только ты среди тьмы и разложения увидел луч любви и

спасения людей от них самих. Ты – единственный, кто не сдался, не утратил надежду, даже зная, что надежды больше нет. И единственный, кто понял, что от утраты до приобретения на самом деле один шаг. Ты можешь вернуться в Рай. Твои крылья с тобой. И ты можешь остаться здесь, став полноправным повелителем судьбы всего человечества и хранителем моей любви. Это твой выбор… Выбор испытаний, света и тьмы. Вечный вопрос.

ВЕЧНЫЙ ВОПРОС

«Воланд и его свита в строгих чёрных костюмах...»

– При галстухах и котелках, – тут же встрял Бегемот, нахлобучивая одной лапой на голову шапку-ушанку, а другой пристраивая на шее помятый галстук с изображением обнажённой блондинки на фоне зелёных пальм.

– Уважаемый Бегемот…

– Ах, Мастер, спасибо. Уважаемый. Да, да, именно так: Уважаемый, Ваше Превосходительство, Ваше Высочество, Первосвященство...

– Заткнись, – сказал Азазелло и демонстративно достал из-за спины огромный кольт. Бегемот пропищал: «Насилие» и мгновенно исчез под столом.

Мастер подвинул поближе к себе подсвечник и продолжил: «Воланд и его свита в строгих чёрных костюмах,

кроме неугомонного Бегемота, беспрепятственно проходили через многочисленные кордоны, линии и пункты контроля, опоясывающие весь город и главную церковь Каркозы, где решили пропиарить себя перед верующим электоратом «слуги» народа – члены правительства, депутаты, олигархи, представители местной элиты и другие авторитеты «в законе». Ещё при предыдущей власти город значился в списке режимных и был полностью закрыт, а теперь вообще стал похож на неприступную крепость, центром которой стал Храм Серафима Каркозского. Мессир решил осмотреться, впитать атмосферу святого места и вообще подышать свежим воздухом, поэтому шли пешком. Морозное утро сверкало праздничным солнцем, новогодними ёлками, лозунгами и рекламой светлого капиталистического настоящего. Город по случаю прибытия столичного начальства был тщательно вылизан, ярок и тих. Простые граждане в основном сидели по домам, только спецагенты в штатском и военные «выполняли задачу, осуществляя безопасность и контроль». По ходу движения Воланда и компании ответственные молодые люди бойко отдавали честь и тут же забывали о них. Бегемот в человеческом обличье и в генеральском мундире народного комиссариата счастья и наказаний радостно отвечал им тем же, почему-то не прикладывая руку к фуражке, а выбрасывая её на манер римских

легионеров вперёд. Но когда на очередном пропускном пункте он закричал: «Уря, товагищи! Фронт в рот!» и запел: «Смело, товагищи, в руку...», Мессир поморщился и сказал: «Невидимые». Бегемот мгновенно заткнулся, съёжился и прошептал: «Дойче золдатэн нихт капитулирен». И после этого до самой церкви вёл себя прилично и тихо.

Храм был заполнен, как всегда в воскресное утро святого праздника, в основном «очень важными персонами». Служба началась. Песнопение церковного хора мягкими волнами накрывало пространство и затихало в выси. Воланд вздохнул полной грудью, улыбнулся и сказал: «Если посеяно в них духовное, велико ли оно, когда пожнётся телесное? Вечный вопрос». Его голос глубокий и сильный отразился от стен Храма и эхом прокатился до алтаря. Наступила тишина, все в изумлении смотрели на Воланда, он же медленно шёл впереди своей свиты, тяжело опираясь на трость. Луч солнца, отразившись от перстня на его руке, на мгновение осветил церковь. Подойдя к алтарю, Мессир внимательно посмотрел на священника и спросил:

– Позвольте старику присесть и не обращайте на меня внимания, я у Вас ненадолго.

– Разумеется, конечно, садитесь, – ответил тот, ещё раз недоуменно посмотрел на Воланда и продолжил службу.

Коровьев, держа перед собой парчовое кресло, протиснулся через толпу.

– Прошу пардону, пардону прошу, – повторял он и, наконец, поставил, суетясь, кресло рядом с Мессиром.

– Вот-с, сами кардинал тута сиживали, вино пивали по тыще долларов за бутылку.

– Хе, что бутылка, у них одних акций на ликёроводочные и сигаретные заводики почти на миллиард долларов, – тут же съябедничал Бегемот.

– Помолчите, не мешайте людям молиться, безобразие какое-то, позовите милицию, то есть полицию, – властно сказала внушительных размеров женщина в длинной собольей шубе.

– Вон она полиция-милиция, фрёкен Бок, – деланно удивляясь, сказал Коровьев, тыча пальцем в сторону трёх молодых людей, грозно двинувшихся в направлении весёлой компании, – чего их звать, сами придут. Ай, не волнуйтесь, Вы от них завсегда откупитесь, не впервой. В крайнем случае, спрячетесь за третье гражданство.

Воланд одним движением руки развернул кресло в сторону публики и сел в него.

– Ну, что ж, пожалуй, не скучно. Пусть мне не мешают, – приказал он.

– Слушаюсь, Мессир, – сказал Бегемот, щёлкнув пальцами: «Айн, цвайн, драй, полицай», и трое стражей правопорядка мгновенно исчезли.

– Пущай отдохнут, счета в оффшоре откроют, говорил

же один из них: «Пора наличку отмывать, а то в оборотни запишут», – сказал Коровьев.

– И там вампиры, – тяжело вздохнул Бегемот.

– Дамы и господа, – эстрадным голосом провозгласил Коровьев, – ничего не бойтесь, все будут живы и здоровы, и с деньгами. Честное волшебное, денег у нас больше, чем даже у ваших олигархов вместе взятых. В принципе, их деньги – наши деньги. Но пока на несколько минуточек никто из здания религиозной культуры, то есть из церкви, не выйдет. И тут же входные двери открылись и с грохотом сами собой закрылись вновь.

– Немедленно открой, дети здесь, – приказал Воланд.

– Слушаюсь, слушаюсь, – виновато запричитал Коровьев. Я это по осторожности, а то опять полицию звать начнут.

– А зачем нам менты, вы, клоуны позорные, валите из церкви, а то рога обломаем.

– Рога? – задумчиво спросил Воланд, – ну, это всё мифы и придания. А вот в публичном месте ругаться неприлично.

– Особенно в церкви, и особенно в присутствии дам, – добавил Бегемот, – мы ведь не пусси какие-то и супротив власти, которая от Бога, ничего танцевать не будем. Мы против насилия, анархия – мать порядка, свободу разнополым бракам! А вот рога, господин Туз, ты себе сам ломай. Твоя шмара как раз на Петровке интервью у майора берёт. И при этом гадко хихикает.

– А я за насилие, – сказал Азазелло и мрачно добавил, – пошли, разберёмся.

– Ну пошли, дурилка картонная. А вы не убегайте далеко, попугаи.

– Не убежим, мамой клянусь, – сложив умоляюще ладони, сказал Бегемот, – твоей мамой, Туз. Будет у тебя попугай мамой в следующей жизни.

– Никого не убивать, – строго сказал Воланд.

Азазелло кивнул головой, толкнул плечом рядом стоящего Туза так, что тот вылетел в открытую дверь, и вышел из церкви. За ними выбежали остальные бандиты».

– Да-с, бандиты. Азазелло, друг, прости! Не смог удержаться. Бандиты, как есть бандиты. Хоть многие и в погонах. Никаких моральных принципов честного кулачного боя. Сразу стрелять.

Как, зачем, почему? Ну, пришлось вмешаться мне. Пистолетики у них отобрал, побранил немного. Затем уже Азаззело воспитательную работу провёл с различными степенями членовредительства, но без тотальных последствий. Всё-таки, они все бывшие пионеры и комсомольцы. И даже спортсмены.

Маргарита налила воду в хрустальный стакан и протянула Мастеру. Он сделал глоток и продолжил чтение своей рукописи:

– «В это время к Воланду подошёл холёный молодой человек и сказал:

– И всё-таки, я считаю, неприлично провоцировать подобную ситуацию и прерывать церковную службу.

– Как Вы правы, господин олигарх, – ответил за Воланда Коровьев, именно провоцировать. Предавать и провоцировать. Разве не Вы предали своего партнёра, и его кости таперича грызут земляные черви? Разве не Вы спровоцировали «Чёрный вторник» с сотоварищами, после которого многие разорились и стали нищими? И не Вы ли, будучи на полицейской службе, где даже ваши кровавые коллеги называли вас крысой, ведали убийствами? Дома конкурентов по заказу богатеев взрывали. Войны финансировали. И религию зачем-то поменяли. Чтоб было легче провоцировать?

– Молодой человек, – вмешался Воланд, – Вы читали Библию?

– Читал, читал, они образованные, – ответил за побледневшего олигарха Коровьев, – кандидат наук, а по бумажкам даже и доктор, а папа ваще прохфессор. Он даже деньги на строительство церквей давал, за что ихнее Вашество главный орден ему на пиджак повесил под аполодисменты и фуршетик.

– Церкви строил? Хотя это логично. Так вот, в Библии написано: «Горе вам, что строите гробницы пророкам, которых избили отцы ваши: этим вы свидетельствуе-

те о делах отцов ваших и соглашаетесь с ними. Потому и мудрость Божия гласит: «Пошлю к ним пророков и апостолов, и из них одних убьют, а других изгонят. Да взыщется от народа сего кровь всех невинных, пролитая здесь». Не всякий Храм на крови – дом Божий, и не каждый дом – Храм. Тем более, построенный на ворованные деньги. Иногда вернее помолиться в лесу, он уж точно настоящий.

– Да и не молятся они вовсе, не верят они ни в какого Мессию, просто лицемерят и притворяются. Уж больно хочется поиграть в политику. Поэтому и в православие подались. И всё время по телевизору неприлично повторяют: «Нанотехнологии, инновации, инвестиции, модернизация».

Коровьев вытянулся в струнку, деревянным шагом подошёл к олигарху и резким фальцетом добавил:

– Хамелеон Вы, батенька.

– Ну, так тому и быть, – строго сказал Воланд, – пусть будет хамелеоном. А пока веселитесь, пируйте, денег вроде хватает, до смерти далеко.

– Ой, далеко, умрут они в девяносто два года от базедовой болезни в старческом доме под Лондоном, куды их благодарные внуки засунут. И где они мемуары напишут о том, что славяне – варвары, люди второго сорта и, короче, звери. А что с ним таперича делать?

– Да ничего, его местный босс, на место которого он метит, сделает. Пусть себе катится, – ответил Воланд.

– Ага, – сказал Коровьев, сложил губы трубочкой и легко дунул в сторону ошарашенного олигарха и его компании.

Мощный поток воздуха поднял их и покатил в сторону выхода. Мелькали руки, ноги и ужасом перекошенные лица. Подоспевший Бегемот, уже в своём привычном кошачьем обличье, настежь открыл церковные двери: «Скатертью дорога», и помахал лапой вслед.

В церкви практически никого не осталось, несколько бедно одетых старушек и красивая молодая женщина с девочкой лет семи, которая держала её за руку. Стояла необычная тишина. Сквозь открытые двери, словно через увеличительное стекло, виднелся утренний город, машинная суета, толпы спешащих людей. Но ни звука не доносилось внутрь, будто внешний мир потерял свой голос. И вдруг, неожиданно для всех, девочка – огромные счастливые глаза, восторг и обожание, бросилась к Воланду и обняла его за колени. Её мать жалобно сказала:

– Алёнушка, не нужно, иди сюда. Простите её, Бога ради.

– Простить? За что? – недоуменно спросил Воланд, гладя ребёнка по голове. Ну-ка, малышка, расскажи что-нибудь, какой-нибудь вкусный стишок, – сказал он и посадил девочку себе на колени. Со счастливой улыбкой девочка обняла Мессира и положила головку ему на грудь.

– Она не говорит, вернее, раньше говорила, – заспешила объяснить женщина, – моего мужа убили на её глазах. Вы не обидите её?

– Как Вам, мамаша, не стыдно, мы же не фашисты какие-то, дети за отцов не в ответе, – проворчал Бегемот, доставая из-за спины большую куклу в розовом сарафане, – держи, кроха, она твоя.

Девочка повернулась к Бегемоту, протянула руки, взяла куклу, прижала к себе, и, улыбаясь, попыталась что-то сказать.

– Не слышу, громче, пожалуйста, – тоже улыбаясь, сказал Бегемот.

– Говори, – мягко приказал Воланд.

– Спасибо, котик, – тихо сказала девочка.

– Ну, вот, а Вы – «не говорит».

Девочка снова обняла Воланда.

– И тебе спасибо, Дедушка Мороз.

– Кто?! – изумлённо воскликнул Мессир, – Дедушка Мороз?

Впрочем, почему бы и нет. Но нужно быть честным, особенно с детьми.

– Непременно и особенно с детьми, иначе они вырастут и перестанут верить в Рождество и Деда Мороза, – как всегда встрял Бегемот.

Воланд грозно посмотрел на него и сказал:

– Я не Дед Мороз, Алёнушка, но обещаю тебе, что тридцать первого декабря каждого года всю твою жизнь к тебе будет приходить Дед Мороз с подарками. И это будет настоящий Дед Мороз. Ведь мы с ним всё-таки в родстве, и я уверен, что он выполнит мою просьбу. Хорошо?»

– Хорошо, спасибо большое, – ответила Алёнушка.

– А теперь иди к маме.

Девочка поцеловала Мессира в щёку и, крепко прижав куклу к себе, подошла к Бегемоту и обняла его свободной рукой:

– Спасибо.

– Только, пожалуйста, не называй меня Снегурочкой, – смущённо сказал Бегемот.

– Удивительная вещь – благодарность, – сказал Воланд, – большая редкость среди людей.

– Как стодолларовая купюра на городском асфальте, Мессир. Вот я, например, однажды…

– Помолчи. Послушайте меня, Анастасия Николаевна, – обратился Воланд к женщине, которая уже держала за руку свою дочь, – уезжайте из страны. Как Вы давно поняли, Вашего мужа убили по приказу его партнёра. Если Вы по-прежнему будете настаивать на продолжении следствия – убьют и Вас. В банке «Содружество» Изумрудного города есть счёт, о котором Вам не известно. Доверительным лицом по владению счётом значитесь Вы. Это неболь-

шая сумма – около полмиллиона. Основные деньги – пятьдесят миллионов Вы найдёте в Центробанке Эльдорадо. Все подробности Вам сообщит мой помощник. Коровьев, организуй всё. Вплоть до самолётов.

– А всё готово, Мессир. Вот шикарный паспорт – безвизовый въезд куда хочется, билеты и немного денег на конфеты Алёнушке.

– Ну что ж, тогда в дорогу. Вы готовы?

– Кто Вы? – растерянно спросила Анастасия Николаевна.

– Вы знаете ответ.

– Но ведь… Хорошо, я верю в Бога, значит должна верить и в Вас. Но почему «Мессир»? Вот и Ваши помощники, те же имена, что и у Булгакова. Так не бывает.

– Бывает, Анастасия Николаевна, а имена всего лишь звук. Где-нибудь в Австралии я придумал бы другие имена. Кстати, Булгаков многое написал с моих слов. Поверьте, бывают и правдивые писатели. Для которых важен результат «доброго, вечного», а не процесс самолюбования и количество поклонников. Я тоже правдивый писатель. И именно сейчас мною написана новая страница не только в Вашей жизни и жизни дочери, но и в судьбе целого поколения на Земле новой вселенной, созданной Богом. Спасибо, что не испугались и поверили мне.

– Это Вам спасибо, большое спасибо... За дочь... Я должна Вам?

– Понимаю... Нет, не должны ни душой, ни телом. Считайте, что это бескорыстный подарок от незримого друга Вашей семьи. Прощайте.

Коровьев, Анастасия Николаевна и Алёнушка вышли из церкви.

Хлопья снега, словно белый занавес, медленно опускались за ними. Алёнушка обернулась и помахала рукой: «До свидания!»

Бегемот энергично замахал обеими лапами: «До свидания, красавица, счастливого пути». Гелла послала воздушный поцелуй, Бегемот вытащил огромный носовой платок и протёр глаза.

– Сантименты, знаете ли, раскис, как после премьеры фильма «Подвиг Разведчика». Люблю стариков, беременных женщин и детей.

– Ну, что у нас ещё? – спросил Воланд.

– Пенсионеры, Мессир, – подсказала Гелла.

– Не по нашему это ведомству, хотя, что это за ведомство такое – «социальная защита»? Одна суета и обман, к сожалению, многие чиновники не любят стариков и детей, и никого не защищают. Иди, помоги тем, кто остался.

– Лечу, – ответил Бегемот и с внушительного вида саквояжем, не спеша, пошёл к оставшимся старушкам.

Воланд встал и, резко обернувшись к стоявшему возле алтаря батюшке, спросил:

– Вы всё время молчите, не мешали мне, не сбежали, как большинство, даже перекрестить не пытались. Почему?

– Я думаю, что крест в этом случае не поможет, иначе Вы не зашли бы в церковь. Но всё же, я надеюсь, что Вы не несёте сегодня зла вере и церкви.

– У нас с Вами разный подход к вере, отец Александр. Я против – «верь, не задавай вопросов», я за логику и здравый смысл. Хотя мораль у нас с Вами одинаковая. В конце концов, закон нравственности и звёздное небо над головой – главное в жизни одинокого скитальца, проведшего десять лет в лагерях за веру и любовь к Богу. Понимающего, что пользуются им попы с погонами, как покрывалом своих грехов и реверансом в сторону капризного Запада. Не сбежавшего, не оставившего свою паству, не предавшего своей веры. Почему?

– Ну, во-первых, я не одинок, – мягко улыбаясь, сказал батюшка, – это моя жена, дочь и сын, мои соотечественники. И все искренне верующие. Поверьте, большинство не такие, которых Вы выгнали из церкви сегодня. Хотя и им не отказано в истине.

– В истине? Да плевать им на истину, раньше давили за веру, теперь в гражданском костюмчике крестятся на весь

голубой экран: оптимизм умер, да здравствует религия. И ведь здорово-то как, не надо ничего строить, гонять, перегонять, поднимать и электрифицировать. «Светлое будущее – там, в Раю, после смерти. Вперёд, все, как один, и умрём в борьбе за это. Христос терпел и вам велел. Помахаем кадилом и обманем с другого боку». Чемпион лжи и демагогии – религия. И Вы, отец Александр, мудрый человек, на их стороне. Странно и непонятно.

– Извините, что повторяюсь, но я не одинок, и я на стороне моих соотечественников, искренне верующих не только в Рай и Ад, но и, прежде всего, в главный закон Божий – в любовь.

– Но как же так, Ваша паства – воры и убийцы. Начальство погрязло в грехе и корысти, а Ваши искренние соотечественники, кто поумнее, покидают тысячами страну, остальные спиваются и тихо вымирают. Скоро и любить-то будет некого.

– Помните, Христос общался с разными людьми, но прежде всего, с грешниками. Мы все грешники, и я пытаюсь, как верующий грешник, помочь людям. В независимости от степени их греха. Я верю в будущее страны, в будущее Церкви. И грязные деньги, и корыстное начальство не смогут запачкать моей веры, веры большинства честных людей.

– Ну, Бог Вам в помощь. А то давайте, я Вас устрою архиепископом где-нибудь в Австралии, например.

Подумайте о жене, детях. И о Ваших верующих, многие уже там живут, им не хватает человека Вашей души. Знаю, что откажетесь, но имейте это в виду, когда, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, станет вдруг плохо. Позовите только, я вас тут же услышу. Другой помощи не предлагаю. Вы не возьмёте, да и есть у Вас всё – счастливый Вы человек. Разве что, не откажите, возьмите для Вашей коллекции. Знаю, что с лагерей собираете, даже портсигар Жукова есть. Мой, поверьте, не хуже. Воланд достал портсигар и протянул с ободряющей улыбкой отцу Александру. Бриллиантовый треугольник на крышке портсигара засверкал и залил всю церковь мерцающим радужным светом. Отец Александр на мгновение задумался, улыбнулся в ответ и сказал:

– С удовольствием принимаю. Этому экземпляру позавидовал бы даже господин Вебстер.

– Какое позавидовал бы, – вмешался вернувшийся Бегемот, – душу бы продал и всю свою знаменитую коллекцию в придачу.

– Большое спасибо, – продолжил отец Александр, – взамен я хотел бы подарить Вам Библию. Поверьте, это без каких-либо намёков. И выбирайте любой портсигар из моей коллекции взамен Вашего.

– Любой? Даже маршальский? – спросил Мессир.

– Даже маршальский.

– За Библию – спасибо. Главное, что это подарок от достойного человека. А портсигар не нужен. Не коллекционер я, да и без портсигара не останусь. Ну, вот теперь всё. Держитесь, и не верьте в сказки про Сатану. Уж лучше верить в историю про Золушку, тем более, что всё написанное там – чистая правда. В мире всё гармонично.

Воланд легко, держа трость под мышкой, пошёл к выходу. За ним вышли Гелла и Азазелло. Последним был Бегемот. На ходу подпрыгивая и крестясь, он говорил старушкам: «Да не дьявольские это денежки, вот вам крест, настоящие, казённые, только что из банка. Это они по справедливости с первого займа с процентами возвращают. А я не магический, а просто цирковой. Опля, опля».

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Мессир закурил сигару и продолжил:

– Рождение человека не случайность и не магический трюк. Это математическая закономерность, созданная Творцом, как обязательный фрагмент пазла в общей картине бытия. Самый главный вопрос, который задают мои подопечные, прежде всего, себе: в чём смысл жизни? Хотя ответ прост и всегда доступен любому от рождения до самой смерти: стать достойным Рая. И нравственные законы для достижения этого давно определены.

В своей достаточно долгой жизни я встречался со многими знаменитыми философами, ораторами, предсказателями и пророками. Но больше всех меня поразила юная Золушка, которая написала для своих будущих детей и внуков жизненные правила, представив, что ей шестьдесят лет. Эти правила, Волшебник, я с удовольствием занёс бы в своё Евангелие. Вот они:

1. Смысл жизни – любовь.

2. Не нужно искать смысл жизни, потому что он и есть жизнь.

3. Жизнь полна страданий и зла, но всё же она прекрасна.

4. Если сомневаешься, спроси своё сердце.

5. Похорони с почестями всё плохое в твоём прошлом, чтобы оно не испортило настоящее и будущее.

6. Не плачь в одиночестве. Слёзы очищают душу, если рядом настоящий друг.

7. Не сравнивай свои проблемы с чужими.

8. Бог поймёт, даже если ты обвинишь Его во всём.

9. Время лечит всё. Но иногда лучше обратиться к врачу.

10. Неудачи и ошибки учат тебя жить. Настоящая победа – в мудрости поражений, которые учат нас побеждать.

11. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на гордыню и зависть.

12. Зависть бессмысленна. У тебя есть то, чего нет ни у кого – твоя неповторимая жизнь.

13. Каждый новый день может быть последним, сделай его праздником.

14. Будь свободным – делай то, что приносит тебе удовольствие. Но не за счёт других людей и своего здоровья.

15. Работа не Красная Шапочка, она не позаботится о тебе, когда вдруг станет плохо.

16. Каждый день делай себе подарки.

17. Надень лучшую одежду, общайся с лучшими людьми, читай и смотри лучшее. Ничего не оставляй на особенный день, он уже наступил.

18. Каждый день делай подарки близким и друзьям. Иногда доброе слово важнее бриллиантов.

19. Когда любишь, никогда не говори «нет».

20. Не отказывайся от секса и конфет – это неразумно. Особенно, когда их начинка – любовь.

21. Единственный и главный инструмент в сексе – это ум. А если его нет – деньги.

22. Счастливое детство рядом. Особенно в старости.

23. Лучше быть живым стариком, чем мёртвым молодым.

24. Не волнуйся о том, что другие думают о тебе. Если это не твои близкие и друзья.

25. Не принимай ничего всерьёз. Но ходить с бубенчиками на голове тоже не стоит.

26. Не бойся быть непохожим на всех. Ты – особенный, не забывай об этом никогда.

27. Верь в чудеса. Главное чудо – это ты и твоя жизнь.

28. Уступай. Если это не грозит твоей жизни и здоровью, и жизни и здоровью близких.

29. Сумей промолчать. Это иногда лучше самых умных слов.

30. Не спорь. Выиграешь – назовут сволочью, проиграешь – дураком. Умей сказать «да» и «нет».

31. Обида и ненависть – яд, который убивает тебя, а не твоих врагов. Месть – это снежная королева, а не сумасшедший кролик.

32. Умей прощать всё. Кроме предательства. Ведь предают только друзья. Врагам не делай исключений, не балуй их.

33. Избавься от вещей, которые тебе не нужны.

34. Избавься от людей, которые только упрекают, критикуют и делают замечания. Они искренне желают тебе зла.

35. Смерть – это не зло, когда она приходит в старости.

36. Бог любит тебя, потому что он дал тебе жизнь, а не потому, что ты ходишь в церковь.

37. Твоих детей Бог любит не меньше тебя.

38. Жизнь – это подарок от Бога и твоих родителей. Не требуй от них яркой упаковки и бантика на рубашке.

39. Всегда выбирай жизнь. Или новую жизнь, если смерть сильнее.

40. Самое лучшее ждёт тебя впереди, даже после смерти.

ЗОЛУШКА

1

В её глазах, словно в осеннем небе, колышутся облака печали и грусти. Она знает всё, и время теперь стало совсем другим – механическим равнодушным чудовищем, бездушной гильотиной, которая опускается медленно и быстро вместе с болью и потерей всего: чувств, жизни, неисполненных желаний материнства, любви и семьи. Иногда в её взгляде на короткое мгновение вспыхивает мольба и удивление: «Почему?» Никто не знает ответа и никому она не говорит о себе – мужество хрупкой девушки перед лицом страшной болезни и неизвестности. Каждый раз, стоя на коленях перед алтарём, она зажигает свечу и целует крест. Она думает и просит только об одном: «Господи, помоги мне умереть легко».

2

Когда, как всегда, Елена незаметно и тихо уходит, я выхожу вслед за ней. Мелкий дождь серой сеткой накрывает меня и лёгкую фигурку идущей впереди девушки. Вдруг она обернулась и улыбнулась чему-то вверху. Я впервые

вижу её улыбку: мгновение настоящей жизни, покоя и бесстрашия.

– Женщины всегда должны улыбаться, только тогда мужчины поймут красоту мира, – говорю я, – улыбка Джоконды ничто в сравнении с бесконечной гаммой улыбок любой женщины на Земле. О чём Вы подумали сейчас?

– О жизни, – отвечает она просто и серьёзно.

– И о смерти, – думаю я, но говорю вслух другое, – это самое сложное: думать о жизни, жить и быть живым. И знать, что жизнь не кончается никогда. Я уже пришёл, и спасибо за компанию. Я не приставала, просто часто вижу Вас в церкви, и у меня появилось странное ощущение, что Вы идеально говорите по-английски. Если это так, не могли бы Вы давать мне уроки за очень хорошую плату?

Лена странно смотрит на меня – храброе и робкое сердце в пустыне болезни и одиночества. Её голос мягкий и молодой звучит на фоне хриплых звуков города:

– Я, наверное, смогла бы заниматься с вами английским, но недолго.

– Я умненький и благоразумненький и схватываю всё на лету, даже тогда, когда кажется, что времени осталось мало.

Лена снова странно смотрит на меня. Я почтительно улыбаюсь и ухожу. Дождь кончился, из-за края тяжёлой тучи показалось солнце и, отразившись в мокром бетоне

и стекле, расчертило тенями и полутенями весь вечерний город. Я пошёл навстречу солнечным лучам, не оставляя за собой ничего: ни воспоминаний, ни сожалений и никаких теней – чёрствый двухметровый маленький воин, выполняющий свой долг по спасению редкой бабочки и всего равнодушного мира.

3

В точно назначенное время я стучусь в дверь её квартиры – «экономного» варианта обещанного капиталистического счастья: девять квадратных метров с одним окном. Она тут же открывает и с порога мне говорит:

– Я – проститутка, это моя работа.

– Поверьте, моя работа намного страшнее Вашей. Кроме того, мне не нужен английский и Ваше тело. Вы очень важны и нужны, но в другом плане, и, разумеется, здоровая. И без этой унизительной работы, которой Вы занимаетесь из-за опухоли: Вы не можете сосредоточиться на переводах и не можете работать по графику – частые головные боли и головокружение. Если Вы захотите, я совершенно бесплатно подарю Вам здоровье. Точнее, не я, а мой Учитель.

– Нужно куда-то ехать? – обречённо говорит она.

– Нет, если Вы не возражаете, мы придём к Вам в гости.

4

Вся наша компания в гостях у Золушки – это рабочее имя Елены. Мы все стоим, места практически нет.

– Семь человек на ущербный пенал – это экстрим. Немного увеличим жилплощадь, – сказал Мессир, – Бегемот, распорядись.

– Сию минуту, сию минуту. «Семь человек на пенал подлеца, йо-хо-хо, и бутылка рому. Пей, и дьявол тебя доведёт до конца, йо-хо-хо, и бутылка рому», – забормотал сиплым голосом Кот, переделав по своему обыкновению пиратскую песенку, и растаял в воздухе. Железобетонная клетка с одним окном мгновенно преобразилась и стала великолепным замком, в открытые окна которого доносился мягкий шум морского прилива.

– Другое дело, – одобрил Воланд и сел в огромное антикварное кресло возле камина, – Золушка, разрешите Вас так называть, пожалуйста, не волнуйтесь. Всё это настоящее и всё принадлежит Вам. Меня зовут Мессир, я заведую Адом и его содержимым. И теперь, когда я вижу, что Вы совершенно спокойны и многое начали понимать, могу Вас попросить принести из столовой моё, пардон, Ваше вино и всё, что Вы посчитаете нужным. Гелла, помоги.

Когда Елена и Гелла ушли. Мессир обратился ко мне:

– Молодец. Да, это редчайший экземпляр. Познакомь её

с Маргаритой, пусть Золушка очистит свою душу. Тем более, есть повод: Великий бал моего имени и фей, конечно же. Азазелло, займись застройщиком этого … капиталистического недоразумения. Как я помню, у тебя есть опыт в подобных делах. Смерть, составь ему компанию. Уверен, капиталистическая эволюция проиграет адскому злу.

ЭВОЛЮЦИЯ И ЗЛО

1

Я и Азазелло на моём стареньком и неприметном Форде приехали к зеркальной пирамиде акционерного общества «Эдельвейс», гордо возвышающейся над остальными зданиями города. Обговорив тактику убеждения председателя и главного идеолога мини-квартир господина Гофмана, мы заранее отправили его в центральное место сказки братьев Гримм «Бедный мальчик в могиле». Когда, не торопясь, невидимыми мы зашли в кабинет председателя, там лежал на ковре огромный пёс и тихо спал. Азазелло подвинул кресло к волкодаву и стал его гладить за ухом, тот блаженно открыл пасть и продолжал дрыхнуть.

– Боевой пёс, научен убивать. Это нехорошо. Надо исправить.

– Пожалуй, пора, – говорю я. И тут же за столом, заваленным бумагами, материализовался наш клиент во всей красе: с обезумевшими глазами, открытым в ужасе ртом и не совсем сухими штанами.

– Помогите! Где я?!

– Уже не в могиле. Успокойся. Вот, выпей виски. Не будем тебя перевоспитывать, это бесполезно. Учитывая, как ты презираешь и не любишь эту страну, хотя здесь родились твои предки и ты сам, сразу же после нашей беседы ты улетишь на свою историческую родину – в Германию, паспортом которой ты уже обзавёлся. Оттуда ты перечислишь всем, купившим твои «мини-пеналы», их деньги. Срок – два дня. Если решишь, что ангелы Ада недостаточно сильны, то в тот же миг окажешься снова в нелюбимой сказке, в гробу площадью два квадратных метра. Понятно?

– Да, – дрожащим голосом ответил лиходей и стал пить прямо из бутылки.

– Что интересно, даже подвёл моральную базу под свой разбой и издевательство, – говорю я, – решил отомстить победителям за проигрыш «великого рейха». Хотя реальная причина, как всегда, в деньгах и власти. И ведь не стыдно грабить бедных. Лучше бы банки брал в маске и на вороном коне. И не позорил бы своих предков и прапрадедушку – прекрасного писателя и сказочника. То-то

он сейчас в Раю, которого тебе не видать, возмущается. А мы ему, поверь, всё рассказали.

– Я построю церковь, обещаю. Бог меня простит? – жалобно спросил «сверхчеловек».

– Бог может простить, Смерть – никогда.

2

– Отец Александр, спасибо, что приняли моё приглашение и посетили это скромное жилище. Правда, оно не моё, а нашей любезной хозяйки – Золушки. Для удобства я немного увеличил её микрожильё, и теперь здесь достаточно просторно. Думаю, что негодяев, строящих и дающих согласие на строительство таких человейников, я буду наказывать их же жадностью, и начну с двух квадратных метров, уменьшая их изобретательно и жестоко. Просьба с моей стороны: после нашей беседы и чаепития, пожалуйста, исповедайте Елену и отпустите ей грехи. Она стесняется сделать это в церкви из-за своей работы, скромности и страха.

– Это моя обязанность. Я думаю, уединённое место для исповеди мы здесь найдём.

– Вас не смутит её … древняя работа?

– Я – большой грешник, и уж точно не имею права бросить в неё камень. И искренне сочувствую ей, как наш Бог и Учитель Иисус Христос.

– Отлично. Тогда за стол. Это всё приготовили Золушка и моя помощница Гелла, с которой Вы знакомы. Можно перед трапезой я задам Вам вопрос, который часто задают мне мои собеседники?

– Конечно же, спрашивайте.

– Как возник мир – сознательно или бессознательно? Мы с Вами знаем ответ. Но мне интересны Ваши аргументы.

– То есть, возник мир эволюционно или его создал Творец? Разрешите, я буду говорить простым языком. Церковные трактаты хороши для специалистов, досконально изучающих Слово. Я – человек простой и говорю просто, как и моя паства. Интересная вещь эволюция. Как соблазнительно оставить велосипед на несколько миллионов лет и получить в результате космический корабль или по меньшей мере паровоз. Но что-то в это не верится. А вот то, что из неразумной клетки случайным образом появилось всё живое на земле, в том числе обезьяна и человек, который в миллиарды раз сложнее всех кораблей и машин, мы безоговорочно верим. За миллионы лет случится только одно: велосипед превратится в ржавые молекулы – в мёртвые и бестолковые частички окружающего мира. Жизнь не возникает оттого, что несколько белковых крупинок собираются вместе. На мясокомбинате белков сколько угодно, но это мёртвая материя. Ве-

рующие люди верят в сотворение мира, атеисты в обезьян и эволюцию, утверждая, что материя существовала всегда, а значит, никакого Творца не было. Но с научной точки зрения требуются доказательства, а их нет. Нет ни одного логичного аргумента, что Бога нет, как нет и научных доказательств вечности материи. Наоборот, доказано обратное – звёзды и галактики исчезают, Вселенная расширяется до неприличия, «вечная» материя конечна и страшится хаоса. Если бы она была всегда и везде, то уже давным-давно остыла. Как остынет в своей могиле верующий во второй закон термодинамики, который научно доказывает самоуничтожение и стремление к хаосу любой материи. Всё в материальном мире имеет начало и всё – счастливый конец. Но хитрецы атеисты придумали новую теорию: Вселенная имеет начало и появилась в результате взрыва из сгустка газов. Одно только непонятно: с какого склада взяли эти взрывчатые вещества и кто их в нужное время рванул, да так удачно, что именно по звёздам проверяются сигналы точного времени. А мы должны верить, что из-за разрушительного взрыва ни с того ни с сего возникла мировая гармония. Это как верить, что ребёнка не мама родила, а противопехотная мина.

– Мессир, разрешите мне, я сразу, я быстро, вот прямо здесь.

Бегемот ловко засунул в помятое ведро с красной над-

писью на боку «Пожарная» кочергу, чайник, тостер, бронзовые столовые приборы и неизвестно откуда взявшиеся часы с кукушкой, облегчённо вздохнул и вытащил из книжного шкафа ржавое пушечное ядро с горящим фитилём. Медленно, на вытянутых лапах положил его на ведро, которое тут же, с чавкающим звуком, проглотило снаряд.

– Без глупостей, – потребовал Воланд. – Как можно. Я чту правила противопожарной безопасности и договор по химическому оружию, – деловито ответил Кот и сел на ведро. Раздался приглушённый взрыв, повалил густой дым. Притвора Бегемот подпрыгнул и тут же встал на четвереньки, засунув обе лапы в ведро.

– Вот-вот они, милые.

Счастливый Бегемот вытащил из ведра, засверкавшие бриллиантовым огнём, золотые часы Ролекс.

– Лучший подарок от молодого симпатичного кота-бизнесмена, познавшего ценность времени и эволюции. Покупайте часы только у нас – дилеров, киллеров и триллеров. Деньги – время, время – товар, товар – рыночная экономика спекулянтов и ростовщиков. В каждый дом керогаз, велосипед и радиоточку. Вымоем сапоги во вражеском море.

– Не хотите? – спросил улыбающегося Отца Александра Воланд.

– Нет, я же не олигарх. Хотя должность здесь ни при чём. Не поймёт меня моя паства. Я думал, что Вы спросите меня, как я отношусь к Вам и Вашим друзьям. Вопрос о создании мира сегодня не самый главный.

– Вы правы. Меня интересует, что Вы думаете обо мне и моих друзьях? Ведь в книгах я – лукавое зло.

– Очень просто: все ангелы – Божьи дети, которые созданы для добра и любви, а не для власти и зла. И каждый выполняет свою функцию. Ваша функция – карать зло. Делать зло – привилегия людей.

ВЛАСТЬ И ЛЮБОВЬ

1

– Спрашивал я Иешуа: почему он не пишет книгу, чтобы сохранить сокровище его мыслей и идей? И он отвечал мне кратко: «Моя книга в сердцах людей, они и напишут её».

– Напишут, но так, как им выгодно и полезно.

– Конечно, Смерть. И многое извратят. Потому что иначе не смогут жить с комплексом неполноценности, с больной совестью и страхом наказания. Ведь наказаны будут все, живущие в нашем Аду. И многие снова вернутся к нам – в мир испытаний и горя. И лишь некоторые,

получив небесное прощение на Страшном суде, попадут в Рай. А то, что власть предержащие, которые и издадут рукописи, извратят написанное – я знал. Ведь религия для них – очередной инструмент превращения простых людей в послушных рабов. Много раз я говорил в далёком прошлом и императорам, и солдатам, и простым людям: «Всякая душа да будет покорна Высшим Небесным властям, ибо нет Высшей власти не от Бога; существующая же земная власть вами установлена. Посему противящийся Высшей власти противится Божьему установлению. А противящийся власти начальников противится слугам своим, если они ленивы, расточительны и грабят народ, который их поставил беречь страну. Божья власть страшна не для добрых дел, но для злых, и справедлива и для простых людей, и для начальников над ними. Хочешь ли не бояться Высшей власти? Делай добро, и получишь похвалу от неё, ибо мы есть Божьи слуги. Если же делаешь зло, бойся, ибо я не напрасно ношу меч: я – Божий слуга, мститель в наказание делающему злое. И потому нужно не грешить. И не только из страха наказания, но и по совести».

В результате начальники согласились и издали книги, где рабы Божьи должны подчиняться только им, повиноваться, не рассуждая о зле ими чинимом, и верить в ложное и коварное: «Вся власть от Бога». Я не спорю с ними, а

только наказываю беспощадно и сурово, ведь они посягнули на мою и Божью власть. А в Аду порядки устанавливаю только я, а не гопники в золотых одеждах, галстуках и погонах. Земная власть меняется, Ад остаётся прежним.

2

– Никто и никогда в человеческой истории не отдавал власть добровольно, кроме нескольких коронованных романтиков, которые отказались от трона из-за большой и вечной любви к простой девушке.

«Вечность – это только время...» И, конечно же, вечность – это любовь. Хотя есть и другая точка зрения: «Любовь умирает всегда, деньги – никогда».

3

– Прав был Иисус: книги легко переписать, но невозможно извратить любовь. Хотя попытки в последнее время удивляют своими масштабами и шизофренией: 72 пола, трансгендеры, гей-парады и гей-браки, которые «освящают» женщины-попы, операции на детях по смене пола, зоофилия и другие «нормальности» под лозунгом «любви». Хотя это уже много раз было в истории человечества и никак не отразилось на вере и настоя-

щей любви. Зло живёт только в человеке, а не в ангелах, которые все под Богом и служат добру. А наказание за зло – это милость добра и исправления от Бога для заблудших душ. И я – главный каратель грешников, ангел и Божий слуга.

4

– Формула любви? Любовь на продажу? Сначала я отвечу на второй вопрос: девушки, которые работают на фронте физических утех, не продают любовь, а только секс, поэтому, Золушка, я не соглашусь с твоим мнением о самой себе и твоих коллегах, – Коровьев пристально посмотрел на Елену и продолжил, – как сказал Иисус Христос: «Блаженны дающие пропитание себе и близким любым честным трудом, а не обманом и насилием». А вот та, которая продаёт своё тело и замужество под лозунгом любви – лицемерка и мошенница, то есть – проститутка. Тебя я никогда так не назову. И ты себя так не называй. А если хочешь использовать какой-то ярлык, то почему бы не называться гейшей. В этом отношении японцы более мудры и справедливы.

Я вырос среди работниц секса. Когда убили моих родителей, меня успела забрать моя тётушка – сестра мамы и всем сказала, что я – её сын. Детство среди них – моё

самое лучшее время на Земле. Девушки, часто униженные и оскорблённые, показывали мне примеры большой стойкости, всепрощения и доброты, которых я не видел в «честных и порядочных» мошенницах. Моё мнение: благодаря гейшам на улицах меньше насилия и преступлений. Кроме того, они, как психологи, успокаивают разбитые сердца неопытных и наивных юношей, и всех мужчин, которых обманули проститутки зла.

– Да, да, Фагот, ты совершенно прав, - тут же встрял неизвестно откуда появившейся Кот, - если бы не Гелла, я был бы до сих пор наивным насильником багажа на Молдаванке. Уши не драть, уши не драть! – закричал Бегемот и спрятался у меня за спиной от ставшей невероятно длинной руки Геллы.

ФОРМУЛА ЛЮБВИ

– Конечно же, лучшая виагра для женщины – это золото и бриллианты. Но никогда не требуй их и не манипулируй мужчиной с помощью секса под лозунгом – «Купишь – дам». Пару раз это может пройти, но затем он найдёт другую, которая будет обвешана драгоценностями, как новогодняя ёлка, лишь только потому, что он купил их, зная, что она любит его, а не вечнозелёные деньги.

Не думай, что ты должна быть в постели, как реклама французской косметики и голливудская звезда. Это значит только одно – тебе плевать кто рядом с тобой. Забудь о штукатурке, просто сходи в душ. Самая желанная женщина – это любимая женщина с блеском в глазах, блаженной улыбкой и растрёпанными волосами.

Количество эрогенных зон у мужчин превышает количество непререкаемых правил эмансипации и женского превосходства. И если ты думаешь, что такая зона у них только одна – в члене, то скоро твоя постоянная и классическая поза лишит его страсти. И он найдёт другую, которая знает, что всё тело любимого – инструмент для ласки и вожделения.

Не болтай. Постель не место для дискуссий и споров, сплетен и обсуждений глупых подружек и их нарядов. Занятие любовью – это всепоглощающий альтруизм, когда самое главное в жизни – любимый, его тело, его запах, его восхитительный секс и только слова любви.

Не строй из себя каждый раз Орлеанскую девственницу, решив, что ложное стеснение, ломание и капризы со сжатыми ногами и железобетонным бюстгальтером и нижним бельём подымут твою цену. Чушь. Это только охладит его, и он найдёт ту, которая не будет считать своё и его тело развратом и грехом. Не стесняйся и не переигрывай. Ведь ты и он – одно целое, одна душа и одно тело.

Не отказывай мужчине целовать тебя везде, ведь твой клитор принадлежит только ему. И если он не брезгует тобой, то и ты не брезгуй им. Оральные ласки – это не только сексуальное удовольствие, но и доказательство исключительности твоей любви.

Уважай свою любовь. Постель – это праздник, поэтому надень самое лучшее платье и бельё. Не пугай своего мужчину сибирскими рейтузами и бюстгальтером «рыцарские латы».

Не бойся быть экспериментатором в постели. Камасутра – это твоё тело, твоя любовь, когда разные позы и необычные места для занятия любовью делают тебя неповторимой и желанной в любое время.

Помни – ты всегда загадочна и таинственна. Поэтому никогда не рассказывай своему мужчине о сексе с другими. Ведь он – единственный и исключительный, и никого не было лучше его.

Если ты хочешь избавиться от мужчины или сделать его импотентом – лежи с зажмуренными глазами и ничего не делай. Если же ты его любишь и не хочешь терять – прочти ещё раз написанное мной – женщиной, которая много раз находила настоящую любовь.

– Полностью согласен, – сказал Мессир, улыбаясь Гелле. Он поднял бокал, встал и произнёс: «За прекрасных дам». Мы все встали, Мессир чокнулся с каждым из нас и продолжил:

– А формула любви гениально проста – это дружба плюс секс. Секс без дружбы – трах. Дружба без секса – дружба. Без секса и дружбы нет любви. Ведь это соединение двух душ и тел в одно целое. Когда секс – просто любимая рука в твоей руке. Когда даже взаимное молчание также насыщенно, как и разговор. Когда утро начинается с улыбки любимого человека... И всё же, к сожалению, есть и другое мнение: «Любовь проходит всегда, деньги зеленеют вечно».

БРИЛЛИАНТЫ НАВСЕГДА

«Слёзы женщин – это бриллианты. Бог их считает».

Мессир

«Любовь нельзя купить».

Битлз

1

– Любовь проходит всегда? Не соглашусь. Настоящая любовь – вечна. Вот я люблю без взаимности Геллу уже более двух тысяч лет. Ещё чуть-чуть и это будет вечность.

Кот Бегемот взял с каминной полки погнутую виниловую пластинку, протёр её лапой и поставил на ржавый старинный граммофон. Раздался скрип запиленного временем и соответствующим обращением диска, сквозь который с трудом раздавались звуки музыки. И вдруг скрежет и шум исчезли, музыка зазвучала чистым и полным волшебства родником, как будто живой оркестр окружил нас божественной гармонией бытия. Бегемот самодовольно улыбнулся:

– Немецкая техника, это вам не лапти тачать. А счас, всенепременно, наш друг и коллега Волшебник перед командировкой в Африку, полной опасностей и чёрнокожих красавиц, прочтёт свой новый шедевр про любовь. Ах и ах, нет, не могу – вот, плачу, красотища-то какая. Похлопаем, товарищи, похлопаем.

Я встал, изумрудные всполохи огня из камина освещали стены старинного замка, лунный свет струился сквозь витражи огромных окон. Все мои друзья – Гелла, Золушка, Коровьев, Азазелло, Бегемот, Мастер и Маргарита были рядом со мной. Мессир накрыл ноги тигровой шкурой, улыбнулся мне и поднял рубиновый кубок с вином.

– Спасибо, мои друзья, что вы собрались проводить меня. «Я отправляюсь в дальний путь, но сердце с вами остаётся». Этот стих для нашей Золушки – Елены. Надеюсь, вы так же цените и любите её, как и я:

«Бумажным сном завешанная сцена
Рисует чёрным жемчугом гранит...
Мой светлый ангел с именем Елена
Меня от страха холода хранит...
Вне декораций, вне убогих линий
В костюме лжи, под маской Домино
Рукой хрустальной Белоснежный Иней
Налил в бокал предательства вино...
Я пью любовь безропотно и смело
В зеркальном отраженье чувства Лёд,
И верю ангел с именем Елена
Меня во тьме безумия спасёт.
Я верю в миг, как фрескам Боттичелли,
Я верю – снег растает без следа,
И время – враг безумные качели
Сломает и забудет навсегда...
Вне декораций, вне убогих линий
В пустом костюме маски Домино
Рукой хрустальной Белоснежный Иней
Налил в бокал прощания вино...
Бумажным сном завешанная сцена
Уходит в нарисованный гранит...
Любимый ангел с именем Елена
Меня от одиночества хранит...»

– Молодец, – сказал Мессир, – хороший стих, но лично мне больше нравится этот:

«Сирени запах, ветер в нежных ивах,
Луна и хоровод весенних звёзд...
Мы так легко уходим от любимых
И получаем старость вместо грёз...»

Помню, этак лет двести назад, познакомился я с девушкой из так называемого «высшего» общества, красоты необыкновенной. Наверное, кто-то из моих ангелов с её мамой очень тесно дружил. Бегемот вскочил и закричал: «Вот Вам крест, Мессир, не я, честное пионерское, не я. Ведь я – однолюб», затем шаркнул ногой, придерживая невидимую шпагу, и послал воздушный поцелуй Гелле. Мессир тяжело посмотрел на Бегемота, тот немедленно спрятался за кресло. Князь тьмы сделал глоток из кубка и продолжил:

– Специально для неё стал молодым красавцем – художником и, спустя короткое время, получил заказ на изготовление портрета прекрасной графини. В течение недели я развлекал её умными беседами и, не спеша, работал. Портрет ей, разумеется, очень понравился и она сказала, что моя работа стоит намного больше договоренных денег. «Чего ты желаешь?» – спросила графиня у меня. «Вы заплатили мне достаточно, – ответил я, – единственно, о чём я не смею просить, но смею мечтать – это о Вашем поцелуе». Она засмеялась и ответила мне:

– Мой поцелуй стоит очень дорого.

– Сколько?

– Один поцелуй – один бриллиант.

Я, молча, протянул ей бриллиант – небольшой, но изумительной чистоты и голубого цвета. Она изумлённо посмотрела на меня и спросила:

– Украл? Или сиятельная особа стала художником от скуки? Или любви? Впрочем, какая разница.

Графиня порывисто встала, подошла ко мне и поцеловала. После этого остановить её не мог даже я, чего, естественно, и не думал делать. Рано утром, когда я прощался с ней, она сказала мне:

– Я насчитала сто поцелуев, нет – двести. Ты должен мне.

– Я предлагаю свою любовь и дружбу вместо бриллиантов, – ответил я.

– Бриллианты – для девушки лучшие друзья, – засмеялась она.

– Камень, которым пользуются воры и стекольщики в профессиональных целях, дороже любви? Разве настоящую любовь можно купить?

– Мою можно, – снова засмеялась красавица и поцеловала меня, – двести плюс один.

На следующий день я принес ей бриллианты и ещё раз предложил свою дружбу. Она отказалась. Так продолжалось многие годы и, наконец, когда графиня постарела,

а я нет, она поняла, кто я такой и стала умолять меня о дружбе. В гробу, усыпанная бриллиантами, не смотря на глубокую старость, она смотрелась мило и... немного смешно. Ошибки молодости смешны для старости…

Слёзы женщин – это бриллианты. Бог их считает. Я – нет.

2

– Бриллиант – это само совершенство, идеальное отражение мира, в каждой грани которого заключены вселенные сверкающих радуг, прозрачных океанов, волшебных заклинаний, таинственных звёзд и космических путешествий. Это беспредельная капля времени. Это романтика, дружба и любовь. Бриллианты никогда не предадут, не обманут и не разобьют сердце. Для каждой девушки они убежище от огорчений, грусти и невзгод, когда бриллиантовые грёзы обволакивают мерцающей дымкой горе и беду, уносят прочь от одиночества бездушного света в сказочный мир Волшебника, фей и колдовства. Где суженый – верный рыцарь, молодость – вечный друг, любовь – навсегда, старость только в книгах. Бриллианты – заряд бодрости, покой и светлое будущее, лучший собеседник и пастырь нежных сердец, чистый луч в царстве темноты и порока, где покупается всё – слёзы, покорность, девичья улыбка и тело. Кроме свободы мечтать. Когда, глядя в ма-

гический кристалл необыкновенной красоты, ты видишь, что он – настоящая любовь, что он для тебя – жизнь, и что он единственный защищает тебя от реальности и лжи. Бриллианты – это лучший мир, мир фантазий, исполненных желаний и безграничных возможностей. Мир волшебной мечты.

3

– Лучший мир, мир мечты... Это либо Рай, либо сумасшедший дом, – сказал я и положил на могилу любимой Мессира букет алых роз.

СМЕРТЬ И РОЖДЕСТВО

«всякое древо, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь...»

Евангелие от Луки, 3, 9

1

Я знаю, что меня не ожидает лучший мир, потому что я работаю в Аду, где у большинства есть мечта, даже у меня – бессмертного ангела Смерти: не потерять душу.

2

«Рукой хрустальной Белоснежный Иней
Налил в бокал прощания вино...»

Как будто вместе со щелчком затвора исчез любитель поэзии, литературных вечеров Мессира и дамский угодник Волшебник, и появился профессионал и командир многонационального отряда наёмников с именем, данным мне много лет назад – Смерть.

3

Передо мной двое новичков – один «кукла» из местных, другой – «кровник» из Зурбагана. Кандидаты в мой отряд. Я говорю на французском, затем на английском языке:

– У вас нет семьи, нет друзей, вы потеряли всё, в какой-то момент вы хотели умереть, а значит, вы лишились храбрости и мужества, тех качеств, которые определяют победителя и хозяина своей судьбы.

– Что главное в нашей работе? – спрашиваю я у «куклы».

– Быть победителем, – отчеканивает он, преданно глядя мне в переносицу. Голубые глаза и тёмная кожа не редкость в этой части французской Африки, где смешались и смешиваются до сих пор белая и чёрная расы. Почти моего роста двухметровый доброволец застыл и ждёт ответа. После многозначительной паузы я говорю:

– Главное – быть живым и здоровым. Мертвецы победителями не бывают. Но сказано это, скорее всего, для «кровника». «Кукле» по статусу не положено быть живым.

4

– Я хочу от тебя ребёнка, – говорит она, прижав к груди плюшевого медвежонка – стандартный подарок «Красного Креста» к Рождеству.

– Сколько тебе лет? – спрашиваю я, снимая защитные очки. Закатное солнце мягким флером обволакивает её хрупкую фигуру. Огромные голубые глаза всё с тем же отличительным афро-саксонским набором серьёзно смотрят на меня.

– Восемнадцать.

– Значит пятнадцать. Давай договоримся: ровно через три года в это же время, в этом же месте я буду ждать тебя, – говорю я и иду дальше по направлению к дому Великого Вождя с именем из шестнадцати согласных. У всех местных девочек большая мечта: любить и родить ребёнка от белого. Причём количество и последовательность желаний в этом случае никакой роли не играет.

5

Они окружены не только численно, но и минным полем, внутри которого находится и мой отряд. Узкая тропинка из этого кольца известна только минёру и сержанту – моим землякам из Мельбурна. Я не спешу: мой девиз «Выжить» более конкретно объяснил всем сержант Марс: «Вернуться домой одним куском». Я никогда бессмысленно не рискую и не посылаю своих людей в атаку или на амбразуру в любой ситуации. Просто я не довожу ситуацию до понятия «любая». Для этого я использую разные методы, в том числе, добровольцев из местных – одноразовых «кукол», идущих впереди отряда в любой ситуации. Обычно вместе с ними иду и я, но не сегодня. В центр нашей ловушки я посылаю двух «кукол» с задачей уничтожить всех оставшихся в живых после попытки уйти по минному полю.

Марс достаёт из кармана блокнот и читает вслух отредактированный мной стих, посвящённый его дочери:

«Merry Christmas baby,
Завтра Рождество.
Утомлённый Мельбурн
Спит уже давно.

Спи и ты, малышка,
Все друзья во сне
Из волшебных книжек
Пусть придут к тебе.

Спи, мой ангел, сладко,
Ночи коротки...
Гном в твоей кроватке
Расстелил мечты.

Домовой подушку
Сделал из цветка.
Дед Мороз игрушки
Спрятал до утра.

Феи шепчут сказки...
Всюду волшебство.
Закрывайтесь глазки,
Завтра Рождество...»

– Здорово, – говорит он.

Я показываю большой палец, встаю и иду вслед исчезнувшим в лунной ночи добровольцам.

6

В конце работы – одна убитая «кукла» и пятеро мёртвых малолеток из банды «революционеров», делающих революцию под флагом наркобизнеса и похищения людей. Двухметровый новичок сжимает в руках наведённый на меня «калаш» и злобно твердит: «Не дам убить, не дам убить».

Рядом с ним стоит моя голубоглазая знакомая, мечтающая о ребёнке и любви. Медвежонка нет, вместо него возле её ног валяется снайперская винтовка. Как я понимаю, именно она убила другого солдата. К этому времени к нам подходит вся моя команда и окружает взбесившуюся «куклу».

– Почему? – спрашиваю я.

– Она моя сестра, – тихо отвечает он.

– Ты, наверняка, помнишь, как меня зовут. Это имя дано мне, прежде всего, потому, что я никогда не беру пленных.

– Она моя сестра, – снова повторяет доброволец.

– Хорошо. Выбор прост – она или вы оба.

– Кроме неё у меня никого нет. Они убили всех наших,

моих родителей, моих братьев, её увели силой, посадили на наркотики, я вылечу её. Смерть, отпусти нас.

– Значит, вы оба.

Новичок бросил автомат и закрыл собой девчонку.

– Значит, вы оба, – говорю я снова, – вы оба остаётесь в отряде. И с этого момента ты не ... доброволец, а полноправный член моей команды. И если ещё раз я увижу, как ты бросаешь оружие, то жестоко накажу тебя. Рядовой Рождество, смирно! Сержант, прими присягу у солдата.

«Смерть расскажет сказки – это волшебство. Открывайтесь глазки, рядом Рождество...», – напеваю я и иду к убитым малолеткам. Надо их обстоятельно обо всём расспросить. И эту работу могу сделать только я один. Сзади раздаётся звонкий голос девчонки:

– Спасибо, Смерть.

ЗЕМЛЯНИЧНОЕ ВАРЕНЬЕ

1

Я подхожу сзади к Красной Шапочке и шепчу: «Смерть не видел?» Красная Шапочка – весь восторг и обожание: на сцене кабака для солдат и офицеров Легиона кумир публики Герда поёт сентиментальную французскую песенку о вечной любви. Михаэль – Красная Шапочка, не

оборачиваясь, тоже шёпотом отвечает мне: «Смерти нет, есть Земляничное Варенье» и сладострастно вздыхает. Я стучу пальцем по хилому плечу и, наконец, «Мы» соизволили меня заметить: глаза Михаэля округляются от ужаса, он пытается улизнуть. «Смирно!» – рявкаю я ему на ухо. Михаэль сегодня дежурный, и его место точно не здесь.

– Вольно. Убедил, Смерти нет, сегодня я – Справедливость. Свободен до шести утра. За опоздание десять нарядов вне очереди. С Днём рождения, солдат.

– Спасибо, Смерть. Ой, пардон. Так точно, командир.

Кличка «Красная Шапочка» приклеилась к Михаэлю в первый же день, когда он явился, одетый в ортодоксальное барахло, в центр предварительного набора в Париже после того, как убил своего раввина за изнасилование несовершеннолетней сестры. Счастливый Михаэль наливает мне полную рюмку рома и чокается со мной. Сегодня у него стопроцентный шанс провести ночь с Гердой – Земляничным Вареньем, которая в такие дни никогда не обижает именинников. Я покупаю бутылку шампанского и бутылку коньяка и подхожу к столику, где оставил наших гостей из Бальбека – журналистку из многочисленных европейских «Правд» и её переводчика, знания которого нам не понадобились: я общаюсь с ними на румынском языке. Девушка с лицом Барби и ростом баскетболистки профессионально флиртует со

мной – наивно хлопает глазами, не задаёт глупых вопросов и с восхищением записывает в блокнот всякую белиберду, которую, я считаю, можно рассказать ей. Аудио- и видеоаппаратура запрещены, поэтому она пользуется блокнотом и тонкой золотой ручкой, в которую вмонтировано и то, и другое. Герда начинает петь шаловливую песенку о маленьких глупых девочках, идущих в тёмный лес. «Как добры все люди и животные», – поёт она и шлёт всем воздушный поцелуй. Я наливаю шампанское Верроне, а себе и переводчику двадцатилетнего коньяка. «За прекрасных дам!» – говорю я и чокаюсь с офицерами Сигуранца, главная задача которых не интервью и статья в газете, а поиск сына курдского командира – сепаратиста, убитого в прошлом году. Единственная вина паренька, который впервые взял огнестрельное оружие в руки только у нас, в том, что он может знать что-либо о соратниках и делах отца, и, конечно же, может быть выгодно обменен. Разумеется, после этого ему не жить. Никто помогать сотрудникам спецслужбы, конечно же, не будет, но хорошо провести время я им обязательно помогу. В том числе, легендами и небылицами нашего непобедимого Легиона.

Я приглашаю Верону на танец. Она, загадочно улыбаясь, идёт со мной в центр освещённого круга, кладет одну руку мне на плечо, другую даёт прижать к сердцу и доверчиво смотрит в глаза. Мы прекрасная пара. Она на каблу-

ках за метр девяносто, но на моём фоне кажется хрупкой бабочкой, прикорнувшей на груди утёса-великана. Музыка завораживает нас, обволакивает сказочным коконом иллюзий и любви. Пространство и время исчезли, нет никого – только мы, ночь и гипноз бирюзовых глаз. Я стряхиваю с себя наваждение и говорю Вероне:

– Обратите внимание на вот того двухметрового парня. Его зовут Эрик, кличка Гном. Он из Норвегии. Сбежал к нам от несчастной любви и тут же снова влюбился – в принцессу нашего кабака, в Герду – Земляничное Варенье. Юный солдат – девственник, когда его спросили о впечатлениях проведённой ночи с Гердой, сказал: «Это, как радуга, как космос, как ... земляничное варенье». С тех пор мы так её и зовём, и она не возражает, даже шутит: «Спасибо, хоть диабетом не назвали». Она практически не отказывала никому, но право выбора всегда оставляла за собой. Единственный солдат, который не пробовал Земляничного Варенья – это Эрик. Она не даёт ему под лозунгом: «Любовь в постели надо заслужить. И это взаимно, я ещё не заслужила тебя». Мы думали, что она просто издевается над Гномом, но оказалось – нет. Герда перестала спать со всеми подряд, делая исключение только именинникам. Регулярно посылает корзинки с домашней стряпней и сладостями для любимого Эрика, пишет ему стихи и носит медальон с его фотографией на груди. И всё же, я думаю, что

она перебарщивает. Я не верю ей, хотя она и говорила мне, что просто хочет убедиться в том, что влюбчивый Эрик не бросит её ради первой красивой юбки. И я уверен, что если Гном и сделал бы это, то она бы тут же вернула его из-за элементарной женской ревности и эгоизма.

– Вернула бы? – переспрашивает Верона, и хищный огонёк блеснул в её глазах, который она тут же потушила своими прекрасными ресницами.

– У меня к Вам просьба, необычная, – продолжаю я. – Не могли бы Вы помочь парню? Если Вы обратите внимание на Эрика, то бастионы крепости его возлюбленной обязательно рухнут. Так как, поможете? А Гнома я предупрежу, чтобы не ставил Вас в неловкое положение слишком явными знаками внимания к Вашей красоте.

– Конечно же, помогу. L'amour toujours L'amour. Любовь всегда любовь.

2

Я, Гном и Рождество провожаем наших румынских гостей. На моём лице отеческая и мудрая улыбка. Эрик и Верона никак не могут расстаться. Она плачет, он что-то шепчет ей на ухо. Кажется, мою просьбу они оба перевыполнили с лихвой. Бедная Земляничная Герда. Сама виновата, вовремя не включила своё главное оружие. Наконец, после многочисленных поцелуев и объятий, Верона села в джип. Эрик дрожащим голосом читает вслух стихи:

«Не огорчайся, мой любимый друг,
Коль смерть придёт ко мне без приглашенья:
В горниле всех болезненных разлук
Вернутся дни цветов и наслажденья…»

Верона завела двигатель и отбыла. Я говорю влюблённому:

– Я всегда к тебе прихожу без приглашенья и открываю дверь ногой.

Азазелло – Эрик гнусно ухмыляется и говорит на чистом русском языке вслед «любимой»: «Катись колбаской по Малой Спасской». Спектакль окончен, мы с Азазелло расслабляемся, смеёмся, Рождество недоуменно смотрит на нас. «Всё в порядке. Это наш подарок Сигуранце», – говорю я ему. По-прежнему ничего не понимая, лёгкий на подъём Рождество тоже улыбается до ушей. Пока Верона крепко-крепко спала, ей была сделана лёгкая косметическая операция по увеличению количества белокурых волос. Отличить фальшивые волоски от настоящих практически невозможно. Они будут двадцать четыре часа в сутки в течение года записывать все звуки вокруг любвеобильной и авантюрной журналистки в погонах. А лю-

бить она умеет и знает кого. Теперь будем надеяться, что она вернётся к нам, не обритая наголо, и не раньше, чем через год, ведь Эрик обещал ей найти того самого курдского террориста, а это процесс не из простых и не так быстр, как хотелось бы его «любимой». Хотя все эти сложности мне ни к чему, я и так всё знаю о Вероне, но ребятам из контрразведки этого не объяснишь. Приходится играть в шпионов.

Из-за поворота на огромной скорости вылетает розовый Кадиллак Геллы – Герды. Визжат тормоза, машина останавливается в двух шагах от нас, опускается окно:

– Мальчики, садитесь. Кто хочет мороженое с земляничным вареньем?»

ВЕЛИКИЙ БАЛ ФЕЙ

1

На десерт феи приготовили, в том числе, своё любимое мороженое более ста сортов. Вся наша команда, включая Мастера, Маргариту и Золушку, тестирует это изумительное произведение волшебного искусства для предстоящего бала и беспрестанно хвалит фей. Мессир зовёт всех к камину, мы садимся вокруг него, и он говорит:

– Прежде всего, я выражаю благодарность Золушке, которая предоставила свою жилплощадь для проведения

бала. Я также благодарю фей, которые сумели в очередной раз поразить меня своим сказочным воображением, доказав, что совершенству нет предела. Разумеется, я благодарен и вам, мои друзья. Особенно большое спасибо Маргарите, которая согласилась снова быть Королевой бала. Единственная моя просьба ко всем вам: веселитесь и будьте счастливы в эту необыкновенную летнюю ночь. А другие наши подопечные сразу же после дискотеки вернутся на Землю для нового рождения, подзатыльников, испытаний и исправления. Или не вернутся… Ад и свобода, как знаменитые кнут и пряник, исправляют большинство мерзавцев, злодеев и подлецов. И даже – некоторых людоедов…

Не будем отходить от классических канонов: пусть наши гости прибывают, как всегда, через огромный камин в стиле Людовика Тринадцатого. Именно во время правления этого скромного и образованного монарха, который высказал мудрейшую и бесспорную мысль: «Государство – это я» и передал её по наследству, и появилась первая Королева наших ежегодных балов.

В этот раз не будем насиловать многочисленными поцелуями колени прелестной Маргариты, а дадим возможность выразить глубокое и искреннее уважение гостей к ней поцелуями пьедестала, где и будет стоять её трон. Итак, через пять минут бой Кремлёвских курантов…

2

Кот Бегемот, крутясь возле старинного зеркала в Золушкином замке, расчёсывал огромным золотым гребнем свою шерсть и, как всегда, забалтывал нашу компанию:

– А ежели кто-либо занудливый и шустрый спросит:

«А где енто ваши феи? Их не видать», отвечу просто и с доистоинством…

– Не твоё собачье дело.

– Фи, Гелла, как можно. Надо культурно объяснить товарищу мертвецу, что всё это великолепие спланировали и соорудили феи и мы – скромные помощники и друзья Мессира, и что даже воздушные шарики надувал Смерть. Но почему-то я уверен, что никто, даже народный комиссар Берия, не спросит: «А на кого это работают эти так называемые феи и друзья?»

Далёкий бой Кремлёвских курантов с каждым ударом приближался. На двенадцатом ударе стены преображённой Золушкиной квартиры пали, и мы все оказались в огромном фойе Великого бала фей. Вверху одновременно сияли Южный Крест и Большая Медведица. Млечный Путь освещал мягким светом трон, Королеву, необъятный камин далеко внизу и пятьсот ступеней золотой лестницы, застеленной красной дорожкой с бриллиантовыми надписями по бокам – «Великий бал фей».

Бегемот насыпал пудры на хвост, промурлыкал: «Чудненько» и продолжил болтать уже возле трона:

– Бал фей всё же звучит блаженнее, я бы сказал – гуманнее, чем бал у Сатаны, миль пардон, Мессир. А то от страха и чувства вины гости и разбежаться могуть. Оне такие – гордые и бесстрашные, когда кто-либо в их власти и, как детишки, трусливы, когда к ним приходит тьма и её Князь. Или неподкупная Смерть. И где же наши понты и некультурные пошлые слова из шахматного лексикона? Нетути, все, даже бандиты, становятся интеллигентами. Но! Как сказал сексуальный вождь соединённых пролетариев о русской интеллигенции: «На деле это не мозг, а говно». Честно – это единственная мысль в его графоманском творчестве о диктатуре гегемонов и победе над здравым смыслом без флёра демагогии и лжи. Нравится. Очень! Однако возникает логический вопрос: а чукотская, монгольская, французская и т.д. интеллигенция кто и что на самом деле?

А вот и он, вот и он – как всегда в запечатанном вагоне с немецкими надписями. Многое намудрил и накуролесил шалашный «хений». Кое что бы ему на Страшном суде простилось, но есть грешок, с которым в Рай ну никак не попасть: детей зачем подписал на расстрел? А то, что они царские были – разницы никакой, дети – они и в колхозе дети…

А вот ещё интереснейший субъект – банки грабил, стучал на товарищей, друзей травил, расстреливал, одному ажно ледоруб в черепушку пристроил. Простых невинных людей по плану, состряпанному его палачами во главе с кровавым карликом, отправлял на бесплатные каторжные работы и бесплатный расстрел, «гениально» про…фукал начало войны, эшелонами слал целые народы в лагеря. Самое забавное, по-русски толком так и не научился говорить, зато написал, якобы сам, цельное собрание сочинений. Да, кстати, есть тута ещё один такой же нерусскоговорящий людоед. Но о нём попозже. Он мой самый любимый исторический персонаж. Так вот, смешно не то, что разбойник стал вождём и кумиром, в истории человеческой всякое бывало, а то, что наивный русский народ поверил чужаку и его сказкам о светлом будущем, проклиная свою многовековую историю, веру и предков. Вот и колбасит русский народ до сих пор за глупость, безбожие и пролитую братскую кровь.

Гляньте-ка, енто на колу любезный царёк-самозванец прискакал – это его забавная утрешняя игра была: с гиком и с присвистом насаживать на кол крестьянина, которого держали врастопырку за ноги его подельники. Ага, оне тож на колу прискакали вслед за кровопийцем. Красавцы. Вот уж кого нельзя пущать снова на землю: не исправятся

душегубы. Ну, может апосля тысяч сто или мульона лет. Кто знает?

– Я знаю, – сказал Мессир, протягивая Маргарите бокал Шато Лафите.

– А мне, а мне – встрял Кот, умоляюще протягивая обе лапы.

– А у тебя нос в … столетнем коньяке, тут же наябедничал, ухмыляясь, Азазелло.

– Предатель, – насупившись, ответил Кот, – сам меня подзуживал: «Никто не узнает, никто не узнает…» И с надрывом закончил: «И цельную бутылку в карман засунул. Гелла, давай с ним больше не дружить».

Гости всё прибывали и прибывали, вываливаясь из камина и тут же превращаясь из праха и скелетов в одетых в смокинги мужчин и в белых подвенечных платьях дам. Сверкали драгоценности, отражаясь в струях многочисленных бесшумных фонтанов, приглушённый, еле заметный тонкий аромат роз и хвойного леса насыщал бесконечное пространство, звучала лёгким фоном классическая музыка.

– Это Чайковский, – сказал Мессир, – никак не могу его отпустить: его гениальная музыка, созданная здесь, успокаивает и воодушевляет меня. Кстати он дирижирует Лондонским симфоническим, где играют приглашённые мной Святослав Рихтер, Ван Клиберн и Никкола Пага-

нини. Надеюсь, в следующей жизни они всё вспомнят и повторят. Как и многие другие творческие личности, которые прибыли по моему приглашению из Рая. Ведь этот бал часть исправительной программы, где добро лечит зло не только беседами, но и своим примером: пионерский утренник в тюрьме. Помню, как-то раз, пригласил я на очередной праздник Гленн Миллера и его знаменитый оркестр. Им так понравилось, что попросили меня оставить их в Раю. Пришлось организовать на Земле незапланированный уход без их участия. Но не это главное: музыка оркестра тогда очистила многие грешные души, и делает это каждый год.

Тебя, милая Маргарита, наверняка мучает вопрос: сколько же грешников на моём балу? Все, без исключений: кто умер сегодня в последние пять минут перед двенадцатью ночи и не попал в Рай. И, поверь мне, даже за эти короткие пять минут грешников набирается, как говорили древние, не умеющие считать, – тьма. Большинство возвращается в Ад, пардон – на Землю этой вселенной для исправления, что происходит каждый день. И лишь немногие остаются здесь в полном забвении: мои дорогие чудовища, сделавшие ад в Аду. Время от времени я выпускаю кой кого, чтобы снова разрушить комфорт, создаваемый добрыми душами, и усилить испытания, страдания и боль. Ведь моё Царство создано для конечной по-

беды добра во всех падших душах и во всех вселенных. Ведь Ад – психоневрологический диспансер Рая. Любое зло – это всегда психическое отклонение… Несправедливые работники религиозной культуры бездоказательно называют меня злом. Я – не зло, я – кара за зло, совершаемое людьми. Ангелы любого цвета делают только добро. А мифические домыслы и деление нас на чёрных и белых – чистой воды расизм.

– Мессир, а можно я продолжу рассказывать о наших вурдалаках Королеве, а то оне всё идуть и идуть…

Мессир кивнул головой и Бегемот, став за троном: «Для безопасности», затараторил:

– Вернёмся к самозванцу Петруше, имя которого на самом деле было Исаак. Пират, вор и убийца немецко-голландского происхождения, заменил с помощью иуды Меньшикова и германского правительства глубоко верующего христианина, любящего мужа, сына русского царя на самого себя и, не зная русского языка, преступно завладел троном. Табак, водка, уничтожение летоисчисления, веры, русской истории, первого русского парламента – Боярской Думы, рабство крестьян, миллионы погибших на строительстве масонского города на Неве – неполный список чудовищных преступлений самозванца, который самолично отрубал головы боярам на Красной площади. Пожалуй, зло, творимое им, ни с чем не сравнимо ни в прошлом, ни

в будущем. Лучше всего о нём написал Лев Николаевич Толстой: «Съ Петра I начинаются особенно поразительные и особенно близкіе и понятные намъ ужасы русской исторіи. Бѣснующійся, пьяный, сгнившій отъ сифилиса звѣрь 1/4 столѣтія губитъ людей, казнитъ, жжетъ, закапываетъ живыхъ въ землю, заточаетъ жену, распутничаетъ, мужеложствуетъ, пьянствуетъ, самъ забавляясь рубитъ головы, кощунствуетъ, ѣздитъ съ подобіемъ креста изъ чубуковъ въ видѣ дѣтородныхъ членовъ и подобіями Евангелій — ящикомъ съ водкой славить Христа, т. е. ругаться надъ вѣрою, коронуетъ блядь свою и своего любовника, раззоряетъ Россію и казнитъ сына и умираетъ отъ сифилиса, и не только не поминаютъ его злодѣйствъ, но до сихъ поръ не перестаютъ восхваленія доблестей этаго чудовища, и нѣтъ конца всякаго рода памятниковъ ему».

Что за удивительный народ. Каждого зверя, устраивающего геноцид русских людей, называть великим. Хотя, если быть полностью объективным, историю ведь писали начальники, а разве ворон ворону глаз выклюет…

Странные оне енти начальники: каждый рисовал себе биографию по вкусу – меняли всё, шо захочется, но в первую очередь – национальность. Как будто на Страшном Суде их по национальности судить будут – нетути там такой графы. Прямо работники культпросвета какие-то, которым псевдонимы для близости к народу нужны – вся-

кие пугачёвки, распутинки, брежневки – смех, да и только. Один, наверное, Аркадий Райкин – великий артист, не менял ничего и гордился тем, что мог высмеивать пороки любого проходимца вне зависимости от его национальности. Эх, жаль, в Раю человек, а то бы высмеял всех этих кровососов лучше меня. Правда, был один рукойводитель – Никита, который, чтобы и свои грехи закопать поглубже, развенчал культ личности и дал каждому невиновному и детям «врагов народа» вместо денег и извинений по бумажке о реабилитации, и тем самым спас страну от народного гнева и взрыва, который обязательно возглавили бы не боящиеся смерти и лагерей фронтовики. Молодец, поэтому нет его здесь сегодня: снова на Земле исправляется. И, кстати, пока всё хорошо: сеет доброе, мудрое, вечное в качестве директора средней школы, где его уважают и учителя, и родители, и ученики. Особенно после того, как на встрече с мэром отстоял землю, на которой стояла школа, от захвата «прихватизаторов», сказав: «Кузькину мать им, а не будущее детей». Правда, туфлёй по столу не стучал.

А вот и солнышко наше красное появилось – Владимиром кличут. Так он решил идти в ногу с прогрессом и замутить гибридную войнушку со старой религией и богами. Сам допёр или кто помог, но новая религия

чётко провозглашала, что любое начальство от Бога и надоть тута терпеть и молиться, молиться и терпеть, ибо в раю будет кисель без берегов и куча плюшек. Удобно и приятно для совести, кады придётся людишек в рабство поволочь, пьянство провозгласить, как национальную доблесть и традицию, ребятинушек в армию на двадцать пять лет определить, а тех, кто не поверил в гуманность христианства и взялся за вилы, огнём и мечом, огнём и мечом. Впрочем, красное солнышко делал так всегда, как, например, прямо на центральной площади захваченного Полоцка изнасиловал на глазах князя его дочку, а затем тут же ловко разрубил папашу пополам и в завершение вырезал печень у живого брата изнасилованной княгини. Поэтому было легко и привычно порешить тьму мерзких язычников ради светлого будущего всех начальников и их последышей на русской земле, и ради, само собой, райской жизни рабов Божьих на том свете: нечего тута под ногами путаться. Но самое забавное, ентого серийного убийцу и предателя православной веры – так раньше свою древнюю веру славяне называли, попы в святые записали. А то! Своим завсегда иммунитет от грехов сделаем. Ведь он убивал после крещения тока ради высокой цели. А то, что Христос другое провозглашал – не убей, и каждому по делам его, кого колышет. Ещё справедливости потребуйте. Ишь, накоси-выкуси! Если серьёзно, я

заметил, что к любой самой гуманной и человечной идее завсегда присосутся вампиры и людоеды, извращая и комментируя пророческие мысли добра по-своему в кровавых рамках царствующей тьмы, особенно когда в свете есть этакие крупицы зла. Вот, например, «Город Солнца» Томмаза Кампанеллы провозглашает всем счастья и по десять рабов (!) каждому гражданину, а «Манифест оптимистической партии» – всем счастья и при оптимизме женщины (не люди?!) общие будут. И во что это вылилось, я спрашиваю, товарищи? В концлагеря и расстрелы за анекдоты. До сих пор страшно так, что я меняю это жуткое слово, где только можно, на нейтральное – «оптимизму-с».

И, наконец, гордость Франции и не только: Наполеон Бонапарт. «Мы все глядим в Наполеоны; двуногих тварей миллионы…» Гордыня – самый тяжкий грех. Счас дружка своего искать начнёт, сумел, пострел, найти родственную душу – на каждом балу все двадцать четыре часа спорит с Адольфом Шикельгрубером, кто настоящие избранные арийцы – немцы или французы. А вы что думали, фюрер был первым фашистом? Ан, нет. Идеологию превосходства и избранности путём насилия и уничтожения второсортных тварей оформил корсиканский бандит, тем самым положив начало всем будущим геноцидам лишних и убогих люди-

шек. И, что интересно, почему-то все здравомыслящие люди проклинают берлинское чудовище, а французское – нет. Это есть не совсем загадка. Израильтяне не простили планомерное уничтожение евреев, а Россия в лице извращённой самозванцами и немецкими царями элитки, как всегда простила очередному убийце истребление своих рабов: русских и прочих ущербных славян – «бабы ещё нарожают». Но хоть по-французски перестали говорить и выучили русский язык – великий и могучий. Благодаря Наполеону и Петру Первому появился великий поэт Александр Сергеевич Пушкин. Но почему-то я уверен, что и без этих убийц и без эфиопского дедушки Саша родился бы и впитал язык от Арины Родионовны до совершенства и гениальных строчек: «Я помню чудное мгновенье…»

Вообще, это моё субъективное мнение – любой агрессор в любое время, как-то: Навуходоносор, Аттила, Чингисхан, Гитлер, Наполеон и т.д., всегда презирал поверженный народ и опирался на фашистскую идеологию избранности и всёдозволенности. Победа милосердия над проигравшим врагом – это преимущество избранной в своём благородстве нации и её воинских начальников. Поэтому простые россияне прощали всех побеждённых захватчиков и почитали героев войны – Кутузова, Суворова, Нахимова и многих других.

А теперь о «хероях» другой вселенной на другой планете Земля. Тамошний генеральный прокуратор самой большой страны Майкл Бэнкс из-за мании исторического величия и, канешна, за длинный пряник уничтожил Родину и отдал её на разграбление иноземцам. Майкл родился у мамы от чужого дяди, так дело житейское: артистки оне такие – эмоционально неустойчивые. Всю его биографию нарисовал ему родный биологический батюшка – Франкенштейн, начальник всей безопасности чиновников от простого народа. И уж нарисовал, так нарисовал: в семнадцать лет парнишка, якобы, будучи помощником тракториста, (обхихикаться) получает (!) орден Трудовой Доблести, который не могли получить передовики-тысячники и директора сёл-победителей в уборке урожая. А дальше тока правда: без экзаменов и собеседования принят в дипломатическую высшую школу, в двадцать лет становится главным директором молодёжного комитета Изумрудного города, и понеслось. Вплоть до премии Фауста за предательство, уничтожение Родины, смерть миллионов людей – по скромным подсчётам не меньше, чем в прошедшую войну, за успешное выполнение задания своих хозяев, завербовавших его в Галлии, куда очень любила летать на кофе его жена, за превращение в колонию сверхдержавы, которая не давала развязать очередную войну и была гарантом безопасности мира. Красавец!

А куда ентова бежит Барон Майгель по кличке «кровавый алкаш», который был генеральным прокуратором апосля Бэнкса? Дык к Майклу, смотри-ка, соскучился. Шерочка с Машерочкой – ужо затанцевали людёв при своей бесовской жизни до опупения, ограбления и противного изумления, что в очередной раз народ успешно развели. Таперя не смогут сжульничать, не выйти им никогда из небытия, одна радость – ежегодные балы у Мессира. Без упрёков, без упрёков, дорогой Мессир, все знают Вашу милосердную черту – прощать и миловать. Но, пожалуйста, только не их: не зря же они потеряли свою душу. А без души они даже туалетной бумагой не смогуть стать.

3

– Дорогой Бегемот, всё, что ты говоришь нашей любимой Королеве, правда, – говорит Мессир, – но я, как ангел, знающий цену ярлыкам и оскорблениям лишь только за то, что караю зло, должен добавить своё видение этих испорченных душ. Особенно, когда это касается морали народа, частью которого они были. Нельзя отказываться от своей истории и каждый раз переписывать её – это тупиковая дорога лжи. Многие начальники и вожди в нормальном человеческом смысле – аморальны. Но, как

руководители государства – отличные управленцы, что в результате приносило пользу простым гражданам. Поэтому некоторые из них за эту сторону своей сложной личности уважаемы своим народом и превосходят нынешних политических карликов и шутов. Я считаю, что зло, развращающее нацию, – это неуважение к своей истории, к своим историческим личностям – таким, как Иван Грозный, Николай Второй, Дзержинский, Брежнев, Хрущёв и другие, которые никогда не были предателями, в отличие от Бэнкса и Майгеля – плохие управленцы, дерьмовые люди. А снос памятников и переписывание страниц истории – это вообще безумие. Наполеон уничтожил генетический цвет французской нации своими набегами и войнами. Но никто в здравом уме во Франции не будет сносить его памятники и переделывать историю. Лично мне, как поклоннику всего русского, очень нравится Поэт с большой буквы Сергей Есенин. И мне всё равно, что он был пьяницей и дебоширом. Точно так же я преклоняюсь перед гением Дзержинского, который не зря сидел на царской каторге: многое натворил. Но его алмазный ум и талант руководителя сделали спецслужбу, возглавляемую им, лучшей в те годы на Земле. А это было на пользу молодому государству, которое выживало, окружённое многочисленными врагами, а значит – на пользу всему советскому народу.

4

Прежде всего, национальность есть только у людей, а не у ангелов и Бога. Разделять и ненавидеть друг друга по цвету кожи – это заслуга и достижение самих людей. Но, разумеется, я способствовал этому: в горниле зла выковывается добро. Я с большой подозрительностью отношусь к людям, делящим всех по национальному признаку, но ещё с большей подозрительностью отношусь к тем, кто вообще отрицает национальность. Великие русские исторические личности не всегда были «чисты» по крови, например: адмирал Нахимов – еврей, Даль, создавший толковый словарь русского языка – швед, у Пушкина дедушка эфиоп и так далее. Все они – русские душой и патриоты своей страны. В то же время большевики, в основном состоящие из евреев и создавшие организованную преступную группировку по национальному признаку, были интернационалистами, чтобы скрыть свою национальную заинтересованность в управлении страной. Мир должен быть многополярен: все нации должны не враждовать, а дружить друг с другом, но каждый у себя дома. Завоевание чужих народов через войну, революцию или «тихую» миграцию не допустимо. Это в любом случае шовинизм, для которого фашистские лозунги – родные: избранность высшими силами, арийское превосходство,

презрение к варварам и «недочеловекам» и святость их уничтожения. Часто и, в основном, специально путают два понятия: шовинизм и национализм, объединяя их в одно отрицательное явление. Это не так. Националист за свою уникальную культуру, язык, традиции, и считает, что все нации равны. Шовинист уверен: его нация номер один и должна управлять всем миром. Поэтому, если ты националист – это добро, и зло, если ты – шовинист.

5

– Сегодня на нашей дискотеке, пардон – на Великом балу фей присутствуют лучшие из лучших, наша Королева и несравненный Мессир. Ему и предоставляется слово, которое всегда в начале. Аплодисменты! Уряяя!

– Дорогие и недорогие гости, благодаря вам и вашей всегда корыстной помощи, мне удаётся проверять на вшивость массу душ от рождения до заката, от первой лжи до последнего греха. И самые чёрные души сейчас здесь. Я не могу сказать преданные души, ведь многие из вас по старой партийной привычке до сих пор пишут на меня доносы и кляузы Отцу моему. Спасибо вам за это. Значит, я не зря ем хлеб, данный мне Господом Богом. А сейчас наша Королева – добрая и безгрешная Маргарита, скажет самые главные слова прощения вам и даст свободу от

мучений на двадцать четыре часа от всего милосердного сердца и любви ко всему злому и падшему. Прошу, – сказал Мессир и подал руку Маргарите. Королева стала рядом с ним, посмотрела на Мастера и голосом, подобным голосу сказочной сирены, громко объявила:

– Да будет бал. Свободны!

6

Бал в разгаре, гости веселятся, как будто в последний раз, хотя, кто знает – души-то свои они давно потеряли вместе с честью и совестью. Одни резвились в бассейне с коньяком, отличным надо сказать: Бегемот занимался, другие – в бассейне с шампанским – с настоящим, а не с подделкой, третьи носились по зимнему павильону на лыжах и коньках. Дамы почти все уже голые выбегали с визгом из холода в жар летнего субтропического павильона и бросались в тёплую океанскую волну, которая нежно выносила их прямо на золотой берег одного из Сейшельских островов, где ещё не ступала нога человека. Многие танцевали, занимались любовью и пытались напиться до потери несуществующего пульса. Общая истерия в конце каждого из таких балов гасилась в нужный момент объявлением Мессира о прощении тех, кому снова давался шанс на исправление в одной из вселенной Ада.

7

– Мессир мгновенно преобразился, сменив смокинг на корейский королевский халат с золотыми драконами. С белым нашейным платком и в турецких, обшитых бриллиантами туфлях, держа в руке толстую кубинскую сигару, он был похож…

– На больную фантазию спятившего Кота, – закончила предложение за Бегемота Гелла.

– Зануда, я же диктую для истории. Ну, хорошо: в засаленном домашнем халате в дырках и заплатах, босиком Мессир поднялся на пьедестал, где раньше стоял трон Королевы и обратился к своим гостям: «Мы вместе со своим братом убедили Отца нашего не уничтожать человечество. Потому что верили и верим, что большинство людей не зло. Но вы, чудовища и отбросы – другое дело. Я так долго находился среди вас, что не верю ни единому слову вашего трусливого покаяния. И будь моя воля, стёр бы вас навсегда. Но Господь лучше меня и Иисуса, которого распяли такие же, как вы. И он по-настоящему милосерден, даже когда в показном гневе якобы хотел вас уничтожить без права искупления. И спас всех людей, и вас, в том числе, безжалостные ублюдки, через нашу с братом жертвенность и сострадание. Феи сейчас повесят на стенах бала списки помилованных, которые тут

же родятся в Аду. Имейте в виду – это ваша единственная попытка».

МАСТЕР И МАРГАРИТА

1

Бегемот сделал добрый глоток коньяка прямо из бутылки и продолжил: «Алмазное небо над головой. Звёзды – мерцающие светильники душ, свет, отражённый в зеркале Смерти и указывающий путь к Творцу, вечная энергия бессмертия, которую Святой Дух, дающий силу всем чувствам и эмоциям в океане бытия, превратил в жизнь. Вечерняя прохлада в фиолетовых сумерках вечной весны, жёлтая кирпичная дорога, ведущая к романтичному домику в окружении роз и сирени. Тёплый туман, обволакивающий пространство и нас – долгожданных гостей трижды правдивого писателя Мастера, влюблённого в свою бессмертную подругу – идеал грёз и веры, Королеву балов и полнолуния, ангела вечной любви…»

2

– Королева, как всегда, по традиции, в эту бальную ночь ты можешь выбрать любую награду.

– Я бы хотела помочь Золушке, Мессир.

– Ну, вот опять. Это по другому департаменту. И всё уже сделано. И новая работа, и деньги, и здоровье. Выбери подарок себе.

– Хорошо, попробую.

– Пробовать не надо. Выбери любой подарок, даже любую вселенную.

– Вселенную?

– Да, не стесняйся – всё, что ты захочешь.

Маргарита посмотрела на Мастера и тихо прошептала:

– Мессир, подари нам с Мастером Рай, о котором мы мечтали всё время.

– Молодец, отличный выбор. Вы давно достойны Рая. Я сделаю проще и сложнее одновременно: я подарю вам все вселенные, входящие в Рай. Вы станете полноправными ангелами-хранителями Рая. Путешествуйте и воодушевляйте писателей, поэтов, музыкантов, всех творческих людей Рая для создания новых миров. И просто наслаждайтесь бесконечными впечатлениями и бессмертием. Одна просьба: не забывайте нас и наши литературные вечера.

– Королева, время боится Вас, и уж тем более здесь, где вечность – это Ваш покорный слуга, а я – Ваш друг и поклонник, – сказал как всегда галантный Коровьев.

– Вы божественны, – перебил Коровьева Бегемот, и как бы не спорил со мной Азазелло, на фоне которого даже я

красавец и умница, Вы убийственно красивы и очаровательны.

Бегемот поклонился и протянул Маргарите огромный букет роз.

– Они с запахом первой весенней грозы и ночных орхидей с Карибских островов.

Азазелло буркнул: «Болтун», и Бегемот тут же подхватил: «Находка для шпиона. Я секреты бы продал, пусть меня научат», но тут же замолчал, когда Азазелло мгновенно достал из-за пояса изумительной работы пистолет, отделанный драгоценными камнями, золотом и серебром. Азазелло нажал на курок, и из дула пистолета вылетело синее пламя. Фейерверк отражённого света от зажигалки заплясал на стенах и потолке. Нажатием курка он потушил огонь и протянул пистолет рукояткой вперёд Маргарите.

– Это Ваш, Королева. Швейцарский механизм, усовершенствованный гномами, пожизненная гарантия, в хозяйстве полезная вещь, поджигает всё. А если Вы нажмёте на предохранитель, то и немного стреляет как пулемёт: неограниченное количество патронов стандартного девятимиллиметрового калибра. Цветы у Маргариты принял Коровьев: «Не беспокойтесь, мы сами, мы сами» и, отойдя в тёмный угол, принялся над ними колдовать.

Королева бала взяла пистолет-зажигалку у Азазелло, сказав спасибо, и поцеловала его в бледную щёку. Тут же выскочил Бегемот и мгновенно оказался между Маргаритой и Азазелло. Смущённо водя лапой, он страдальчески прошептал: «А меня поцеловать». Она засмеялась и поцеловала его в обе мохнатые щёки. Кот чёрной пружиной взвился под потолок, за что-то зацепился и стал носиться по кругу вниз головой: «Уря, Уря, Уря!»

– Прекрати балаган, – спокойно потребовал Воланд.

Бегемот тут же упал вниз на спину, лапами вверх, укоризненно посмотрел на компанию и сказал: «Умру непонятым гением, гордый арол савсэм маладой». Все засмеялись, даже Воланд улыбнулся. Королева погладила кота по голове и наглый притворщик, хромая и дергаясь, лёг возле камина, язвительно пробормотав: «Да, я – циркач, ну что же, пусть говорят вельможи». В это время Коровьев в классическом смокинге, выбритый, с неизменным моноклем в золотой оправе вернулся с цветами к Маргарите. Они оказались в великолепной вазе из горного хрусталя, в гранях которой медленно появлялись и исчезали живые картинки земной природы всех времён года, мягкая музыка Шопена наполнила комнату, розы сжимались в бутоны и раскрывались вновь. Маргарита сказала спасибо и тоже поцеловала Коровьева в щёку. Он смутился, тихо вздохнул и поставил вазу с цветами в центре стола.

– Плагиат, – пискнул Бегемот, – я протестую, это плагиат, цветы ведь мои.

– Не ревнуй и исчезни, – сказала Гелла, протягивая Королеве бархатную шкатулку, по красоте не уступающей подаркам её друзей.

– Хорошо, – покорно ответил Кот, – я исчезну. И растворился в воздухе, оставив видимой только хитрую физиономию. – Таперича я – чеши, свищи, мечи, тьфу ты, напасть какая. Короче, я – чернобыльский кот-невидимка.

Маргарита и Гелла перебирали серьги, кольца, браслеты, ожерелья и прочую драгоценную женскую радость, нескончаемым изобилием находящуюся в шкатулке. Бегемот уже видимый крутился возле дам: «Покажите, покажите и мне». Воланд сидел в кресле, задумчиво опёршись на руку, и смотрел в камин. Свет огня исчезал в его бездонных глазах, смуглое лицо становилось ещё темнее в полумраке ночных теней. Азазелло и Коровьев, используя шпаги как шампуры, жарили шашлыки. Стоящий возле любимой Мастер, был тих и светел, и казалось, что свет и тепло исходят от него, а не от камина. Все молчали, спокойствие и понимание старых друзей делали молчание осмысленным и глубоким, как если бы все давно научились общаться без слов. Это была гармония любящих душ. Воланд посмотрел на Мастера и Маргариту, его глаза, словно маяк, зажглись и тут же потухли, улыбка тихо прочертила каменное лицо.

– Я не спросил вас перед наградой о вашей теперешней жизни – стандартные вопросы вежливости, на которые не обязательно отвечать. Ведь мне и всем вашим друзьям и так известны ответы. Всем ли вы довольны, любите ли друг друга, цветёт ли вишнёвый сад, приходят ли гости, в том числе такие незваные, как мы, звучит ли любимая музыка? Но сейчас это уже не так важно, раз вы выбрали Рай. Но всё же один вопрос есть. Один вопрос к Мастеру: можно ли мне прочесть то, что написано Вами за эти счастливые годы покоя и любви? Я имею в виду все книги, а не отдельные главы, которые Вы читали нам.

– Разумеется, – быстро ответил Мастер,– но я думал, что Вы и так всё знаете и уже прочли мои книги.

– Да, я знаю достаточно много, но это не значит, что я позволяю себе читать рукописи и письма добрых людей без их разрешения, а тем более рукописи Мастера без его ведома. А писанину тёмных душ, в основном кляузы и доносы, я читаю, не спрашивая их. Спасибо за разрешение, я возьму книги с собой. Бегемот, принеси.

– Я сейчас, я мигом. Это вам, батенька, не за водкой с огурцами гонять бедного вьюношу, – уже на ходу приговаривал Кот, почему-то укоризненно поглядывая на Геллу. И через минуту после дикого мяуканья и борьбы неизвестно с кем вернулся, сгибаясь под тяжестью стопки

томов, отливающих золотым обрезом страниц и золотом тиснёных букв на кожаном переплёте.

– Вот, прямо с типографии припёр, не поверите, сплошные взяточники, даже швейцар потребовал двести рублёв заморскими деньгами. Нет, вы поглядите какие гады, я же лично считал сто тысяч экземпляров, а написано тираж десять тысяч. А нолик, нолик то где? Налоги с каких тысяч будут платить? Обманули сироту окаянные, – заголосил Бегемот, вытирая кулаком сухие глаза.

– Тихо, – приказал Мессир. И Кот тут же прервал себя на самой высокой ноте несостоявшейся истерики:

– Молчу, молчу. Москва слезам не верит.

Воланд взял из стопки верхнюю книгу и протянул её Мастеру:

– Прочтите что-нибудь по своему усмотрению.

Маргарита улыбнулась Мастеру, и он, посмотрев на Воланда, успокоенный, начал читать:

«Эта история, если и не бесконечная, то очень и очень длинная – миллионы минут, тысячи слов, сотни бутербродов, пять квартир, три кота и ни одной собаки по бумажной дороге в призрачный город снов.

Это волшебная история, т. е. сказка о том, что было и будет на самом деле с каждым из нас: от смелости молодости до одиночества старости, особенно, когда старость приходит в детстве».

ПЛАМЯ ВЕРЫ

1

– Начало и конец уже давно определены, даже если тебе удастся обмануть время. Звенья твоей жизни имеют один финал, как бы ты ни прятался и ни обманывал старость. Так что бояться нет никакого смысла, всё равно ты получишь то, что тебе давно предначертано. Страх – привилегия женщин и детей…

2

Дети, как стая жёлтоклювых воробьёв, перелетали из одного зала музея в другой. Картины в тяжёлых золотых рамах, словно в волшебном заключении, пристально всматривались в лица юных посетителей – этих живых бабочек-однодневок, порхающих в радостном небытие приближающейся старости и смерти. Мудрость и снисходительность картин, застывшим временем, наполняли пространство, мерцали теплом и светом божественного вдохновения, отражали величие бытия, созданного Гением таинственного Рая и ностальгии о вечной молодости и любви.

Толпа школьников, соря чипсами и бумагой, остановилась возле меня. Горели только две души, как будто они

услышали тихий призыв, и тонкая нить между нами стала прочнее алмаза. Что будет с ними, что будет со всеми детьми? Зажгутся ли души остальных, не потухнут ли все они? Только время сумеет помочь им. Или же не сумеет…

Пламя нравственности, неподдающееся лицемерию и нигилизму, снобизму кастрированной религии, цинизму самовлюблённых материалистов – это огонь свободы, веры без хитрости и демагогии, знамя истины и любви.

Надеюсь, это пламя поможет им понять, что старость близка настолько, насколько мы грешны. А вечная молодость возможна только в фильмах, книгах, картинах и в Раю…

Поэтому любовь ангела к смертному всегда заканчивается одиночеством.

МОЯ ЖЕНА МЕНЯ ПРИВОРОЖИЛА

В одиночестве я встречаю наш день – день свадьбы. На пустом столе бутылка и два бокала. С праздником, любимая. Тебя нет, и я не знаю, что случилось и где ты. Со мной только твоя записка и коньяк. Я никогда не отключаюсь, сколько бы ни выпил, но алкоголь накапливается, как газ в резиновом шаре, и притупляет любую боль, кроме воспоминаний:

«Запах роз врывается в открытые окна, сегодняшний день – праздник солнечного солнцестояния и нашей свадьбы. Мила в белом подвенечном платье, словно райский ангел – красива, юна и недосягаема. Я, затаив дыхание, молчу и смотрю на неё, как на инопланетный цветок неземной красоты, на фоне которого я чувствую себя деревенской изгородью, случайно окружившей божественное чудо. Мила берёт меня за руку и говорит:

– Ты – моя половинка, я сразу же поняла это, когда впервые увидела тебя. Поэтому всё время откладывала своё признание о том, кто я, боясь тебя потерять. Если ты передумаешь, я пойму.

– Ты – марсианский агент? – Не только марсианский, но это вторично. Главное – я могу менять предметы, людей и многое другое.

– Прекрасно. Значит, теперь у меня дома будет идеальный порядок от самой красивой и талантливой жены. – Не шути, это серьёзно. Короче, я – ведьма.

– Хорошо, но, пожалуйста, не в медовый месяц. А дальше я выдержу тебя любую, даже с котлом, метлой и истериками.

– Я – настоящая ведьма. Вот смотри.

И Мила лёгким движением руки отправляет по воздуху вазу на кухню, навстречу ей из кухни выплывают посуда, бокалы, ножи, вилки и бутылка вина. Она испуганно смотрит на меня в ожидании моей реакции. Я делаю ка-

менное лицо. И через небольшую провокационную паузу мысленно материализую в центре стола вазу с огромными орхидеями из другой вселенной.

Мила охает и жалобно говорит:

– Так ты знал. Ты – тоже…Ты – тоже колдун?

– День признаний и откровений. Нет, не знал. И мне всё равно. Ведь я – твой половин, и полюбил тебя навсегда тоже с первого взгляда. И нет, я – не колдун.

Я беру её на руки и целую:

– Моя жена меня приворожила? Прекрасно. Теперь я никуда не сбегу и ты от меня не избавишься. С днём свадьбы, любимая».

ПОЛЯРНЫЙ ЭКСПРЕСС

1

С днём свадьбы, любимая. Я закрываю глаза и медленно утопаю в воспоминаниях, в лучших моментах моей жизни:

«На Новый год и Рождество мы с Милой решили взять двоих детей из сиротского приюта «Белый дельфин». Мы выбрали брата и сестру – Ивану восемь лет, Василисе – пять. Их родители погибли в очередной авиакатастрофе. Василиса ещё не осознала, что родителей она не увидит

никогда. Иван всё знает и похож на маленького старичка с больными от горя глазами. Он поддерживает в младшей сестре иллюзию выдуманной истории о том, что после крушения самолёта родители попали в плен к пиратам и скоро наше правительство освободит их. Большую часть времени он молчит и держит Василису за руку. В сиротском доме я убрал все записи о ребятах и любые упоминания о них: нет бумажки – нет проблем. Или как говорит мой друг Бегемот: « Я с бумажкой – чебурашка, без бумажки – крокодил». Дома у нас всё готово: и ёлка в игрушках, гирляндах и конфетти, и пирожные, и три торта, и куча еды, включая чёрную и красную икру, и главное – подарки от Деда Мороза, которого мы заранее заказали. Помыв руки, мы садимся за стол, и я накладываю всем в тарелки всяких вкуснятин – каждому по желанию и немного больше. Не успели мы добраться до десерта, как раздался стук и знаменитое: «Хо-хо-хо». Я открываю дверь и впускаю Деда Мороза подшофе, но вполне адекватного и весёлого. Он садится в кресло и говорит:

– Дети, вы хорошо себя вели в этом году или хотя бы в последний месяц? А кто прочтёт мне стишок и получит шикарный подарок за это?

– Я, я, – подбегает к нему счастливая Василиса. Иван, никак не реагируя, молча, с серьёзным лицом смотрит на Деда Мороза. Василиса прочла «В лесу родилась ёлочка…»

Довольная и гордая собой получает заслуженные аплодисменты и подарок. Иван отказывается от чтения и, не говоря спасибо, берёт свой подарок. Дед Мороз на прощание выпил вместе со мной и, на ходу закусывая бутербродом с икрой, говорит: «Много работы, надо бежать». Дверь закрылась, Иван встаёт и уходит в другую комнату. Через минуту я иду вслед за ним. Он сидит на полу, обняв колени, и плачет. Увидев меня, рукой вытирает слёзы и говорит:

– Нет никакого Деда Мороза, и Бога нет. Почему Он не спас маму и папу?

Заходит Мила, Василиса веселится и играет с новой куклой около ёлки. Мила салфеткой вытирает лицо Ивана и спрашивает его:

– А если ты сам, лично увидишь настоящего Деда Мороза, тогда поверишь в Бога, Иванушка?

– Тогда я поверю в Деда Мороза. Бог – это другой человек.

– Хорошо, шаг за шагом. И ещё – Бог спас твоих родителей. Я тебе это тоже докажу. А сейчас, если ты не передумал, мы все летим на Северный Полюс, где, разумеется, живёт Дед Мороз и Снегурочка. И кстати, почему не было Снегурочки?

– Я спрашивал нашего Деда Мороза. Она просто опоздала, – отвечаю я.

Мила берёт за руку Ивана, и мы идём в зал к ёлке и радостной Василисе.

2

Все тепло одеты – полюс штука серьёзная. На улице холод, замёрзшие фонари и станция железной дороги, которая появилась возле нашего дома пять минут назад. Я обнимаю Милу и говорю:

– Пусть всё будет постепенно. И лучше ехать, чем лететь.

Вскоре раздаётся паровозный гудок и из тёмного зимнего леса медленно выезжает антикварный паровоз с двумя вагонами, на сверкающих боках которых размашисто написано золотыми буквами «Полярный экспресс». С полагающимся паром, свистком и визгом тормозов он останавливается возле нас. Опускается лёгкая железная лестница и из тамбура выходит очень солидный кондуктор:

– Добрый вечер, дети и взрослые. Меня зовут кондуктор Том. Паапрошу билетики и визы. Я достаю четыре рождественские открытки и протягиваю их Тому.

– Так-с, всё нормально, визы не просрочены. Вы как туристы или беженцы?

– Туристы.

– К кому?

– К Деду Морозу.

– Ах да, он звонил по поводу вас. Это, как я понимаю, Василиса и Иванушка?

3

В вагоне не было ни купе, ни перегородок. На полу лежит огромный персидский ковёр, стены покрыты изумрудным бархатом, окна – специальной плёнкой, не пропускающей свет наружу, только внутрь: мы видели всё и всех, нас – никто. Мы сели в кресла, стоящие по центру вагона, и поезд тронулся.

– Поехали, – сказал я и повернулся к детям, – Иван, ты так и не распаковал свой подарок.

Он сидел, напряжённо всматриваясь в пейзаж за окном – там зима сменялась весной, прямо на глазах распускались цветы и листья, ночь за мгновение превратилась в солнечный день, который постепенно становился летним. Иван механически распаковал коробку, и вдруг, потеряв всю свою серьёзность и взрослость, закричал:

– Это железная дорога! Это железная дорога! Я мечтал о ней с детства.

– Вместе с мостами, станциями, сигнальными фонарями и прочим оборудованием. Ручное и автоматическое программирование, максимальная длина дороги – двести пятьдесят метров. У меня в детстве та-

кого не было, только один маленький пластмассовый паровоз, который ничего не делал. Поздравляю, Иван.

– Спасибо большое. А что получила Василиса?

– Посмотри.

– Кукла.

– Это не простая кукла: она отвечает на любые вопросы и уже стала подругой для твоей сестры.

Иван снова превратился в маленького старичка, который мечтал о железной дороге в далёком детстве, и тихо сказал:

– Я Вам верю.

4

– А что во втором вагоне? – спрашивает меня Иван.

– Подарки для Деда Мороза и Снегурочки. Две машины: Бугатти 1936 года и Феррари 1963 года. Пойдём, посмотрим.

– А почему они такие старые?

– Потому что старое, чаще всего, лучше нового.

5

Мы несёмся на всех парах по дну океана, за окном фейерверк из рыб и прочей живности, такое ощущение,

что все они висят, падают и летают в воздухе – так чиста и прозрачна вода. Мы в другой вселенной, на другой Земле, принадлежащей Раю, но дети не знают об этом, да и какая разница, главное – их восхищение, смех и растопленные сердца. Наконец-то Иванушка стал самим собой, и холодное горе в его глазах постепенно исчезает и превращается в горячую веру в добро, любовь и Деда Мороза, со Снегурочкой, конечно. Он восхищённо машет руками:

– Смотрите, смотрите, – и показывает на подплывающего огромного кита, который с изумлением смотрит на наш волшебный поезд-амфибию.

Весь вагон стал прозрачным и мы, как храбрые первооткрыватели смело идём вперёд и только вперёд, открывая новые земли и новые чувства для наших маленьких друзей.

6

Мы в тепле и в уюте Снежного Дворца – резиденции Деда Мороза. Пьём горячий шоколад и беседуем. За прозрачной стеной напротив огромного, до самого потолка камина, вьюга и минус семьдесят. Василиса устроилась на коленях у Снегурочки и показывает ей свою новую подружку – куклу с искусственным интеллектом. Ива-

нушка бродит по залу и рассматривает объёмные живые карты миров, которые показывают те Земли в Раю, где есть хотя бы одна проблема с ребёнком. Таких, как я видел, было пять. Я передаю приветы от всей команды, возглавляемой Мессиром. Дед Мороз отвечает взаимностью и скармливает Василисе Полярные сладости, которые легки, как воздух, вкусны, как ничто на свете, и не сравнимы ни с чем на нашей Земле. Василиса, попав в кондитерский рай, не забывает угощать Снегурочку и свою подружку, которую она назвала Фиона. Дед Мороз зовёт Иванушку и спрашивает его:

– Есть ли вопросы у матросов?

Иван подходит к нам, внимательно смотрит на Деда Мороза, вздыхает и спрашивает его:

– Как Вы успеваете разнести по всему миру миллионы подарков за одну ночь?

– Легко. Я и мои помощники этого не делают. Наша задача – осуществлять учёт и контроль за всеми детьми и вложить в головы их родителей или других взрослых желание сделать именно тот подарок на Рождество и Новый год, который ожидает ребёнок. Наши агенты влияния – это родители и просто добрые люди. Вот как, например, твои с сестрой новые друзья. Есть ещё вопросы?

– Да, если на свете есть Вы и Снегурочка, то есть ли другие живые сказочные люди?

– Все до единого: и Золушка, и Маленький Принц, и Элли, и Шрэк, и, – тут Дед Мороз сделал небольшую паузу и хитро посмотрел на Милу, – и даже ведьмы, – а теперь, какой всё же подарок ты хотел бы получить от настоящего Деда Мороза?

Иван коротко посмотрел на всем довольную сестру и сказал:

– Дедушка Мороз, помогите мне и Василисе увидеть наших живых родителей.

7

Вся наша Рождественская команда на планете, которую выбрали родители Ивана и Василисы в Раю после жизни на нашей адской Земле.

Я говорю Ивану:

– Твои родители в Раю, ты не можешь быть с ними долго, только один час. Сделай этот час полезным – поддержи их и свою сестру. Василиса должна вырасти цельной и не разбитой горем. Это твоя главная мужская задача. Обещаешь?

– Да, – твёрдо отвечает маленький рыцарь.

Мессир не ошибся, как всегда, послав меня и Милу к этим прекрасным и важным для будущего детям».

СПИСОК ЛАНЪЯ

1

– У меня нет будущего, Мессир, без неё.

– Будущее есть и без неё, и без тебя, и без всех нас. Будущее многогранно. Оно – как безграничное поле подсолнечника, как повторяющиеся зеркала, как бесконечная матрёшка. Земля – лишь очень маленькая часть созданной Богом Вселенной, в которой возможно всё. Фантазии творческих людей воплощаются в жизнь и становятся реальностью. Фильмы, музыка, книги и картины – материал, из которого Бог постоянно создаёт новые вселенные, где шлифуются испытаниями и свободой выбора души. Самая талантливая творческая личность – это Творец, лучший поэт и писатель в мире... Найти Милу среди этих миллионов, миллиардов планет наугад практически невозможно. Кроме того, она имеет право быть ненайденной. Хотя ты тоже имеешь право – искать её, не забывая, разумеется, о своей главной работе, Смерть. Единственно, что я могу тебе посоветовать – это посетить вселенную «Архив Ланъя». Они с древних времён собирают информацию обо всех мирах, государствах и людях, как в прошлом, так и во всех направлениях будущего. Кроме того, они постоянно составляют список лучших ангелов и

людей в различных областях. Эта нефритовая печать откроет все двери «Архива», особенно главную – Верховного Хранителя. Кстати, благодаря нему я нашёл тебя, Смерть, после твоего нового рождения. И имей в виду – Мила часто меняет имена, но никогда – своё лицо и красоту. Чисто девичий бзик.

2

Внешне «Архив Ланъя» оставался таким же, как тысячелетия назад – экологически чистый заповедник патриархального древнего Китая. Весь поток информации помещался на одной флешке, правда, этой флешкой была сама планета, которая повторяла облик Земли, как и все бесконечные Земли всех бесконечных вселенных. После автомобильно-сигаретного Парижа, воздух лился в лёгкие, как горный родник, вызывая далёкие воспоминания из детства, когда на школьных каникулах я первые дни после заводского воздуха машиностроительного города не мог надышаться медовым воздухом деревни на краю Смоленской области. Я, наслаждаясь, не спеша, шёл по нефритовым ступеням, ведущим к сияющей в закатных лучах Пагоде с красной крышей и золотым драконом вверху. На полпути меня встретил мальчик лет десяти в традиционной одежде слуг императоров Поднебесной. Я

сказал ему о цели визита и передал нефритовую печать. Вместе мы поднялись к воротам, заросшим плющом и вьющимися розовыми кустами. Я остался ждать. Очень быстро мальчик вернулся и мы через небольшую калитку в воротах – мне, как всегда, пришлось согнуться пополам, вошли во внутренний двор, где уже стоял Главный Хранитель архива – Почётный Учитель Чжоу в белом традиционном халате, обшитом по краям скромной зелёной ниткой.

3

– Эту нефритовую печать много столетий назад я подарил Мессиру в знак благодарности и признательности с обещанием помочь любому, кто предъявит её. Уверен, что Вы его наиболее достойный и лучший … ученик или друг?

– Больше ученик, но и друг, конечно.

– Как похоже на него: наши дети и ученики, прежде всего, друзья, лишь перед этим – слуги. Печать, которую Вы принесли, сделана в виде цикады. Знаете ли, какой смысл вложен в это изображение?

– Не ищет славы, умерен в своих желаниях, радуется в одиночестве, говорит открыто, воодушевляет подобно добродетельному и благородному мудрецу, даёт жиз-

ненный выбор – скрыться от мира или быть на виду в дворцовых палатах, утверждая, что все пути истинны. Необходимо только сохранить чистое сердце и не вести лживых речей, тогда не нужно будет думать о своём месте в мире.

– Прекрасно. Не думал, что в отведённые мне годы я ещё встречу выдающегося ученика моего друга. Мессир должен гордиться Вами. Тем более, тем, кто выполняет самую сложную и опасную работу. Но, как я вижу, опасную не для Вас. Вы никогда не станете бессердечным и жестоким орудием Ада. Я не ошибся, Смерть?

Я растеряно кивнул головой в знак согласия, хотя чему удивляться – ведь я общаюсь с королём, скорее с императором информации, что радует – значит, он знает всё не только обо мне, но и о Миле. Верховный Хранитель улыбнулся, не удивлюсь, если он и мысли читает, и сказал:

– Людмила сейчас во вселенной «Генералы песчаных карьеров». Она выбирает миры, созданные по вашим с ней любимым фильмам. И всегда отправляется в прошлое, когда всё только начиналось. Это как войти в фильм в любом месте, в любой кадр. Вы можете поменять всё, даже сжечь этот кадр, но только на время Вашего присутствия там. На настоящее вселенной это никак не отразится, и после Вас всё вернётся на свои места. Никто не может переписать историю. Законы времени.

– Но почему? Почему она исчезла?

– Это её личный выбор, а значит – личная жизнь. Задайте этот вопрос, когда найдёте её. Мой Вам совет: если она откажет Вам, не преследуйте её. Это плохо, прежде всего, для Вас. Но в тоже время никогда не покидайте близких, если не выяснили всё.

4

Все вселенные, созданные и создаваемые Творцом, принадлежат либо Аду либо Раю. Моя Земля, где я стал Смертью, без всякого сомнения, – Ад. «Архив Ланъя», созданный по сериалу «Список Ланъя» – стремится к Раю. Быть может, поэтому мне так не хочется покидать его, или же причина в другом – в моей трусости: я боюсь, что Мила просто прогонит меня, так ничего и не объяснив. Хотя это тоже будет ответом: безжалостных ведьм легко разлюбить. Но перед перемещением мне нужно сделать работу, которую мне поручил Мессир.

5

Я стою перед домом уникального человека, которого не зря называют гением. Вот уже многие годы он занимает первое место в списке архива по интеллектуальному

уровню и среди ангелов, и среди людей. Благодаря его неординарной мудрости, интуиции, безошибочного предвидения на сто шагов вперёд, Земля во вселенной «Ланъя» вскоре станет единым Поднебесным государством. Десять местных лет назад он был отравлен долгоиграющим ядом, излечения от которого практически не было во всех вселенных, кроме одного лекарства – редчайшей травы вкупе с добровольной жертвой десяти физически здоровых мужчин. Но он решительно отказался, правильно считая, что жертвоприношение через переливание энергии крови станет дверью для зла и Ада, а его превратит в эгоистичного убийцу, которому никто не поверит.

Ко мне подходит его юный телохранитель, я предъявляю ему нефритового дракона, которого вместе с заданием по спасению главного, как говорили в моё спортивное прошлое – центрового героя «Архива», мне дал Мессир.

6

– Линь Шу, Ваши десять жертв найдены, они добровольно, даже с радостью поделятся с Вами кровью. За это они будут прощены и будут отправлены во вселенную, принадлежащую Раю.

– Я очень ценю Ваши усилия, десять преданных мне и Поднебесной есть и здесь. Их намного больше необходимого. И Вы знаете, почему я отказался. Жертвы, которые нашли Вы, ни чем от них не отличаются – это живые души и их жизни не оправдают моего эгоизма, даже во благо великой цели. Боюсь, что после этого сложно будет сохранить Рай и добро в моей душе. Кроме того, я в новой жизни после моей смерти опять буду тем, кем был всегда – защитником Рая. Спасибо, но – нет.

Я вздохнул с облегчением, хотя не сомневался в его ответе.

– Согласен, в новой жизни Вы будете героем и гением. Но пройдёт много лет и зло за это время превратит Поднебесную в Ад. Подумайте ещё раз – цель оправдывает средства.

– Добро из зла никогда не сделать, как не сделать пули, скажем культурно, из фекалий. Да, риск последствий реинкарнации велик, но другого пути нет.

– Хорошо, Мессир предвидел Ваш отказ. Поэтому от этого подарка, я уверен, Вы не откажитесь: лекарство, которое появилось в новой вселенной, недавно созданной по книге «Сердце Дурака». Этот эликсир неизвестен даже Вашему знаменитому архиву. Теперь Вы станете бессмертным защитником Рая. Надеюсь, Ваше сердце с этим согласно?

– Намекаете, что я – дурак? Большое спасибо, этот подарок я принимаю. Мои друзья и любимая будут рады, безмерно рады и благодарны.

– В сочетании с сердцем это не оскорбление. Потому что только наивные чистые сердца способны на самопожертвование ради Рая и других людей, которые часто называют такие поступки глупостью и сумасшествием. Я с удовольствием поднимаю эту чашу вина за наши дурацкие сердца. За Ваше здоровье, гений добра и света. Кстати, Ваша любимая тоже может стать бессмертной. И тогда вместе с ней Вы сможете путешествовать в Раю.

Только с восходом солнца мы закончили нашу, теперь я имею право это сказать, дружескую беседу с взаимным обещанием встречаться почаще. Я пожал руку Линь Шу и сказал:

– Мне пора, надо лететь в Ад – во вселенную «Генералы песчаных карьеров».

ГЕНЕРАЛЫ ПЕСЧАНЫХ КАРЬЕРОВ

1

В отличие от Милы я всегда меняю внешность в зависимости от мира и ситуации, или просто копирую кого-либо на время своего присутствия, отправляя хозяина заимствованного облика к Гелле и Азазелло в качестве дорогого гостя. Наш первый любимый фильм с Милой – «Генералы песчаных карьеров». Мир, созданный по «Ге-

нералам», я нашёл быстро. Я глубоко вздохнул и произнёс «Генералы…»

2

Мила в порванном грязном платье сидит на тюфяке Профессора. Он нашёл её на заднем дворе магазина, который собирался ограбить. Вся наша разношёрстная банда собралась на ужин и затем – ночной сон в заброшенной конюшне, где мы соорудили наше гнездо и базу. В основном это дети, единственный кому за двадцать – я, и ещё одиннадцать от семнадцати до двадцати – «Двенадцать апостолов». Так называется наша банда из восьмидесяти человек. Без нас, без «взрослых» малолетки давно бы подохли. У каждого своя специализация, каждый приносит в общак еду, деньги и любые вещи, которые он украл, слямзил, стырил, и которые могли бы нам пригодиться. Сейчас мы решаем судьбу новой девчонки – моей Милы. Она, разумеется, не узнаёт меня в обличье главы шайки. Профессор предлагает оставить её. Дрю Терн – псих с искалеченной душой после трёх лет в одиночной камере столичной тюрьмы предлагает убить её, предварительно пустив по кругу:

– Посмотрите на неё, она – белоручка, ни хрена не может, только балласт и лишний рот.

Я спрашиваю Милу:

– Что ты умеешь делать?

– Шить, готовить, знаю медицину.

– Какую к чёрту медицину, тебе и семнадцати нет, – говорит Дрю.

– Моя мама врач, я всё время проводила в её госпитале, в военном госпитале, а с шестнадцати работала медсестрой, окончив заочные курсы. Умею зашивать раны, делать уколы и другое.

Мила всегда выглядела намного моложе своих лет, а медицина и т.д. были правдой, ведь ведьмы умеют всё.

– Врёт, говорит озабоченный Терн.

Ему бы только трахнуть новенькую, ведь за изнасилование девочек банды у нас полагается смерть, он это хорошо помнит и ни разу не нарушил правило.

– Она остаётся, – принимаю решение я.

– Какого хера?! – бесится Дрю.

– Потому что я – глава «Двенадцати апостолов», а не ты.

– Это сейчас посмотрим, вызываю тебя на бой! – орёт обезумевший Терн и бросается на меня. Я одной рукой поднял его над своей головой и жёстко опустил на землю возле костра. Отсветы пламени отражались в его непонимающих и круглых от страха глазах. Я спросил его:

–Успокоился?

– Да, – хрипло ответил он.

Я подошёл к Миле и сказал:

– Теперь ты – член банды, никто тебя не тронет. Как тебя зовут?

– Дора.

3

Прошло несколько дней. Мила – Дора оказалась кстати, взяв на себя контроль за готовкой, а когда она зашила раненного Большого Джона так, что на следующий день он смог ходить, все полюбили её. Я никак не решался поговорить с ней, не зная, как она среагирует на меня и моё появление здесь.

Рано утром воскресного дня меня разбудил дежурный и сказал, что они задержали у границы наших владений попа. Возле открытых дверей стоял молодой священник в рясе и с медным крестом на груди. Рядом с ним в угрожающей позе – Терн с мачете в руке. Священник посмотрел на меня и спросил:

– Вы главный? Я принес немного еды и лекарства.

С этими словами он протянул мне увесистый свёрток.

Терн оттолкнул его и сказал:

– Не верю я ему, он – стукач.

– Посмотри, что в свёртке, – приказал я.

– Точно жратва. И какие-то таблетки.

– Хорошо. Дрю, возьми ребят и прошерсти всё вокруг, есть ли легавые в засаде. А ты либо сейчас признаёшься, и я обещаю – отпущу тебя живым, либо подохнешь, если привёл с собой псов и не сказал прямо сейчас.

– Клянусь, нет никого, кроме меня.

– Дрю, проверь.

Священник оказался занудой: всё время говорил о Боге милосердном и рассказывал детишкам библейские истории. Они сидели, открыв рты, и внимательно слушали его, словно сказочника из волшебной страны Гудвина. Короче, он оказался полезным, помогая нам едой, одеждой и воспитанием малышни. Мы с Милой часто проводили время в его небольшом доме возле моря, иногда, задержавшись в городе, до самого утра. Спустя пару недель мы сидели на берегу зеркального моря, освещённого жёлтой луной, дурачились, вернее, я строил рожи, рассказывая, как угнал полицейскую машину, Мила улыбалась и вдруг неожиданно запела: «Вечность – это время». Я замолчал и через минуту взял её за руку. Мила руку не убрала, но петь перестала. Внимательно посмотрев на меня, она сказала тихим голосом:

– Булит, ты прекрасный парень и мне очень нравишься. Но я замужем и люблю другого.

– Так почему же ты не с ним?

– Я обманула его, хотя и не хотела этого.

– Мила, закрой глаза, не бойся, а теперь посмотри на меня, это я – твой муж. Я принял свой обычный облик и взял её за другую руку. Мила бросилась ко мне в объятия и заплакала.

– Я с тобой, любимая, всё хорошо, я с тобой…

4

Мы молчим, Мила обеими руками держит мою руку, боясь, что я растворюсь и исчезну. Это чувство взаимно. Полная луна покрывает живым серебром морскую гладь, тепло и покой укутывают нас. Мила целует меня и говорит:

– Завтра, я всё расскажу. Завтра. Хорошо?

– Хорошо.

5

Сказать, что я был счастлив? Наверное, счастье было слишком простым чувством по сравнению с неизмеримой глубиной и пламенем моей бушующей и в то же время тихой радости, как будто я из калеки без рук и ног превратился в олимпийского чемпиона, как будто моё сердце и зрение вернулись ко мне и я снова стал чувствовать и видеть.

Мила не отходила от меня ни на шаг, словно не я нашёл её, а она меня.

6

Я иду вдоль пляжа и несу на руках драгоценную ношу – спящую Милу. Тихо баюкая любимую, я читаю на память сонет Гудвина:

«Я не волшебник, только ученик,
Но в дивном сне, конечно же, смогу
Перенести любовью в тот же миг
Нас в чудную прекрасную страну.

Я улыбаюсь, на моей руке
Ты, словно фея сказочная, спишь.
Век серебра, в распахнутом окне
Давно забытый призрачный Париж…»

Волн практически нет, звёздное небо посылает мне для исполнения желаний лёгкую искру – комету, которая исчезает за верхушками спящих пальм. Встретив Милу, я стал, словно деревенский дьячок, боязлив и суеверен. Поэтому шепчу единственное желание с надеждой и страхом: «Не исчезай, не исчезай…»

7

– Любимый, у меня идея: давай попутешествуем по вселенным наших любимых фильмов.

– Отлично. К тому же нам пора. С чего начнём?

– С «Алого сердца». Затем – «Дон И», «Звуки музыки», «Магия лунного света», «Ромео и Джульетта» и …

– Стоп, стоп, стоп. Всё меню брать не будем. Прекрасных вселенных, созданных для Рая, миллионы. Хотя, какого чёрта, ведь мы с тобой бессмертны. Моё сердце всегда с тобой, малыш, – говорю я, и мы снова целуемся под сиреневым зонтом кафе в центре Макондо, спасая от палящего солнца самих себя, мороженое и манго со льдом.

8

Я и Мила в гостях у Линь Шу, пьём шикарный чай, беседуем с хозяином дома. Вернее, я беседую с гением вселенной «Ланъя», а Мила показывает княжне Нихуан на своём телефоне моды современного Китая нашей вселенной.

– У меня к Вам просьба. Я уверен, что это по силам только Вам. Во вселенной «Генералов» зло практически владеет всем на Земле. Изменения возможны лишь со сменой строя и власти. Нищета и коррупция питают тёмные силы в душах граждан, но есть одно, что будет опорой

добра: все жители – верующие. Моё мнение – наилучшая система управления в данном случае – это христианское государство во главе с Президентом, который одновременно будет и главой церкви. Наиболее подходящая кандидатура – священник Отец Александр. Но без Вашей поддержки, включая поддержку Архива и Поднебесной в целом, у него – нищего монаха, шансов нет. Могли бы Вы помочь? И включить «Генералов» во вселенные Рая, также как вскоре Вы сделаете со вселенной «Ланъя». Разумеется, только после «Ланъя». Можете не спешить с ответом и всё тщательно обдумать.

– Да. Мой ответ – да. И это не только из-за моей благодарности Вам и Мессиру, но и из-за моего долга, как воина Рая.

– Спасибо, иного ответа я и не ожидал. А что это за шум и суета в Вашем саду?

– Ничего важного – это принц Сянь никак не успокоится, и снова послал ко мне убийц.

– Я не сомневаюсь, что Ваши телохранители и сами справятся, но позвольте мне немного размяться и подышать воздухом Вашего весеннего сада – розы, жасмин, резеда…

– Не сдерживайте себя. Но если удастся сохранить людям принца жизнь, я буду Вам признателен – они простые солдаты, которые исполняют приказы зла. Уверен,

что, если поговорить с ними, то они станут на сторону добра.

– Хорошо.

Я встал и тут же переместился в центр битвы в ночном цветущем саду. Самое лучшее и непобедимое кунг-фу – это время. Я просто его остановил.

АЛОЕ СЕРДЦЕ

1

«Я – мастер кунг-фу, до сих пор непобедимый никем, четвёртый принц королевства Корё. Меня безжалостная мать ещё в детские годы отдала в качестве заложника соседям, с которыми мой отец – король заключил мирный договор. Ко мне относились как к пленному, и только благодаря личному телохранителю короля Пэкче я выжил и стал мастером боевых искусств. Последнее испытание, которое давало мне титул «Непобедимый», я единственный прошёл и удостоился похвалы от короля, получив имя «Волк». Шкуру убитого мной голыми руками тигра и десять мер золота я получил от него в подарок. Кроме того, он разрешил мне посетить Родину и увидеть братьев, отца и бросившую меня мать. Причиной её холодности ко мне стала ссора с королём и попытка шантажировать его

моей смертью. Отец выбил из её рук нож, но в результате на щеке трёхлетнего ребёнка остался шрам. Из-за шрама и моего постоянного присутствия во дворце, что напоминало ей каждый день о её проигрыше и жестокости, она возненавидела меня и при первой возможности избавилась», – обо всём этом мне рассказал Ван Со – четвёртый принц королевства Корё перед тем, как я переместил его и его любимую в Париж. Поговорить с ними и выслушать принца, хотя я и так знал о нём всё, было успокаивающим маневром и возможностью без психологических потрясений для них объяснить устройство всего мира.

Я лечу на своём любимом вороном коне по улицам столицы Корё на встречу с Милой, которая ждёт меня на рыночном мосту, заменив главную героиню Хэ Су. Редкие прохожие в этот ранний час жались к стенам домов, когда я проносился мимо, и я слышал: «Это Волк, это Волк».

Весь в чёрном, с маской на лице, прикрывающей шрам, конечно же я не был настоящим принцем, а только его копией. Настоящий принц в это время, надеюсь, веселился в Париже моей вселенной со своей возлюбленной, Геллой и Азазелло. Счастливчик. Уверен, что у него не поедет его феодальная «крыша» от всего увиденного – победить тигра и волчью стаю может только психически закалённый боец, или конченый псих, который уже достиг дна сумасшествия.

Мой Вельзевул, или как там его называют здесь, доскакал до рынка. На мосту ждёт моя любимая. Как экзотический цветок она выделяется среди местных жителей своими круглыми васильковыми глазами, золотыми волосами вкупе с традиционной одеждой древней Кореи. Я подлетаю и на полном скаку правой рукой подхватываю Милу, приняв свой обычный облик. Она смеётся и прижимается ко мне. Мы несёмся дальше за город к сказочной горе в розовом облаке сливового сада, к сверкающему водопаду и уютному озеру возле него.

2

Голышом мы резвимся в озере, брызгая друг на друга согревшейся на солнце хрустальной водой и проказничая, словно непослушные и балованные дети. Возле костра я заранее разложил нашу еду во главе с бутылкой вина из парижских погребов – Шато О-Брион 1660 года, и, наливая в бокалы драгоценный напиток, сказал:

– За тебя, за нас, за нашу любовь.

– На брудершафт!

Мы пьём, целуемся и занимаемся любовью под небом вселенной, которая для нас уже стала Раем.

Вечером в отблесках костра, с распущенными волосами и глазами томной кошки, Мила выглядела соблазнитель-

ной ведьмой, самой прекрасной ведьмой в мире – реальной и любимой.

– Почитай мне что-нибудь, – говорит она.

Я делаю вид, что с трудом вспоминаю, и, тяжело вздохнув: «Старость – не радость», читаю ей сначала сонеты Шекспира, затем – Гудвина:

«Мой милый друг, мой ангел непослушный,
Ты вновь летала с ведьмами к реке,
И поутру с улыбкой простодушной,
Вздохнув, заснула на моей руке.

Я знаю, там цыганскою свободой,
Огнём костров и танцами полны
Все чувства сердца в сказке сумасбродной,
В фантазиях Булгаковской луны.

И я боюсь в своём реальном мире
Вдруг потерять, любимая, тебя.
Но счастлив я, поведав тайну лире,
Когда во сне целуешь ты меня.

Твоя любовь любых фантазий выше,
Как Нотр-Дам – Храм истины в Париже».

3

Мы снова в Париже. Четвёртый принц Ван Со выглядит замечательно: совершенно спокоен, уверен в своей внутренней силе и даже улыбается при виде Милы в той же одежде, которая была на ней во вселенной «Алое Сердце». Хэ Су не привыкать – она из двадцать первого века и ничему не удивляется. Мы все завтракаем за моим любимым столиком в кафе «Прекрасная Аврора», которое принадлежит нашей команде. Гелла наливает всем кофе и говорит по-корейски:

– Я бы хотела сделать подарок от всех нас Вам, Ван Со и Вам, Хэ Су. Это телефоны, которые соединят с нами в любое время, с любым из нас, в какой бы вселенной мы ни были.

– Я благодарен, Гелла, всем вам за этот подарок, за гостеприимство, которое, не буду скрывать, полностью поменяло моё видение мира. Надеюсь, что я смогу оказать вам достойный приём, когда вы навестите меня.

– Обязательно навестим, говорю я, – тем более, что Ваш мир стал вселенной, которую Вы можете сделать частью Рая.

– Могу или должен?

– Можете, это только Ваш выбор. Вам не придётся завоёвывать остальные страны, проливая кровь. В этом мире нет других государств и народов, кроме Вашего.

– А если я не захочу быть частью Рая? Что тогда?

– Это просто: я Вас убью. Шутка.

– Понимаю, я сделал бы также. И вместо эгоистичного глупца поставил мудрого правителя, который давно ещё в детские годы выбрал добро и справедливость. Я не дурак, чтобы идти против Бога и собственного сердца.

ДОН И

1

Мы покинули «Алое Сердце» и по желанию Милы, а её желание для меня непререкаемый закон, переместились во вселенную «Дон И» – вселенную созданную по корейскому сериалу, названному в честь главной героини с именем Дон И.

Я надел на себя обличье местного короля, а настоящего вместе с Дон И переместил в объятия своих друзей в Париж. Мила, как всегда, осталась сама собой – сногсшибательная инопланетная девушка в древней Корее. Сначала мы с Милой посетили прошлое, её любимую сцену, где она с королём обнаруживает дом, в котором преступники хранят соль, создавшую музыкальную дисгармонию и повод несправедливо обвинить его фаворитку.

Мы стоим возле высокого каменного забора, и Мила говорит мне – офицеру полиции, не королю – по сценарию главная героиня ещё не знает, что я – король:

– Господин офицер, помогите мне перелезть через забор.

Я осторожно беру её на руки и поднимаю над собой.

Мила шепчет:

– Нет, не так, ты портишь сценарий.

– Ах, да, – говорю я и становлюсь на четвереньки. Мила легко вспорхнула мне на спину и вопросительно сказала:

– Ну…

– Проклятая старость, всё забыл, – и я тут же деланно застонал от якобы тяжёлой ноши на своей нежной королевской спине. Мила перемахнула через забор и затем открыла ворота. Прячась в тени, мы, осторожно оглядываясь, идём к дому, возле стен которого лежат аккуратные небольшие мешки. Один мешок был открыт, и мы увидели спрессованную в брикеты соль.

– Ага, – говорит умница Мила – Дон И, – из этой соли были сделаны куранты, которые и создали музыкальную дисгармонию на празднике.

Сзади я услышал шорох подкрадывающихся к нам преступников. Пятеро негодников с мечами крались к нам.

– Любимая, разреши мне немного отойти от сценария и стать самим собой.

– Разрешаю, – по-королевски отвечает Мила.

Я иду к бандитам и говорю:

– Что вас больше испугает – то, что я король или то, что я Смерть?

Один из них, обращаясь к подельникам, говорит:

– Убьём дурака. И мгновенно бросается на меня безоружного с огромным мечом в руках. Я немного замедляю время и оказываюсь сзади у него, даю лёгкий подзатыльник, от которого он летит и ударяется о стену дома, затем отбираю опасные игрушки у остальных. Поверженные негодяи изумлённо смотрят на меня, ничего не понимая, вскакивают на ноги и исчезают за углом дома, где по сценарию их уже отлавливают полицейские, прибывшие минуту назад. Связанных их бросают возле ворот и начальник полиции спрашивает меня:

– С Вами всё в порядке, Ваше Величество?

Я подхожу к заговорщикам и говорю:

– Зря вы назвали короля дураком. Хотя чаще всего король милосерден, но Смерть – нет.

2

Мила, как маленькая девочка хлопает в ладоши:

– Это просто офигеть. Раз, раз – все бандиты на земле без ножичков и понтов. Ты – супер, ты – мой герой. Давай

теперь отправимся в настоящее и дадим бессмертие королю и Дон И.

– Без их согласия и решения Мессира это невозможно. И да, я – супер.

– Тогда возвращаемся в Париж, мой супер-пупер. Пусть вместе с королём они решают свою судьбу.

– Хорошо. Уверен, ты убедишь их, мой пупсик.

– Кто?!

3

– В монархической системе управления есть один большой недостаток – это престолонаследие одним из сыновей. То есть главой государства становится не лучший, а сын, который вполне возможно не годится для этой роли. В тоже время, я считаю, что стиль управления в большинстве стран в Вашей вселенной ещё хуже: смена правительства, спустя короткое время, ведёт только к воровству, потому что все они временщики, как и глава государства.

– Я с Вами, Ваше Величество, полностью согласен. У нас на Земле есть государства, которые существуют более двух тысяч лет, соединяя две системы: монархия – пожизненное правление и демократия – тщательный отбор и выборы на должность главы лучшего из лучших. Это

православие и католицизм – два направления религии под названием «Христианство».

– Как интересно. Без сомнения – это лучший путь.

– Вы можете, полностью опираясь на нас, законодательно закрепить в своей вселенной этот принцип.

– Я так и сделаю.

– Хорошо, тогда, я надеюсь, Вы примете подарок для Вас и Вашей супруги?

– Из Ваших рук, Мессир, с радостью.

– Это бессмертие, которое даст Вам возможность всегда контролировать Вашу вселенную и сделать её полноценной частью Рая.

– Спасибо, но я считаю, что главой государства должен быть смертный, которого выберут пожизненно. И он должен быть народным лидером.

– Хороший ответ. Хотя я другого мнения – смена главы даже через много лет ведёт к заговорам и интригам. А Божественное бессмертие короля вкупе с честностью, справедливостью и благородством делает государство навечно стабильным. Бессмертие – это не привилегия, а обязанность, которую даёт Бог.

– Да, Вы правы. Я принимаю этот щедрый подарок. Но ещё и потому, что я хочу, чтобы моя супруга и наша любовь были бессмертны. Ещё раз – спасибо Вам и нашему Отцу.

– Тогда – в путь.

ЗВУКИ МУЗЫКИ

1

– «Если заканчивается путь, значит, рядом начинается новый. Если Господь закрывает дверь, то Он обязательно откроет окно».

– Что ещё говорила матушка-настоятельница? – спрашиваю я Милу, улыбаясь.

Она в обличье молоденькой монахини из вселенной, созданной по фильму «Звуки музыки», сидит вместе со мной – капитаном фон Траппом в беседке в саду «моего» родового поместья около Зальцбурга. Тёплая летняя ночь, атмосфера золотых лет перед Второй мировой и наша любовь. Мы целуемся, и Мила мне говорит:

– Ещё мне матушка-настоятельница говорила: «Только после свадьбы». А она не даст соврать – сама семь раз замужем была.

– Мила, но мы ведь уже женаты.

– Не в этом мире. Кроме того, сцена замужества Марии – это отпад. Хочу, хочу, хочу… Там одно платье – мечта и улёт. А церковь! А органная музыка, фамильные драгоценности, гости из Вены – одни монархические и европейские сливки. Надо пригласить Битлов и Синатру.

– Но, любимая, они из другой вселенной.

– А ты разве не сможешь?

– Смогу. Но за отдельную плату, – говорю я и целую Милу.

Она страстно целует меня и, сверкнув озорными глазами, отвечает:

– Оплачено.

2

За день до свадьбы Марии и капитана фон Траппа, рано утром я стучусь в дверь ванной комнаты, никто не отвечает, я осторожно открываю дверь – внутри никого, на зеркале помадой написано: «Срочно вылетела. Вечером вернусь и всё расскажу».

Ощущение катастрофы не покидает меня. Я так и не спросил её – почему она тогда исчезла, деликатно давая ей время самой всё объяснить. Как я и предполагал, она не вернулась ни вечером, ни через месяц. Азазелло и Гелла вместе со мной опустошали винный погреб капитана и не давали мне сойти с ума.

Через месяц ночью меня разбудил прилетевший с Земли Мессир и сказал:

– Началась война. Ты должен лететь в Париж, затем в Касабланку. Разбитое сердце можешь оставить здесь.

КАСАБЛАНКА

1

– Каждый из нас внимательно изучил план по возрождению Рейха, тем более, практически все приняли участие в его составлении. Я вкратце ещё раз озвучу основные пункты. И если будут добавления, исправления, не стесняйтесь: ведь это будущее всей Земли, за которую мы теперь ответственны в полной мере. Первое: локальный ядерный взрыв на территории одного из постсоветских государств, который они сами организуют за обещание личной безопасности, полной секретности и дворца возле Берлина. После этого всех террористов ликвидировать. Второе: лидер немецкой нации уже подобран, это результат кропотливой работы всех служб. Его физические данные и психологический портрет полностью совпадают с подсознательным и сознательным видением большинства немецких граждан. Биография мудрого героя и воина готова. И главное: он всегда будет членом нашего Комитета, а не высокомерным безумцем-одиночкой или того хуже – идеалистом-революционером. Третье: показательное уничтожение Китая. Цель – устрашение всего мира и ликвидация огромного населения, которое невозможно контролировать. Четвёртое: временный союз

с Францией, Англией и некоторыми другими европейскими государствами для управления новыми территориями. Пятое: определение роли каждой нации в обслуживании Великого Рейха. Россия и постсоветские республики объединятся в Советский Союз номер два. Это возвращение строя, о котором они мечтают с девяностых годов: восстановление партии, колхозов, исполкомов и карательного аппарата, центральным органом которого будет Министерство правды. Сотрудниками репрессивных органов на девяносто девять процентов будут немцы, с постепенной заменой их на склонных к насилию и садизму местных. Уничтожение паспортов и документов, подтверждающих личность крестьян, их цифровое закрепление на колхозной земле, трудодни и безденежное натуральное хозяйство, запрещение заниматься частнопредпринимательской деятельностью, тотальное подчинение госорганов, партии и церкви Министерству любви. Избрание «сурового, но справедливого» вождя на должность генерального секретаря партии. Обязательно немца говорящего по-русски. Этот народ привык, что им всегда управляют иноземцы. Так же и в Америке: поставить президентом члена нашего Комитета. Его помощниками будут немцы и коренные жители из резерваций – индейцы. Тот же принцип организации власти и в других странах. Тем самым достаточно длительное время

мы сможем малыми силами контролировать всю Землю, ставя во главе каждой освобождённой от неполноценных особей территории несколько десятков истинных патриотов Германии и тысячи врагов поверженных государств.

2

– Обращение Фюрера Великого Рейха к жителям Земли: «Последние события в Европе и использование одной из сторон конфликта ядерного оружия даёт нам право прекратить эту бессмысленную войну и стать во главе всего мира, создав единое государство и единое правительство. Мы считаем, что ошибки Национал-социалистической партии Германии прошлого века и разделение людей по расовому признаку больше недопустимы: все нации равны, и малые и большие. Только одни делают лучшие велосипеды, другие – лучше выращивают рис и бананы, третьи – лучше всех играют на балалайке и т.д. Мы же – немцы – лучшие в управлении миром. Эта справедливая система положит конец всем будущим войнам и даст возможность любому жителю нашего Великого Рейха выполнять добросовестно основную функцию своего региона и нации. Все тяготы и заботы по распределению материальных благ, законодательной и исполнительной власти мы берём на себя. Наше новое гравитационное оружие,

созданное немецким гением, тому гарантия и основа для создания нового без страха, голода и перенаселённости идеального мира. Великий Рейх превыше всего! Так же, как и любой полезный работник, если он послушен и дисциплинирован. Да здравствует новый миропорядок без преступности, демагогии и лжи!».

В открытое окно вместе с весенним ветром влетает весь этот бред, издаваемый громкоговорителями мобильных станций гестапо, которые заполнили весь Париж. Интернет, радио и телевидение не работают, по-видимому, по всей Европе. Мир снова в очередной раз падает и по спирали несётся в пропасть. Я, Азазелло и Гелла пьём шампанское в надежде, что успеем допить весь ящик, пока в Париж не пришли регулярные войска новых господ. Долго же они терпели и прятались. Но надо отдать им должное: неожиданное появление гравитационного оружия поставило крест на любом вооружении, ракетах, танках и самолётах, не говоря уже о «безобидном» огнестрельном оружии. Человечество снова пришло к лукам и стрелам, правда, без стальных наконечников: любой грамм металла за долю миллисекунды становился многотонной глыбой. Кроме, конечно, вооружения доблестных немецких «освободителей»: неизвестный гений в глубинах Антарктиды создал и антигравитационную систему, которая позволяла Германии стать огнедышащим великаном в сравнение с

безоружными лилипутами остального мира. Безумные мечты глобалистов неожиданно стали осуществляться без их участия. Адольф жил, Адольф жив, Адольф будет жить.

Общим решением мы перемещаемся в неоккупированную немцами Касабланку, куда устремились европейские беженцы – единственное место, откуда можно было уплыть в Австралию, объявленную немцами нейтральной зоной. По-видимому, из благодарности: Австралия единственная страна, которая не выдала и не осудила ни одного нацистского преступника после Второй мировой. И, разумеется, из целесообразности: рядом Антарктида, рассекреченное место, где потомки «сверхлюдей» создали гравитационное оружие, доказав всему миру, что месть – блюдо холодное.

Марокко отдан немцами французам под лозунгом союзничества и общих целей, что в принципе и было правдой: в годы Евросоюза они много раз доказывали друг другу семейную любовь и преданность в ограблении европейских народов и остального мира. Человеческая история повторяется: те же агрессоры, те же лозунги и идеология превосходства, боль и страдания беженцев, которые ищут, как и в середине двадцатого века, спасение в Касабланке.

Мы выходим из нашего кафе «Прекрасная Аврора» шумной цыганской толпой: все девчонки, бармен и кухня едут

с нами, никто не хочет быть в оккупации, кроме того такую зарплату и защиту им никто не даст.

Наша цель, цель «святой троицы», как пошутил Мессир, – помогать тем, кто играет важную роль в дальнейшей судьбе человечества, особенно сейчас, когда новые арийцы задумали уничтожить большую часть «бесполезной биомассы». Коровьев и Бегемот постоянно сопровождают Мессира, но обещали время от времени посещать наше будущее гнездо алкоголя и разбитых сердец.

3

Прошёл месяц. Мой австралийский паспорт с именем героя моей любимой книги «Сердце Дурака» и большие деньги открыли мне многие официальные двери в Касабланке. Наш ресторан «Австралия» – с казино, танцами и живой музыкой – самый популярный в городе. Обстановка, декорации, костюмы официантов, музыка, вся атмосфера начала двадцатого века, и, разумеется, кухня и скромные цены притягивают европейских беженцев, ищущих покой и возможность забыться перед дальнейшим крушением их разбитой жизни. Тапёр Луи играет на бис только добрую, сентиментальную музыку прошлого века, игнорируя современные частушки-рэп, модные стоны и визги бесполых и безголосых существ. И это полностью отвечает запросам

публики разного возраста: беда улучшает вкусы и очищает мозги, даже у молодых, от шизоидной пропаганды и извращений. Наш ресторан, работающий до последнего посетителя, стал местом регулярных празднований получения выездной визы и последней надеждой для нелегального отбытия тех, кому в визе было отказано, чаще всего из-за коррупционной прослойки между беженцами и доблестными французскими полицейскими. Шеф французской полиции месье Шарль Перро никогда сам не брал взятки, предпочитая давать почти бесплатные визы, по государственной цене, молодым девушкам вне зависимости от их семейного положения, благородно не принимая отказов от его короткого покровительства. Все остальные обычно платили посредникам, и затем деньги попадали в бездонные карманы капитана Перро и его подчинённых. В остальном он был по-своему справедлив, честен и всегда держал слово. Вскоре его лучшим другом стал я, скорее – лучшим кормильцем, потому что в ресторане его всегда ждала бесплатная выпивка, обед и регулярный выигрыш в рулетку нашего честного казино.

4

Южное солнце мгновенно исчезло за горизонтом, каждый столик в ресторане осветился лёгким приглушён-

ным светом настольных ламп. Луи исполняет попурри из произведений Рэя Чарльза. Большинство публики переместилось в казино. Я играю сам с собой в шахматы, надеясь победить медленное время. Администратор Никитич принёс мне бутылку пятидесятилетнего коньяка и сказал: «Вы становитесь своим лучшим клиентом».

– Чаевых не будет, – ответил, улыбнувшись, я.

– Разумеется, тем самым Вы бы обидели меня, от Вас я бы никогда не взял на чай, только на коньяк.

Не успел отойти от моего столика Никитич, как тут же ввинтился и присел на краешек стула Флинт, который забирал деньги у богатых и бедных, не отдавая их никому.

– Можно я выпью с тобой?

– Нет, – отрезал я.

– Ах, да, ты не пьёшь с клиентами. Почему ты презираешь меня? Ведь я делаю доброе дело: помогаю бедным беженцам с выездной визой.

– За большие деньги, Флинт, за большие деньги.

– Разумеется, ведь я обязан делиться с нашими благородными и неподкупными полицейскими. И поэтому беру на себя все их грехи, а это недёшево стоит. Но именно потому, что ты так относишься ко мне, я тебе верю, единственному в этом зоопарке жадных обезьян. Я сейчас тебя удивлю, даже ты не видел такое. Посмотри – это подписанная самим губернатором Франции двойная виза на

выезд в Австралию. Ставь любые фамилии – и всё. Сегодня я продам её за огромные деньги. И прощай, Касабланка. Джеймс, не мог бы ты подержать у себя эту золотую бумагу ненадолго, пока я тут пью и играю в казино?

– На сколько?

– Часа на два-три, не больше. Спасибо, очень признателен. Надеюсь, ты теперь поменял своё мнение обо мне?

– Думаю, ты уже слышал, что до Касабланки не доехали два немецких курьера. Их кто-то застрелил в поезде.

– Невезучие черти.

– Да, Флинт, я поменял мнение о тебе. Оно стало ещё хуже.

5

В «Австралии» как всегда полно людей. На этом островке самообмана и надежд беженцы расстаются с последними иллюзиями веры в собственную значимость и сказок о непобедимом добре. Зло в лице гиен-скупщиков всего ценного и спекулянтов по продаже выездных виз день за днём планомерно обесценивает в их душах все заповеди Христа, и заставляет стремительно опускаться на дно: одни тонут в алкоголе, другие – в казино, третьи – идут на воровство и убийства.

Ко мне подходит крупье Робин Гуд и говорит:

– Месье Перро выиграл две тысячи марок. В кассе нет таких денег.

– Не проблема, пошли ко мне в кабинет.

По дороге к нам присоединяется сияющий капитан Перро:

– Мне улыбнулась удача. Не правда ли, здорово?

– Поздравляю. Но ты помнишь, что в этом месяце это её последняя улыбка?

– Разумеется. Я никогда не дергаю удачу по пустякам.

– Пустяки до ста марок позволительны.

– Спасибо, Джеймс, ты – король пустяков. Мы заходим в кабинет, я достаю из сейфа деньги и передаю их Робину:

– Отнеси их в кассу, пусть капитан получит их официально, чтобы никто не смог обвинить нас в коррупции.

– Да, завистливых людей полным-полно. Ты прав, старина, – соглашается Перро.

– Будешь арманьяк?

– Да, спасибо. Кстати, сегодня в твоём ресторане будет два важных события. Во-первых, придёт посол Германии во Франции оберфюрер Нос, во-вторых, будет произведён арест убийцы немецких курьеров.

– И то и другое для меня не так важно: в моём кабаке достаточно представлений.

– Надеюсь, ты не предупредишь убийцу?

– Я не подставлю свою шею ради кого бы то ни было.

– Мудрая внешняя политика. Ах, да, ты в курсе, что в Касабланку прибыл Александр Белорус?

– Александр Белорус?

– О, я вижу, что даже всегда невозмутимый Джеймс Гудвин впечатлён.

– Не удивительно, ведь Белорус впечатлил, как минимум, полмира.

– Моя задача, чтобы он не впечатлил другую половину. Он не получит в Касабланке выездную визу.

– Спорим, что он её всё-таки получит?

– Не получит. Кроме того, ему нужны две визы: вторая для дамы.

– Он оставит её здесь.

– Не оставит. Поверь, в своей жизни я не видел таких красавиц. Я сам готов дать ей бесплатную визу только за рукопожатие и сто виз за всё остальное.

– Так как, пари? Двадцать тысяч марок.

– Хорошо. Но я бедный коррумпированный чиновник. Договоримся на десять тысяч.

– По рукам.

– Джеймс, я иногда, не бойся, не часто, задаю себе вопрос: «Почему владелец шикарного ресторана и миллионер не может вернуться в Австралию? Быть может, потому что убил сенатора или соблазнил дочку премьер-министра, или ограбил кассу англиканской церкви?»

– Всё без исключений. Плюс перевёл сонеты Шекспира на «варварский» русский язык.

– Ничуть не удивлён. То, что ты полиглот, делает тебя ещё более подозрительным и… полезным. Если вдруг разоришься, я тебя с удовольствием приму на службу. Ты единственный с кем мне никогда не скучно.

6

После ужина Перро идёт в казино и вместо рулетки подходит к моему столику:

– Добрый вечер. Ну, ты прямо капитан флибустьерского корабля.

– Пираты нужны французской короне, поэтому им присваивались военные и полицейские звания.

– Понял, понял. Хочу познакомить тебя с интереснейшим человеком, о котором я говорил: с Александром Белорусом.

– Зачем?

– Мне нужно с ним побеседовать и поставить галочку о профилактической работе. А с тобой это будет проще и неофициально.

– Хорошо, пошли.

Мы входим во второй, меньший, но более уютный зал и подходим к столику, где уже сидят двое: Александр Белорус и Мила.

Мы посмотрели друг другу в глаза, и мир исчез... Через секунду я услышал, как капитан представляет нас:

– Добрый вечер. Я – шеф полиции Касабланки Шарль Перро, а это владелец ресторана Джеймс Гудвин.

– Что вам надо? – спросил Александр.

– О, ничего серьёзного. Просто в нашу глушь не каждый день прибывают такие знаменитые люди. И я от имени жителей и властей французской Касабланки приветствую Вас и Вашу прелестную спутницу и надеюсь, что вы проведёте у нас приятное во всех отношениях время. Александр встал и сказал:

– Извините меня за холодность. Просто не все официальные власти приветствуют меня так, как Вы. Познакомьтесь с мадмуазель Милой. И присаживайтесь.

– Спасибо, но, к сожалению, Джеймс не пьёт с клиентами.

– Сегодня пью.

– О, традиция разрушена. Мадмуазель Мила, это всё благодаря Вашей красоте и очарованию.

– Господин Джеймс, у Вас великолепный ресторан. А Ваша кухня нас более чем впечатлила, – обращается ко мне Александр.

– Это ничто по сравнению с Вашей работой: Вы впечатлили весь мир.

– Спасибо. Я не один и всего лишь пытаюсь изменить худшее к лучшему.

– Мы все пытаемся, но получается только у Вас. В это время к нам подходит оберфюрер Нос:

– Господин Белорус, наконец-то Вы прибыли. Рад Вас видеть.

– А я нет, – ответил Александр.

– Почему же? Вы теперь подданный Великой Германии.

– Ошибаетесь, я – гражданин Республики Беларусь.

– Такой страны больше нет.

– Скажите это тысячам партизан, которые фактически контролируют большую часть захваченной вами территории.

– Ну, это ненадолго, обещаю вам. Кроме того, Вы же, надеюсь, не партизан. Поэтому Вам необходимо подтвердить свой легальный статус.

– Господин Перро, я нахожусь под Вашей юрисдикцией. Это Ваш приказ?

– Я бы так не сказал, скорее – просьба. Пожалуйста, завтра к десяти утра я жду Вас, месье Александр, и Вас, мадмуазель Мила, у себя в префектуре. Шарль встал из-за стола, вслед за ним встал и я. Капитан слегка поклонился и сказал:

– Хорошо вам провести время. И не забудьте: завтра в десять. Я, Перро и оберфюрер идём в направлении столика, за которым сидят немецкие офицеры – сотрудники германского посольства. Все, как и их начальник, в форме

с той же фашистской символикой, которая была разработана много лет назад их «сверхарийскими» предками. Плохая традиция: использовать фетиш проигравшего Рейха. Оберфюрер говорит мне:

– Присаживайтесь. У меня к Вам пару неофициальных вопросов.

– Можете задавать любые официальные.

– Отлично. Мы собираем досье на каждого, кто в какой-то степени отличается от основной массы. У меня прекрасная память, Ваше досье я помню наизусть: «Спортсмен, чемпион Европы по баскетболу, рост два метра тринадцать сантиметров, необыкновенной физической силы: ломает подковы и скручивает пятьдесят центов в трубочку. Гражданин Австралии, национальность неизвестна, полиглот. Два высших образования – юридическое и психологическое. Воевал в Африке, сначала как офицер французского легиона, а затем как командир спецподразделения военной частной компании, зарегистрированной в Австралии. Написал несколько книг по психологии, защитил докторскую по богословию, женат, имя жены неизвестно. Причина невозвращения в Австралию неизвестна. Политические взгляды неизвестны». Пожалуй, начнём с малого: Ваша национальность?

– Я – верующий алкоголик. Все засмеялись, Перро сказал:

– Именно это делает Джеймса совершенно аполитичным гражданином Земли.

– И Великого Рейха. А что Вы скажете, если Германия завоюет Австралию?

– Есть районы на севере Австралии куда я не советовал бы вам вторгаться. Извините, ваше дело – политика, моё – бизнес. Я вынужден вас покинуть. Всё за счет заведения. До свидания.

Я встал и ушёл к себе в кабинет. Как и обещал Перро, полиция арестовала Флинта. Я это понял по его крикам и суете внизу. Визы я спрятал в шахматной доске, в отделении для фигурок, где заранее было изготовлено секретное место для секретных бумаг. Скорее всего, визы ему уже не пригодятся. Я вышел из кабинета и спустился в главный зал, где полиция уже в наручниках вела убийцу немецких курьеров на выход. Я стал возле оркестрантов и громко объявил:

– Всё позади. Прошу успокоиться и занять свои места. Луи, играй.

7

Я сижу за своим любимым столиком, глубокая ночь, последние клиенты покинули ресторан. Свет выключен, в полумраке от уличных фонарей всё стало серым

и тоскливым. Я пью и не пьянею. Я снова после исчезновения Милы потерял себя во времени и пространстве, ощущая хаос и холод в сердце. Почему она сегодня пришла в мою забегаловку, ведь в мире их несчётное количество? Почему мне по-прежнему больно? Где это чёртово время, которое, оказывается, так и не вылечило меня?

Ко мне подходит Азазелло и говорит:

– Кончай дурить, это уже вторая бутылка. Пошли к Гелле, повеселимся с девчонками.

– Нет, я жду леди. Она обязательно придёт. Обязательно.

– Бросай это дело. Она ничего тебе не даст кроме горя и боли.

– Я всё равно дождусь её. Уходи. Иди, отдохни.

– Нет, я тоже остаюсь. – Тогда сыграй мне «Вечность – это время». К половине второй бутылки она всё же пришла.

– Присаживайся, – говорю я и наливаю ей полный бокал.

– Мне очень жаль, что я снова сделала тебе больно, если бы я знала, что ты здесь, я никогда бы не зашла в этот ресторан. И всё же я должна тебе объяснить моё исчезновение.

– Начни с того, как ты выпотрошила глупого оленя и разбила ему сердце.

– Это не так. Послушай меня, пожалуйста.

– Хорошо, слушаю, не очень внимательно, так как я в доску пьян. Рассказывай.

– Я была ещё совсем девчонкой, первокурсницей, когда встретила удивительного мужчину, о котором уже тогда в моей семье говорили, как о выдающемся человеке. Я внимала каждому слову, как мне тогда казалось, любимого героя. Его интеллект, кругозор, необъятные знания потрясали меня. Он работал под началом моего отца во внешней разведке и был лучшим из лучших. Он идеально, без акцента говорил на всех европейских языках, наизусть читал сонеты Шекспира, стихи Байрона и Фроста, познакомил меня с забытой поэзией Пушкина и Есенина. Сам писал великолепные стихи.

– Впечатляет. А теперь ты мне расскажешь, как обычно делают все девушки с низкой социальной ответственностью под звуки расстроенного фортепьяно, о несчастной любви, которая толкнула их на грешный путь. Или же у тебя другая история? Не думаю.

Мила резко встала и, не прощаясь, ушла.

– Флинт ушёл, Мила пришла. Баланс наступил. Человека можно убедить, Смерть – никогда.

Мир поплыл перед глазами, я лёг на диван и отключился.

8

На следующий день около десяти утра я пришёл в префектуру. В офисе Перро уже сидел оберфюрер Нос, который сразу же спросил меня о губернаторских визах. Я предложил им, не медля, обыскать мой ресторан и найти визы, если их спрятал у меня Флинт. Оберфюрер усмехнулся и сказал:

– А может, лучше мы начнём обыск лично с Вас?

– Поэтому я здесь. Шеф полиции знает, что я законопослушный гражданин и не стал бы покрывать преступника. Перро кивнул головой и сказал:

– Это так. Джеймс единственный бизнесмен в Касабланке кто не торгует левыми визами из Парижа. За добровольное согласие на обыск моя благодарность.

В это время в офис вошли Александр и Мила. Я сел на боковой диван и закурил.

– Ещё раз приветствую вас в Касабланке. У меня нет к вам вопросов, вопросы есть у оберфюрера, – сказал Перро.

– Я бы сказал не вопросы, а предложение человеку с оригинальным ником – Отец, что подтверждает его лидерство в террористической организации «Сопротивление». Понятно, что Вы со своей прелестной спутницей приехали сюда с целью попасть в Австралию, для

этого Вам нужна выездная виза. Я и шеф полиции с удовольствием выдадим её.

– На каких условиях?

– Вы расскажите нам о «Сопротивлении», все адреса, имена, явки. И можете в этот же день покинуть Касабланку. Корабль, кстати, отплывает сегодня.

– Если я не сделал это, находясь в немецком концлагере, где методы были намного убедительнее, то, разумеется, не стану предателем здесь. У вас всё?

– Значит, Вы никогда не покинете Марокко. Не так ли господин Перро?

– Без сомнения. Для месье Александра визы не будет.

– Я могу идти, господин полицейский?

– Да, только одна важная информация для Вас: месье Флинт не выполнит своё обещание и не продаст Вам губернаторские визы. Он скоропостижно умер. Сейчас я решаю – это было самоубийство или попытка неудачного побега…

9

После таможни в порту на рынке я увидел Милу и подошёл к ней.

– Извини, вчера я был пьян. Теперь всё в порядке и я готов выслушать тебя.

– Вчера я увидела другого человека, не того, с кем я была счастлива, и кто понял бы меня.

– Я должен понять, что ты сегодня со мной, завтра с другим?

– Нет, я никогда не была с другим. Александр – мой муж, и был, когда мы с тобой полюбили друг друга. Из кафе «Синий попугай» вышел Белорус. Мила повернулась, и, не сказав мне больше ни слова, пошла навстречу к нему. От ощущения дежавю я остолбенел: всё это уже было в фильме «Касабланка». И вчерашние сцены, и Флинт, и визы, и ночной разговор, и сегодняшнее признание Милы. Сзади раздался знакомый голос:

– Месье, разрешите пройти.

Я обернулся, сзади стояли Мессир и мои верные друзья – Коровьев и Бегемот. Бегемот бросился меня обнимать, приговаривая:

– Похудел то как.

– А то – любовь врага подарит лишь рога, добавил многозначительно Коровьев, – ай, ладно, нечего нагнетать, пошли, наедимся кенгурятского мясца, только что прыгал перед австралийским грузовиком. Допрыгался…

И с этими словами тоже обнял меня. Мессир снисходительно смотрел на нас и, наконец, сказал:

– Здравствуй, Смерть.

10

– Мессир, я не понимаю, что происходит. Каким образом вселенная, созданная по фильму «Касабланка», оказалась здесь? Или я оказался без моего желания в «Касабланке»?

– Смерть, пути Господни неисповедимы. Но не волнуйся, с тобой всё в порядке. Просто две вселенные совместились. Зачем? Мы можем только предполагать. Но думаю, что дело в том, что главное – это победа над фашизмом. В первой и древней вселенной «Земля» закончились все духовные ресурсы для сопротивления злу. А «Касабланка» полна энергии и любви. Свет без любви – тьма. Только любовь может выиграть войну между добром и злом. Кстати, фильма «Касабланка» в этой совмещённой вселенной не существует. О нём не знает никто, только ты один. Интересно появится ли он после войны?

11

– Я даю тебе задания, которые никто кроме тебя не может выполнить, но твоя жизнь, твой свободный выбор – неприкасаемое личное дело. Ты можешь в любой момент отказаться от всего, даже от мундира Смерти. Твоё право. Так же, как право Милы делать ошибки и принимать любые решения. Почему она вышла замуж за тебя, будучи

замужем за Александром? Это её тайна, которую предстоит выяснить тебе.

Так же как предстоит выяснить, кто она – весёлая аморальная ведьма или же запутавшийся в любви и горе человек. Если она бессердечная ведьма, то не жалей ни о чём. Любой урок, а тем более, жестокий – делает тебя сильнее. И именно сила теперь нужна тебе, ведь я поставил тебе большую и сверхтрудную задачу: найти и уничтожить гравитационное оружие.

12

– И после всего этого могу ли я простить её? – спрашиваю я Коровьева.

– Когда прощаешь, прошлое не изменить, но можно изменить будущее. А значит простить можно всё, а затем уйти или, если есть силы, уничтожить предателя.

13

В клубах сигаретного дыма – все запреты цивилизации давно отменены, картинки на потолке были похожи на волшебные миражи сказочной страны. Луи пел весёлую песенку об удаче под лозунгом – «Живи одним днём». Ко мне подошёл Александр Белорус и сказал:

– Можно ли поговорить с Вами?

– Говорите.

– Не здесь, это конфиденциально.

– Хорошо, пойдёмте в мой кабинет. Будете арманьяк?

– Нет, спасибо. Вы знаете каким делом я занят – это борьба против новых арийцев со старой начинкой и безумием. Так получилось, что я стал лидером «Сопротивления», и поэтому мне важно быть в нейтральной Австралии, где можно будет создать центр взаимодействия всех антифашистских сил. Кроме того, я смог бы оставить под защитой и спрятать там свою жену. Для меня это очень важно.

– Вы так любите её.

– Лидер без любви, без сердца опасен. Да, я её очень люблю. Поэтому прошу Вас продать мне за любые деньги визы, которые, как мне известно, находятся у Вас. Вас устроит сто тысяч?

– Нет.

– Двести?

– Предлагайте хоть миллион, хоть два миллиона, я не продам их Вам.

– Почему?

– Спросите свою жену.

– Я с первого момента, когда увидел Вас, понял, что мы любим одну и ту же женщину. Я не требую никаких объ-

яснений. А просто прошу Вас: не хотите продавать визу мне, нет проблем, продайте для моей жены.

– Значит, Вы действительно сильно любите её.

– Больше жизни.

В это время в главном зале ресторана раздался песенный рёв победителей – «Германия, Германия превыше всего». Александр прервал разговор, резко открыл дверь кабинета и вышел в зал. Я последовал за ним. Он подошёл к оркестрантам и громко сказал: «Марсельеза!»

Рэй – руководитель оркестра посмотрел на меня, я кивнул головой. Оркестр, Луи начали играть гимн свободной Франции, Белорус громко запел: «Allons enfants de la Patrie, Le jour de gloire est arrive». Присутствующие, в основном французы и говорящие по-французски, стали вставать друг за другом и петь вместе с ним: «Contre nous de la tyranie, L'étendard sanglant est levé…»

Немцы, закончив петь, с удивлением и ненавистью смотрели на Александра. Их превосходство хотя бы здесь было повержено и унижено единством лучших представителей европейского народа, предки которых не сдались немцам во Второй мировой войне.

Оберфюрер встал и подошёл к капитану Перро, который, не скрывая удовольствия, наблюдал за происходящим.

– Вот видите, я говорил Вам: «Белорус – опасен». Даже

здесь, где все зависят от Ваших виз. Им только нужен был лидер, и он появился. Закройте ресторан. Прямо сейчас.

– Но у меня нет причины.

– Найдите.

– Хорошо. Внимание, ресторан закрывается. Здесь обнаружены казино и азартные игры. Немедленно очистить помещение. К капитану подходит Робин Гуд и говорит, протягивая ему деньги:

– Вы выиграли в рулетку.

– Спасибо. Немедленно очистить помещение. Немедленно.

14

Ресторан закрыт по распоряжению шефа полиции Касабланки.

– Сколько мы можем выдержать? – спросил я у Никитича.

– Недель пять-шесть.

– Хорошо. Скажи персоналу, что во время закрытия все будут получать полную зарплату.

– О! Спасибо. Шрэк будет доволен: я должен ему деньги. Я захожу в свой кабинет, возле окна в полумраке от уличного фонаря стоит Мила. Я не включаю свет и подхожу к ней:

– Я знал, что ты обязательно придёшь. Пока у меня есть драгоценные визы я не останусь без компании. Сегодня ты уже третья, кто готов купить эти визы или помочь мне их продать.

– Послушай, прошу тебя. Эти визы очень важны для Александра: его борьба, успех его дела зависят от прибытия в Австралию. Ты обижен на меня. Я понимаю, тогда дай только одну визу – для него. Без неё он погибнет в Касабланке.

– Не он один. Ты знаешь, кто я – Смерть примет всех и его тоже. Кроме того, тебе, как ведьме, ничего не стоит улететь вместе с ним куда угодно. Зачем этот цирк? Или тебе мало и тебе хочется ещё поиздеваться надо мной?

– Я не могу улететь в Австралию. Весь земной шар опутан сетью гравитационного оружия и уже много ведьм погибло, пытаясь куда-либо улететь. Ведь в каждом из нас есть несколько грамм всяких металлов. Подделать визы тоже бесполезно – в Рейхе всё на чётком учёте и контроле. Выкрасть у тебя невозможно – ты ведь ангел и защищён от любого колдовства.

– Я вижу, ты рассмотрела все варианты.

– Да, поэтому я прошу тебя, ради нашей любви, помоги мне.

– Любви? Ты смеёшься? Сейчас, ради своих хотелок и

игрищ ты скажешь всё, что угодно. Говорю в последний раз: я не дам тебе визы. Прощай.

– Я испробовала всё. Тогда мне остаётся только одно. Мила достала из сумочки пистолет и заплакала.

– Ты что забыла, я – бессмертный.

– Но не я, – и с этими словами она поднесла пистолет к виску.

Я мгновенно оказался возле неё и вырвал из рук пистолет. Мила закрыла ладонями глаза и сквозь слёзы сказала:

– Я больше не могу. Я боролась с собой, со своей любовью к тебе. Что мне делать?

Я отвел её ладони и посмотрел в глаза. Она не врала, это было правдой. И уже через секунду мы целовались так, как тогда, когда она попросила меня поцеловать её последний раз перед свадьбой в «Звуках музыки»…

15

– Что же произошло? И почему ты исчезла?

– Когда мы встретились с тобой, я была, как я думала, вдовой. Помнишь, ты спросил меня: любила ли я кого-либо до тебя? И я ответила, что он умер. Я была замужем только один день. В день свадьбы он уехал на срочное задание, обещав вернуться через два дня. Через месяц в наше посольство передали его вещи, урну с прахом и до-

кументы, подтверждающие его смерть – якобы он умер от воспаления легких. Анализ ДНК подтвердил, что это были его останки. Встреча с тобой спасла меня, я хронически не спала и тихо сходила с ума. Только потеряв тебя, я поняла, что любовь к тебе была единственной и настоящей. Любовь же к Александру была на самом деле восхищением, поклонением и желанием ребёнка походить на знаменитого суперчеловека, интеллектом, знаниями, добротой и благородством превосходящего всех вокруг. Даже его физические данные – красота, огромный рост, необыкновенная сила были вне какой-либо конкуренции. Когда я впервые увидела тебя, ты поразил меня внешним сходством с моим погибшим мужем. И, кстати, я не думала, что кто-то может быть выше его. И не только физически.

– Подхалимка. Мила улыбнулась и продолжила:

– Когда я полюбила тебя и вышла замуж, моя боль прошла навсегда и память о нём стала, как розовое облако из детских снов.

– Почему же ты не рассказала мне об этом?

– Я не имела право – всё, что касалось его работы и личной жизни, было засекречено. Но спустя два года нашей с тобой семейной жизни, я узнаю, что он жив. Это известие сломало меня: я была замужем и за тобой и за ним. В панике я убежала в другие миры, где ты меня и нашёл. И где

я поняла, что ты – моя единственная настоящая любовь. Но вскоре я узнала, что Александр отравлен, очень болен и при смерти. Я вернулась к нему, сбежав из вселенной «Звуки музыки», и спасла, и как жена и как ведьма. Моя забота и колдовские лекарства вылечили его.

– Когда он выздоровел, почему ты не вернулась ко мне?

– Прошло много времени, и я думала, что ты не простишь меня. Кроме того, я должна была быть рядом с ним для окончательного выздоровления. Только перед приездом в Касабланку он победил болезнь.

– И что теперь?

– Не знаю. Прошу реши всё за меня, за всех нас.

– Хорошо. Он получит визу и уедет. Но только без тебя.

– Я не смогу больше уйти от тебя. Мне нужен только ты.

Я осторожно взял её на руки и прижал к себе. Она снова заплакала:

– Всё в порядке – это от счастья. Не отдавай меня никому.

16

Перро, получив подарок к своему дню рождения, который будет через полгода, дал разрешение на открытие ресторана.

На утренний завтрак посетителей приходит не так много,

как обычно вечером на ужин, музыку и бесплатную выпивку в счастливый час. Я сижу за своим столиком, пью мелкими глотками турецкий кофе и пролистываю французскую «Liberty». Интернет умер, да здравствует печать. Ко мне подходит совсем юное создание, нервно теребя в руках клочок бумаги:

– Доброе утро. Могу ли я Вас спросить?

– О чём? – Держит ли слово месье Перро?

– Кто Вас послал ко мне?

– Эта записка для Вас. Я беру из её дрожащих рук серый листок. На нём написано рукой шефа полиции только одно слово – «Подтверди».

– Теперь понятно. Да, всегда держит слово. Присядьте. И расскажите, что привело Вас в Касабланку. Как Вас зовут?

Она аккуратно садится на краешек кресла, расправляет своё дешёвое в голубой горошек платье и начинает рассказывать – хрупкий лепесток в жестоком океане войны:

– Моё имя Яна. Мы с Джозефом – это мой муж…

– Вы замужем. Да, капитан Перро по-французски демократичен.

– Мы из Польши. Всего неделю тому назад поженились и решили уехать в Австралию, чтобы наша семья, наши дети жили в безопасности. Виза стоит больших денег, у нас их нет. Джозеф пытается выиграть в казино и, конечно же, проиграет. Поэтому я обратилась к капитану Перро.

– Мой Вам совет – возвращайтесь в Польшу.

– Это невозможно. Смерть схватила за горло всю Европу, там многие скоро умрут.

– Смерть здесь ни при чём.

– Как Вы думаете: если девушка совершит что-либо ужасное и сохранит свой грех глубоко в сердце ради любви, простит ли ей это Бог?

– Не знаю, меня никто так не любил. Мне пора идти. Прощайте.

Я встаю и иду в казино.

17

В казино столпотворение, Робин Гуд крутит рулетку и в этом он мастер и непревзойдённый фокусник, делающий деньги из человеческой глупости, жадности и безысходности. Многие назвали бы его шулером, но это не так – он не использует грязных методов, а просто, как божество игры, полностью владеет шариком и психологией игроков. Азазелло отбил его очень гуманно: без трупов и без тотального членовредительства у местных бандитов, где Робин был практически рабом и даже не смел выходить на улицу. А после их ареста, благодаря моему небольшому подарку в виде двухпудовой гири из чистого золота отпустившему животик шефу полиции, Робин Гуд стал работать у

меня, получая двадцать пять процентов от прибыли и не неся ответственности за проигрыши заведения, которые случались лишь для подогрева публики.

За столиком сидит Джозеф, держа в руке две фишки по сто марок каждая, и в очередной раз пропускает игру, не решаясь поставить и всё проиграть. Я подхожу к нему и говорю:

– Ставьте на чёрное. Он коротко посмотрел на меня и поставил обе фишки на чёрное. И, разумеется, выиграл.

– А теперь ставьте всё на тринадцать. Я посмотрел на Робина и снова сказал:

– Всё на тринадцать. Джозеф выиграл и на этот раз, получив кучу фишек. Я взял все его фишки и снова поставил на тринадцать. Он, молча, согласился.

– Если выиграете, то выигрыш пополам, – сказал я, глядя на крупье. Каменное лицо Гуда ничего не выражало, только на мгновение сверкнули глаза.

– Когда шарик послушно остановился на цифре тринадцать, публика шумно выдохнула и загалдела, привлекая остальных посетителей казино к «счастливому» столику. Я высыпал выигранные фишки в бумажный пакет и вручил его Джозефу:

– Обещайте мне, что больше никогда в жизни не будете играть на деньги.

– Обещаю.

– Отлично. Ко мне подошла Яна и обняла:

– Спасибо, спасибо.

– За что? Ваш муж вовремя поймал удачу.

Я имею в виду Вас.

Но игра на деньги – это не для него. Проследите за этим... в Австралии.

Я подошёл к бару, где растроганный Никитич попытался подсунуть мне рюмку самого дорогого коньяка:

– Босс, я Вами горжусь.

– За мой счёт?

– Нет, что Вы, я заплатил Шрэку.

Шрэк – бармен и помощник Азазелло, улыбаясь во весь свой златозубый рот, бормотал по-русски:

– Человечище, какой человечище. Можно я тоже Вас угощу?

18

Префектура полиции Касабланки высилась в торговой части города как маяк, дающий свет в виде выездных виз, а для тех кому отказано – как холодная и равнодушная скала в центре жестокого шторма. Радость, горе, надежда и отчаяние сплетались в сумасшедший клубок и разбивались о бронированные двери врат ада в Аду. Дежурный впустил меня, и я прошёл в кабинет

капитана Перро. Он встал, пожал мне руку и с лёгким упрёком сказал:

– И что это вчера было? Ты испортил мне мою романтическую афёру с полькой.

– Наоборот, я отдал должное взаимной любви и показал всем, что главный полицейский Касабланки – благородный офицер, а не озабоченный и мстительный чиновник. Ведь, не смотря на деньги, ты запросто мог найти причину и отказать им.

– Это точно. Но, надеюсь, сегодня шикарная блондинка, которую я приведу к тебе в казино, проиграется в пух и в прах и будет умолять меня, а не тебя – помочь ей.

– Без проблем. Кстати, у меня к тебе взаимная просьба: я собираюсь покинуть Касабланку, но не один, а с прекрасной дамой.

– Для тебя всегда найдётся самая-пресамая легальная виза. Но зачем тебе уезжать, развлекайся со своей прелестницей здесь, где тебя уважают и защищают в лице всей полиции города.

– Есть момент: она замужем, а её муж серьёзный человек, который может испортить нам жизнь.

– Кто это?

– Александр Белорус.

– Что!? Ну, ты даёшь!

– Поэтому я предлагаю тебе вариант, который устроит

тебя, меня и твоих немецких друзей: вместо постоянной слежки за ним я предлагаю закрыть его навсегда. Я скажу Белорусу, что продам губернаторские визы, он клюнет и ты возьмёшь его тёпленьким с доказательством на руках его причастности к убийству курьеров.

– Коварненько, но сгодится. Жаль, что я не нашёл визы у тебя, а то бы сам провернул всё это. И заработал…

– Не волнуйся, деньги за визы – твои.

– Отлично. Тогда немедленно приступай.

19

Первым после закрытия ресторана приходит Перро. Я прячу его за барной стойкой, пусть вприсядку помучается. Через десять минут заходит Мила и сразу же бросается ко мне и дрожащим голосом спрашивает:

– Ты скажешь ему сейчас?

– Нет, мы всё расскажем ему на причале, перед отбытием. Так будет легче всем нам.

Рассчитавшись с таксистом, заходит Александр. Я, не медля, отдаю ему визы. Он протягивает мне конверт с деньгами.

– Оставьте их себе, в Австралии они Вам пригодятся, – говорю я. И тут же появляется капитан с пистолетом в руке:

– Александр Белорус, Вы арестованы за убийство немецких курьеров и за всё, что захотят придумать немцы. Вы удивлены? Любовь не знает границ, как смерть – морали и благородства. Поэтому…

– Ты ошибаешься, Смерть благородна, – говорю я и направляю свой пистолет на Перро, – пистолет и руки на стол, чтобы я видел. Иначе пуля войдёт тебе прямо в сердце.

– Это моё самое неуязвимое место. Хорошо, я повинуюсь. Что дальше?

– Дальше мы едем в порт, где ты лично проследишь, чтобы никто не сомневался в этих выездных визах.

20

– Александр, дайте мне визы и идите оформлять багаж. Теперь наш уважаемый полицейский заполнит своей рукой графы, где указаны выезжающие за границу.

Белорус уходит, Перро берёт бумагу с визами и говорит:

– Согласен, так будет более официально. Дай мне ручку, Джеймс. Что писать?

– Мистер и миссис Белорус. Имена ты знаешь.

– Но почему? Мы же с тобой всё обсудили, – взяв меня за руку, испуганно спрашивает Мила.

– Ты плывёшь в Австралию. Тебе нельзя быть рядом со мной: я токсичен. Капитан подтвердит, что я буду аресто-

ван и отправлен в немецкий концлагерь. И именно это мне надо, ты знаешь, какая у меня работа. Кроме того, ты нужна Александру в его борьбе. Без тебя он не сможет жить и воевать. А его дело намного важнее истории женщины и двух мужчин. Без победы всё бессмысленно, и не будет никого из нас, потому что наша Земля будет уничтожена и вместе с ней вся Мультивселенная. Ты как-то написала мне: «Жди», я ждал тебя и дождался. Теперь я прошу тебя – жди, и когда всё закончится, а я уверен, что это недолго, мы снова будем вместе. Даже если это будет в следующей жизни.

– А что же с нашей любовью?

– Она осталась в волшебной сказке. И никогда не умрёт. Моё сердце всегда с тобой, малыш. Я люблю тебя.

– Я люблю, люблю тебя…

– Чур, не плакать, Александр возвращается.

Белорус подошёл к нам, Перро с удивлением смотрел на меня.

– Всё готово. Ещё раз большое спасибо, я – Ваш должник.

– Это точно. Но не только мой. Вчера без Вашего ведома ко мне пришла Мила, чтобы выманить у меня визы. Она испробовала всё: и слёзы, и фальшивое признание в любви, но ничего не помогало. Пока она честно не сказала мне, что всегда, даже когда думала, что Вас убили, и была со мной, любила только Вас и больше никого на свете.

Александр улыбнулся, пожал мне руку и сказал:

– Спасибо. И с возвращением в борьбу. Теперь я точно знаю, что мы победим.

– Без сомнения. Это письмо для Вас, прочтёте его на корабле. Идите, время не ждёт.

Александр и Мила пошли в сторону огромного корабля, но почему-то казалось, что не он своей массой поглощает их, а они, словно боги, управляют им и судьбой всего мира. Хотя именно так оно и было.

21

«Александр, прежде всего, счастливой и безопасной дороги. Уверен, Джеймс – мой ученик и друг помог Вам. Буду краток в своём письме: война закончится в этом году победой сил света. Вы станете Президентом своей Родины, которая прирастёт территориально и духовно, став центром возрождения Европы.

В начале своей работы, как главы государства, у Вас будет на выбор множество дорог, ведущих к гибели страны, и только один путь для жизни и процветания – это создание народного государства. То, что Вы выберите именно этот путь, как лидер нации, сомнений нет. Примите от чистого сердца мои советы: сразу же юридически и физически покончите с организованной преступностью, не взирая на лица и обвинения в жестокости. Развивайте и восстанавливайте экономику, не давая своему и чужому капитализму «прихватизировать» и разграбить страну, не доверяйте банкам и банкирам – основной опоре зарубежных ростовщиков и «благодетелей». Окажите первоочередное внимание молодёжи, образованию и патриотизму, не позволяйте вводить в обучение зарубежные «новинки», превращать учебники в научные трактаты, в средства отупения и разрушения психики детей. Воспитание и образование – самые слабые стороны любого молодого государства, и именно туда враги будут направлять свои деньги и усилия для разрушения будущей базы государства и внедрения своих агентов и идеологии, включая насаждение повсюду в ущерб русскому своего языка и антихристианской культуры. Не верьте никому, кроме проверенных тысячекратно своих друзей. Обратите особенное внимание на свою безопасность, потому что после многочисленных попыток подкупа и обещаний сокровищ враги попытаются применить последний излюбленный аргумент – физическую ликвидацию неугодного Президента, которого «слишком уважает народ» и называет Отцом и который не идёт в ногу с глобалистской «повесткой». Кто я, Вы поймёте, когда после прочтения этого письма на Вашей откры-

той ладони появится австралийская серебряная монета с изображением кенгуру. Эта монета, когда Вы зажмёте её в кулаке – Ваш призыв о помощи в экстренных случаях, которые, надеюсь, никогда не наступят.

С уважением, Ваш единомышленник и воин тьмы и света. Касабланка, 13 июня с.г.

А теперь, откройте ладонь».

22

Перро подошёл ко мне и подал флягу с коньяком.

– Я же говорил, что ты – сентиментален. Ну, что вернёшь мне пистолет?

Я хлебнул из фляги, и в ту же секунду возле нас остановился автомобиль немецкого посольства. Резко распахнулась дверь машины, вышел оберфюрер Нос, подошёл к нам и спросил:

– Что здесь происходит?

– Мистер и миссис Белорус отплывают в Австралию, – ответил Перро.

– На каком основании?

– Спросите Гудвина.

Нос достал портативную рацию и сказал:

– Соедините меня с дежурным по порту.

– Выключи рацию, – потребовал я, – выключи рацию.

Оберфюрер достал пистолет, но я был наготове и выстрелил первым. Фашист замертво упал на асфальт. Из дежурки выбежали полицейские. Капитан Перро приказал своим подчинённым:

– Убили немецкого офицера. Обыскать всю местность, перекрыть дороги и закрыть весь город. Исполняйте.

То, что я был более чем поражён, это ничего не сказать.

– Ну, что, Джеймс, не только ты страдаешь благородством и сентиментальностью. Это заразная болезнь.

– Держи пистолет. В городе сейчас опасно, даже немцев убивают. Совершенно бесплатно. Это преимущество и специфика Смерти. Но, как бы то ни было, Шарль, ты проиграл пари и должен мне мои десять тысяч.

– Наши десять тысяч. Эти деньги пойдут на подкуп свидетелей и полицейских.

– Наши? Старина, кажется, это начало крепкой мужской дружбы.

СПЕЦИФИКА СМЕРТИ

Снег и холод в осеннем окне,
Чёрный ветер смеётся и плачет,
Смерть – зима на рогатом коне,
Улыбаясь задумчиво, скачет.
Ей смешно – скоро старость придёт,
Белой вьюгой сердца заморозит,
Равнодушно мечты разобьёт
И в безмолвие кладбища бросит...
Всё пройдёт. Друг мой, крепко держи
Свой стакан – в нём огромная сила,
И себя за судьбу не вини –
Все мы путники общей могилы,
Все мы странники. Выпьем до дна
За обман тот, что жизнью зовётся.
Пусть холодная старость – зима
К нам с ножом, улыбаясь, крадётся.
Мы не дрогнем и честно нальём
Ей, как другу, чистейшего зелья.
Смерть прекрасна – за это мы пьём,
Жизнь без Смерти – обман и похмелье.

Продолжение следует…

Джеймс Гудвин-Волшебник

Специфика Смерти

Ответственный редактор Тамара Рудак

Художественный редактор Любовь Борщева

Корректор Людмила Бутусова

Иллюстрации Джеймс Гудвин

© Slav Mankovski, 2000 - 2025

